

Двукратный номинант Букеровской премии,
лауреат премии Сомерсета Моэма и премии Ондатже

18+

Филип Хеншер

Дружелюбные

*Хеншер — один из самых одаренных английских писателей,
а «Дружелюбные» — определенно его лучший роман.*

Guardian

Великие романы

Филип Хеншер
Дружелюбные

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Хеншер Ф.

Дружелюбные / Ф. Хеншер — «Издательство АСТ»,
2018 — (Великие романы)

ISBN 978-5-17-113561-4

Происшествие на семейном празднике Шарифа и Назии могло закончиться трагедией, если бы не вмешательство соседа, пожилого врача по имени доктор Спинстер. Перед вами история нескольких десятилетий из жизни двух семей: университетского преподавателя, приехавшего в английский город Шеффилд ради новых возможностей – или бежавшего от диктатуры и неминуемой опасности? – и британского врача и его четверых взрослых детей. В романе «Дружелюбные» Филипп Хеншер рассуждает на как никогда острые темы: кризис семьи, гражданские войны в странах третьего мира, восприятие другого человека, с иным жизненным опытом и воззрениями. Эта книга о том, что по-настоящему разделяет людей – цвет кожи или же образование, мировоззрение или уровень жизни? О том, на что человек готов ради ближнего своего, на какие подвиги и преступления.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-113561-4

© Хеншер Ф., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Книга первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	23
Глава третья	44
Глава четвертая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Филип Хеншер Дружелюбные

Заведу Махмуду, конечно

Серия «Великие романы»

Philip Hensher
The Friendly Ones

На обложке использована картина Альберта Анкера (1831–1910)

Печатается с разрешения литературных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd и Andrew Nurnberg

Перевод с английского: *Анны Логиновой*

Copyright © Philip Hensher 2018
© Анна Логинова, перевод, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Книга первая Маленькие Спинстеры

*Если бы жил я в пещере и виделся только с тобой,
Что бы тебе сказал я из того, что узнал я от стен?
Что человек недосоздан, что люди
Сотворены друг меж друга...*

Джек Андервуд. Мгновение

*Но в таком большом городе трудно выяснить, что это за люди и
что им от вас нужно.*

Артур Конан Дойл. Собака Баскервилей

Глава первая

1

День клонился к закату; Аиша встала и подошла к окну, выходившему в сад. Праздничное убранство появилось еще утром: под вязом поблескивала взятая напрокат красная печь для барбекю, на кустах висели гирлянды, а вдоль клумб выстроились фонарики. За оградой, стоя на стремянке, возился с фруктовым деревом пожилой человек. Он сгреб с газона белые опавшие лепестки, а теперь нашел себе занятие, позволяющее разглядеть соседей получше. В комнате все еще распинался итальянец. А мать и отец слушали его.

– Вот как? – рассеянно спросила Назия.

Нет, не таким ей виделся будущий зять. Гость был лыс. Растянутые рукава старого коричневого свитера, напыленного прямо поверх нарядной одежды, свисали на грязные запястья. До вчерашнего вечера Аиша с охотой внимала ему и поддерживала беседу, но внезапно умолкла и потеряла всякий интерес, передав его родителям, точно домашнего питомца, о котором долго мечтала, но ухаживать за которым ей быстро надоело.

– У нас на Сицилии часто устраивают такие праздники, – вещал он в эту самую минуту, – но летом слишком жарко, чтобы есть днем. Мы ждем девяти или десяти часов вечера, а потом едим холодные блюда, чаще всего пасту. Мы не жарим мясо на улице, как вы.

Настала очередь для реплики Шарифа:

– Надо же!

В ветках вяза красиво, громко и протяжно запела птица – с вопросительной интонацией, словно желая разузнать что-то об этом саде. Где-то под ней солнечные лучи просачивались сквозь листву, оставляя солнечные пятна на газоне; нанятые помощники, одетые в униформу в белую полоску, тихо переговаривались с серьезным видом, как хирурги на операции.

Назия чувствовала, что они сделали для итальянского гостя дочери все, что могли. Пригласили его в лучший, по всеобщему мнению, итальянский ресторан в Шеффилде, где он подозрительно ковырял в тарелке и что-то рассказывал о сицилийской кухне. В субботу все вместе отправились смотреть окрестности города: Шариф заблудился, а старинная помещичья усадьба не произвела должного впечатления. Вчера вечером она приготовила настоящий бенгальский ужин, но Энрико не смог его есть, о чем и объявил. Сегодня утром Аиша собиралась прогуляться с ним по городу, однако теперь отменила эти планы. «Ну мам! – всплеснула девушка

руками, когда после завтрака Назия спросила ее, скоро ли они отправятся в путь. – Не приставай. Хуже не придумаешь. Нам тут и с газетой неплохо».

В квадратном домике из красного кирпича они жили уже четыре месяца. Идеальный дом, как будто с детского рисунка: квадратный фасад, латунный дверной молоток, по бокам – окошки, справа и слева – дымоход. Под чутким руководством Назии входную дверь перекрасили из лилового в «имперский синий», кухню сделали более современной, убрали ковровое покрытие и заново отполировали паркет. Ванную комнату из цвета авокадо перекрасили в оттенки белого. Но новоселья пока не справляли.

Аиша уже несколько месяцев упоминала своего друга Энрико, сокурсника по Кембриджу – они вместе получали степень магистра философии. Назия и Шариф решили: как бы дочь ни говорила о своем друге, доверительно или с вызовом, они с радостью его примут. Аиша сказала, что как-нибудь пригласит его на уик-энд. Прекрасная возможность позвать еще кучу гостей – насчет этого они не советовались с дочерью, поставив ее перед фактом. «Ох, мама, я тебя умоляю! – воскликнула та. – Зачем подвергать Энрико нашествию тетушек? Чтобы они замучили его болтовней про своих детишек? Представить не могу!» Но это было просто возражение, а не бунт и ультимативное хлопанье дверьми; вдобавок праздники любят все. Что бы они делали с Энрико, если бы у них не было законного предложения «посмотреть, как там дела с приготовлениями», Назие и вообразить трудно.

Итальянец, подаваясь вперед, точно желая сделать важное заявление, однако все так же разглагольствовал о своей родине:

– Мои родители всегда ездят в отпуск в августе. Вот уже сорок лет в одно и то же место, в Тоскане. На воды. Многие сицилийцы ездят в одно и то же время на воды. Так что у нас на Сицилии нет смысла устраивать посиделки в саду летом, в августе.

Казалось бы, итальянцы – красивый народ. Но вот сидит Энрико с бледными пухлыми руками, похожими на чищенные рыбины, с венчиком всклокоченных черных волос вокруг лысой макушки. И со своими сплюснутыми, неправильными и приметными чертами лица выглядит сущим недоразумением. Назия знала: в зависимости от места и обстоятельств один и тот же человек может производить совершенно разное впечатление. Энрико, объясняющий Аише в прокуренных кафе и библиотеках туманного Кембриджа, как все устроено в мире и как сделать его лучше, вполне мог ей понравиться. На мгновение Назия представила: вот он, с лицом, выражающим абсолютную уверенность в собственной правоте, крошит в пальцах кусочки кекса с цукатами над дымящейся чашкой чая и отправляет их в рот – а напротив, внимая, сидит Аиша. В воображении Назии у Энрико были шарф, коричневое пальто с капюшоном и шерстяные перчатки. Не тот человек, с которым можно вить семейное гнездо. Другое дело – слушать его речи во временном съемном обиталище с обоями, которые выбирала не ты. Публичный оратор, умеющий обильно и убедительно жестиковать. Аиша стояла у окна, совсем отрекшись от своего итальянца. Завтрашний разговор в поезде будет вялым и кислым.

– Это тоже на Сицилии? – вежливо уточнил Шариф.

– На Сицилии?! – переспросил Энрико с легким изумлением.

Точно не он только что говорил о Сицилии, точно затрагивать эту тему – вообще из ряда вон и чуть ли не дурновкусие.

– Ну, в том месте, о котором вы говорили. Куда ездят отдыхать ваши родители.

– Нет-нет, – поправил Энрико. – Я же сказал, что в Тоскане.

– Надо же, – сказал Шариф.

И не добавил ни слова, лишь улыбнулся. Как всегда, когда не особенно хотел продолжать разговор сам и предоставлял собеседнику право решать, что дальше. А мог бы и поведать, как

два года назад они ездили в отпуск в Умбрию, где он научился говорить *Buon giorno*¹ и *Buona sera*². Энрико не заметил этого и пустился в разъяснения.

– А кто это там за забором? – спросила вдруг Аиша, не оборачиваясь. – Он уже целую вечность торчит на этой лестнице.

– Мы толком не общались с соседями, – пояснила Назия Энрико. – Здоровались, извинялись за строителей. Он ведь говорит с близнецами? У него такое странное имя, я даже и не запомнила.

– Это они с ним говорят, – ответила Аиша. – Пойду заберу их в дом.

– Аиша уже показывала вам сад? – поинтересовалась Назия. – Увы, садовники из нас никакие. Пришлось нанять человека. Приходит дважды в неделю. Но сад очень мил. Вы интересуетесь садоводством, Энрико?

Но Энрико не интересовался. А о саде своих родителей на Сицилии помнил только то, что там росли лимон и жасмин, который летом так сильно пахнул, что он не выдерживал и начинал чихать.

– О, жасмин! – Шариф сам призвал себя вернуться к разговору, что-то припоминая. Голос его звучал так ласково и напевно, что сердце Назии исполнилось любви к мужу. Но он снова умолк. Аиша вышла из комнаты и сразу же направилась через свежестриженную лужайку к близнецам, которые болтали с соседом через забор. Назия очень надеялась, что до завтрашнего поезда, на котором уезжали Аиша и Энрико, улучит несколько минут наедине с дочерью.

2

В этом доме они сумеют прожить до конца своих дней. В нем есть комнаты для всех троих детей и общая детская или вторая гостиная, которую можно отремонтировать собственноручно, пусть Аиша уже и не живет с ними.

– И сад такой милый, – заметила Назия, когда они отъезжали от дома, а агент по недвижимости радостно махал им, стоя возле своей машины.

– Садам надо заниматься, – ответил Шариф с такой интонацией, точно надеясь, что рано или поздно им с женой самим захочется садовничать. – У твоего деда был очень красивый сад. Странно, что никому из вас не передалось его таланта.

– Нана не был садоводом. За садом ухаживал садовник – вот в чем все дело. Двенадцать клумб цветущих растений, а когда они отцветали, садовник их выдерживал. Не то что англичане, которые поливают сухие прутья, надеясь на лучшее.

– Ну, – сказал Шариф, – кто бы ни ухаживал за садом, он был хорош.

– Сад твоего отца в Данмонди тоже был хорош, и, думаю, тоже из-за садовника. Надо бы и нам нанять.

– И повара, и дворецкого, и *хидматгара*³.

– Хватит с нас и садовника, – урезонила Назия.

От открывшихся возможностей голова шла кругом. Оба они родились не здесь. Восточный Пакистан, Восточная Бенгалия, Бангладеш – на их памяти, когда они еще жили там и после этого, страна меняла имя несколько раз.

Широкая улица с могучими дубами по обе стороны казалась отличным местом для того, чтобы там поселиться. Назия, теперь уже беззаботно, вспомнила их первую квартиру над табачной лавкой, где они, тогда еще студенты, провели целую зиму. Казалось, они живут на дне

---

¹ Добрый день (*ит.*).

² Добрый вечер (*ит.*).

³ Слуга, подающий на стол, в Индии и сопредельных странах.

морском, среди зеленых водорослей. По хлюпавшему под ногами ковру ползали чешуйницы, вся семья сбивалась к прокопченной керамической решетке газового камина, а Аиша, сопя, вдыхала и выдыхала влажный воздух, лежа в колыбели.

Кому-то их нынешняя жизнь показалась бы восхождением к горным высотам, триумфом, измеряемым в количестве квадратных метров. Назие же представлялось, что они с Шарифом мчатся во весь опор на хлипкой тележке, тормозя, лишь чтобы скатиться с дороги в мягкое вспаханное поле, да и остаться там, изумленно озираясь вокруг. Двадцать пять лет прошло.

Дома на улице пережили не одну перестройку и реставрацию. Они были старыми, с толстыми каменными стенами, и дом Назии и Шарифа получился отнюдь не самым экстравагантным. Им доводилось бывать в одном из соседних домов: пока они были на работе, привезли присланные из Дакки книги, и соседи напротив великодушно предложили занести их к ним. (Спасибо добрейшему брату Саму, мужу золовки, мужниной сестры, который оставался в доме старика Хондкара.) По опыту они уже знали: некоторые из окружающих их людей всегда дружелюбны, а другие – нет. Обитатель соседнего дома говорил с ними всего несколько раз. Он любил возиться в саду: постоянно что-то подрезал, обрезал, стриг лужайку. У него был небольшой парник, пристроенный к кухонной стене дома; там он все время что-то подсаживал и пересаживал из горшка в горшок, пока на прошлой неделе не вынес растения и не посадил на клумбу. Он жил в доме Викторианской эпохи. Каменная кладка почернела от времени, как и столбики ворот, украшенные свирепыми зверями, стоящими на задних лапах: что это за звери – и не угадать из-за копоты и лишайников. На верхнем этаже дома была круглая башенка с зубцами в задней части и, наверное, круглым диванчиком-банкеткой внутри. До этой среды им казалось, что сосед живет один, но вдруг к дому подъехала скорая, и на носилках вынесли немолодую женщину с нечесаной седой копной. Странно, что все три или четыре раза, когда они переговаривались через забор, он ни разу не упоминал, что женат.

Имя этого соседа, врача на пенсии, показалось им столь диковинным, что они не смогли запомнить его с первого раза. Четверо его детей жили в разных уголках страны: кто-то в браке, кто-то развелся, а двое не успели обзавестись собственной семьей. На их улице он отнюдь не единственный доктор, который ушел на покой или вот-вот собирается это сделать. Кроме него, еще четверо или пятеро из тех, с кем общалась Назия: кто анестезиолог, кто хирург, кто педиатр. Разумеется, ей хватало такта не говорить о собственном здоровье и не упоминать, что ее брат Руми вот уже двадцать лет служит в Бомбее санитарным врачом и врачом общей практики. Шариф общался с соседями, даже с самыми близкими, с гораздо меньшей охотой, но всегда с любопытством слушал все, что рассказывали его жене. Она частенько останавливалась, чтобы полюбоваться весенним пробуждением жизни в палисадниках домов 124 и 126, а также, кажется, 139 – с табличкой «Инвернесс-лодж» на одном из воротных столбов. Розово-белое буйство яблоневого и вишневого цвета Назия находила отличным предлогом, чтобы представиться. Вскоре она уже рассказывала собеседнику о фруктовых деревьях в саду своего свекра в Данмонди. Но сад давно продан, на этом месте вырос многоквартирный дом, а от фруктовых деревьев остались лишь ее воспоминания. Интересно, как теперь выглядит Данмонди. И вообще Дакка.

3

В саду Аиша и близнецы обсуждали с соседом, врачом на пенсии, одно из деревьев. У него были темные глянцевиые листья, а в последние недели близнецы обнаружили, что оно начало плодоносить. Теперь среди листьев виднелись кисти плотных желтых плодов размером с финик, со складкой, похожей на пупок, снизу; мякоть только-только начала созревать. Дерево, чуть выше двух метров в высоту, подпиралось решетчатой оградой. Должно быть, их сад хранил еще больше сюрпризов и тайн: то, что казалось запущенными лианами, вдруг

выпускало бутоны, цвело и вполне могло в один прекрасный день начать плодоносить. Загадка, да и только. Аиша до сих пор обошла не весь сад.

– Не знаю, съедобны ли они. – Девушка разговаривала вполне дружелюбно. Мальчишки же старательно изображали вежливость: руки сложены за спиной, головы наклонены набок – так у них было заведено перед тем, как высмеять жертву. – Может быть, это декоративное растение.

– Вполне, – ответил всем троем с лестницы сосед, обрезая яблоневые ветки, дерзнувшие перелезть через забор. – Их можно есть. Они, правда, вырезают не каждый год. Вспоминаю жаркое лето семьдесят шестого. Фрукты появились рано и поспевали все лето. Вот нынешние вполонину меньше тех, что были тогда. Но вам повезло.

– Я никогда не видел такого дерева, – признался Омит, а его брат-близнец Раджа высказал дурацкое предположение, что это манго.

Они родились в 1976 году в Северной центральной больнице недалеко от этого дома, а манговое дерево видели всего дюжину раз в жизни. И не в той стране, в которой родились.

– Нет, – мягко поправил доктор, – не думаю, что в Йоркшире можно вырастить манго. Это называется локва. А некоторые зовут ее мушмулой, мушмулой японской. Есть мушмула германская, она не такая. Надо дожидаться, когда она полностью поспеет и начнет гнить. Только тогда ее можно есть. А эти почти как кумкваты, только кожура куда тоньше.

Потянувшись через забор и рискуя сорваться с лестницы, сосед с легкостью сорвал один из плодов. Они думали, что он его съест, но доктор быстрым отточенным движением бросил фрукт напрямик Радже. Тот не поймал, поднял с земли, с исследовательской тщательностью отчистил, но, вместо того чтобы отправить в рот, отдал брату. Омит послушно съел угощение.

– Какая большая косточка! – сказал он, извлекая ее и швыряя на землю. – Но очень вкусно.

– Ваши родители устраивают вечеринку?

Длинный стол с тарелками и прочими приборами, пять мисок с маринованными овощами, хлебом, райтой⁴; поблескивающая печь для барбекю, взятая напрокат на день; стулья, составленные по два-три-пять там и сям. Не прозвучало ли в голосе доктора упрека? Может, его все же стоило пригласить?

– Придут тетушки, дядюшки и наши двоюродные братья и сестры, – ответила Аиша. – В основном со стороны папы. Все, кто живет в Англии, кроме тетушки Садии, с которой мы не общаемся. Я и видела-то ее пару раз в жизни, когда была маленькой. Она живет в Ноттингеме, но не приедет. А еще у нас новорожденная сестренка, Камелия.

– Какое приятное имя, – пробормотал доктор и снова принялся подрезать ветки.

Какое-то время все были поглощены поеданием локвы. Мякоть под кожицей оказалась свежей и нежной, с кислинкой, пощипывала язык, как лимон, и хотелось еще и еще. Аиша выплюнула на ладонь гладкую жесткую косточку: для такого маленького плода она казалась огромной. Девушка швырнула ее на землю у края сада и выхватила у Омита только что очищенный плод.

– Спасибо большое! – сказала она. – Приятно было познакомиться.

Аиша хотела увести близнецов, но Раджа запротестовал и снова принялся рвать локвы с дерева. Кто-то приехал: снаружи доносились приветствия, и двое нанятых помощников принялись быстро и со знанием дела расставлять блюда и бокалы. Аиша улыбнулась соседу и взяла еще один плод у Раджи. Она вспомнила об Энрико, подвергнувшись знакомству с многочисленным семейством. Этого человека она собиралась... но, стоило ей вспомнить его теперешнего – лысеющего, гнусаво вещающего о себе и своем острове на нижней оконечности Европы, – романтические мысли тотчас улетучились. Она придет ему на выручку, но попозже.

---

⁴ Индийское блюдо: холодный соус из йогурта, овощей, чеснока, лимонного сока и мяты.

4

Это оказались дядя Тинку и тетушка Бина; они жили дальше всех, в Кардиффе, – и, конечно же, приехали первыми. Вот они выбрались из своего автомобиля, глянцевого темно-синего BMW: Тинку в твидовом пиджаке и при галстукe, Бина в серебристом жакете, с блюдом, завернутым в фольгу, в руках. На фольге и автомобиле, на тетушкиных плечах и руках поблескивали островки полуденного света. Элегантностью и быстрыми движениями Бина напоминала ту птицу, что недавно пела в саду. Поочередно приветствуя то Назию, то Шарифа, одновременно она отчитывала сына, скорчившегося на заднем сиденье: он уткнулся в книгу и не обращал на мать ни малейшего внимания.

– Вот и мы, мои хорошие... Положи книгу и поздоровайся со всеми!.. Братец, сестрица, я привезла немножко сладенького, вам, думаю, понравится... Когда ты выйдешь из машины, тебе станет гораздо лучше...

– Мальчику плохо? – забеспокоился Шариф.

Назия в это время здоровалась с золовкой и ее мужем и забирала у Бины блюдо.

– Какой красивый дом! И район мне понравился. Вам повезло, вы живете в таком чудесном месте! А какой вид, когда въезжаешь! Всегда знала, что Шеффилд прекрасен, но в этом месте... Нет, с ним все в порядке, просто он хотел читать книгу на заднем сиденье... Тинку сказал, что это нормально... Всё эти извилистые дорожки, туда-сюда... А где Аиша? Она же приехала? Мы что, первые?

Маленький Булу – шестилетка с несоразмерно большими кистями рук и ступнями, с лицом цвета старого запущенного пруда, точно гниющий изнутри, – путался в собственных ногах, пытаясь пожать своей тетушке руку. Когда та ухитрилась его приобнять, он продолжал сжимать книгу – роман Энид Блайтон.

Прибыли новые гости – семья Моттишхед и Ада Браунинг с дочерью.

– Сходи на кухню, Булу, – сказала его мать. – Выпей стакан воды, и тебе сразу полегчает.

Они направились к дому, Бина шествовала первой, не переставая восклицать.

– А это, – представила Назия, – Энрико, друг моей дочери, они приехали вместе.

– Папин портрет! Смотри, Тинку, у них есть портрет нашего папы! Я про него совсем забыла. А где он раньше был? В какой красивый цвет вы выкрасили стены! Этот зеленый... как же называется оттенок? Шалфей? Точно, шалфей! Какая красота! Очень приятно познакомиться. Моттишхед? Какое необычное имя. Вы первый раз в Шеффилде? Мы рановато, Назия, понимаю. Ну, вы ведь совсем рядом... И с чего я взяла... Впрочем, Булу как раз полегчает до приезда остальных. А вы тоже учитесь в Оксфорде, как наша умница Аиша?

– В Кембридже, – с улыбкой поправил Тинку. – Это совсем разные вещи.

– В этом году в Кембридже, да, – ответил Энрико. – Я изучаю международные отношения.

– Как здорово, Аиша тоже их изучает! – Бина сочла, что это необычайное совпадение. То, что племянница познакомилась с молодым человеком именно там, не пришло ей в голову. – Она всегда была такая умница! Назия, в машине еще кое-что есть – я думала, муж уже достал и принес, а он забыл. Манго. Сорта «Альфонс»⁵. В багажнике, Тинку! Быстрей, шевелись! Вы когда-нибудь пробовали манго «Альфонс», миссис Браунинг? Попробуйте – они *божественны!* А где Аиша?

– Я учусь в Кембридже, – повторил Энрико. Он стоял в коридоре, будто не хотел пускать их в гостиную, а потом в сад через французское окно. – Но родился на Сицилии. Вы бывали на Сицилии?

---

⁵ Правильное название сорта – «Альфонсо»; считается одной из лучших разновидностей манго.

Бина заметила Аишу в саду и сразу же протиснулась мимо Энрико с радостным возгласом. Тинку пошел на улицу, чтобы достать из багажника манго; Булу пил воду на кухне.

– Это очень красивый остров с лучшим в мире климатом, – вещал Энрико, уныло плетясь за новоприбывшей. Он так и не переоделся, и поношенный свитер, в котором он все утро читал газету, особенно бросался в глаза на фоне принарядившихся для праздника гостей.

– А вот и мальчишки! – отвечала Салли Моттишхед. – Эй вы, парочка! Я помню день, когда вы родились. Ада!

На миг Энрико остался один; яркий свет, падая на его тусклую фигуру, слабел, становился коричневым, серым и ядовито-зеленым. Без семьи, без компании, никем не развлекаемый и не замечаемый.

Назия тщательно планировала угощение в тот день, не тревожась о неизбежной путанице. Сначала подадут чай, а к нему – закуски: самосу⁶, фалафель, луковые чипсы и, конечно, маринованные овощи. Но будет и английская выпечка, та, что особенно идет к бенгальскому чаю. Корнуэльский пирожок⁷, который обожает Шариф, и даже пирог со свининой: раз Аиша попробовала его по ошибке и с тех пор любит, а к нему английские пикули; она стала настоящим знатоком по части пирогов со свининой и острых маринадов, а кто не хочет – пусть не ест. И сладости, конечно: из магазина на Экклсэл-роуд: гуляб джамун, сандеш⁸, и жилипи⁹, и шоколадный торт, и чизкейк с красной смородиной, который так нравится детям; а еще две вазы с фруктами: одна с теми, которые надо чистить, а вторая – с теми, которые можно есть просто так.

Назия решила, что очередь барбекю наступит чуть позже; печь стояла наготове уже почти час. Как только все тетушки и дети придут и немного перекусят, к столу начнут подавать бараньи ребрышки-гриль, куриные грудки, обжаренные кусочки цукини и баклажана и половинки помидора. Сама она не может всего упомянуть; ну, так для того и позвали специальных людей в белых рубашках и чудесно отглаженных темных брюках – чтобы подливали чай и не забывали ничего из того, что принесли. И, по мере того как день проходит, чай с самосой и прочим уступит место напиткам в высоких стаканах: фруктовому лимонаду, американской шипучке и даже пиву для мужчин.

– Мы не в Бангладеш, – высокопарно заметил Шариф.

А потом намекнул, что итальянец, которого пригласила его дочь, может решить, что подавать только чай – весьма странно, что они чересчур религиозны или что-то в этом роде. Итальянец, совсем заброшенный Аишей, в это время вглядывался в гастрономическое разнообразие на столе с таким видом, будто бы в жизни ничего ужаснее не встречал.

Назия направилась туда, где близнецы и дочь разговаривали с соседом. Они рвали с дерева плоды, чистили их и увлеченно поедали.

– Мы так тревожились о вашей жене, – сказала она соседу-врачу. – Очень надеюсь, что она скоро поправится.

– О, с ней все будет в порядке, – ответил он. И – вероятно по тому, как Назия вскинула руки, – понял, что ему хотят задать еще один вопрос, но не о его жене, а о детях, поедающих фрукты. – Локва. Вполне съедобна. Майк Тиллотсон любил экспериментировать со всякими небанальными растениями. Нет-нет, мою жену скоро выпишут. Спасибо за беспокойство. Тронут.

---

⁶ Традиционное индийское блюдо: треугольные пирожки с начинкой из картофеля и зеленого горошка.

⁷ Корнуэльский пирожок, корниш пасти, – пирог из слоеного теста с начинкой из мяса, картошки и моркови.

⁸ Бенгальские и индийские сладости из молока, свежего и сухого, с различными добавками.

⁹ Популярная в Индостане и некоторых регионах Африки сладость наподобие хвороста.

– Мы совсем не садоводы. – Назия убедила садовника высадить у дома желтые, красные, розовые и пурпурные цветы; когда они завянут, их можно будет выбросить, но сейчас они прекрасны. – Наш сад мне очень нравится, но я понятия не имею, как в нем что называется.

– Майк Тиллотсон однажды пытался посадить бамбук – он прожил три года, пока не погиб от корневой гнили, а еще райский цветок, тот не прижился вовсе. Олива до сих пор растет где-то тут. В жизни бы не поверил, что в наших широтах можно вырастить оливу. Он даже о манго подумывал.

– В саду моего свекра росло манговое дерево, – вспомнила Назия. – Шариф подтвердит, в детстве он очень любил его.

– А, ну да... – Доктора, кажется, это не впечатлило. – Еще жасмин – он знал и хорошие годы, и не особенно. Зацветет через пару недель.

– Где здесь жасмин? – уточнила Назия.

Мальчишки разбрелись по саду с пригоршнями желтых плодов. Она присматривала за приготовлениями: нанятые помощники с торжественным видом расставляли холодные закуски и снимали пленку с салатниц. Старик выбрал неплохой момент для общения; жаль, что праздным пенсионерам это удастся далеко не всегда. И теперь стало ясно, что Бина, Тинку и Булу, которого рвало, приехали не слишком рано: в открывшейся двери появились полдюжины докторантов, которых, должно быть, пригласил Шариф, Стив Смитерс и, кажется, кухня Фанни, предупредившая, что приедет на машине из Манчестера раньше родителей и братьев.

– Рядом с глицинией. Вы должны узнать глицинию, милая. Она...

– О, простите! – невежливо оборвала его Назия и с широкой улыбкой обернулась ко вновь прибывшим. – Бина, это же Фанни? Я ее только что видела. Куда она подевалась?

– Только что была тут, – обмахивая ладонью лицо в тщетной попытке добыть прохлады, ответила Бина. – Где же она?

– Так вон! – сообщил умный Булу, радостный, что именно ему выпало разгадать загадку. – Ушла с Аишей наверх.

Вот они, сестрички, машут из окна спальни на втором этаже. Ну конечно: Аиша увидела Фанни первой и утащила ее в свою комнату, чтобы ответить на все-все вопросы и узнать новости до того, как кухню поглотит поток тетушек и двоюродных братьев и сестер. Должно быть, ей не терпелось рассказать сестре про итальянца, который в этот самый момент стоял рядом с нанятыми помощниками, накрывавшими на стол; он поднимал и опускал обратно на тарелку куски пирога со свиной и качал головой. Кислым своим видом он напоминал частицу анти-вещества, сопротивляющуюся течению праздника. Что теперь с ним делать, хотела бы знать Назия. Но он уже тут; а теперь Аиша и Фанни скрылись в сумраке спальни.

– Два садовника приходят раз в неделю, – ответила Назия на вопрос Бины. – Пять фунтов в час.

– Пять фунтов в час за двух садовников! – воскликнула Бина. – Подумать только! В Кардиффе такое невозможно, просто невозможно. У нас не найти садовника меньше чем за...

– Пять фунтов каждому, – решительно поправила ее Назия. – Смотри, проректор. Как мило с его стороны, что он пришел! Прости, Бина!

Милая Бина. Назия очень надеялась, что Аиша с кухней не проторчат наверху все время, сплетничая будто маленькие девочки.

5

– На, попробуй! – Аиша вручила Фанни нечищеную локву.

– Это еще что такое? – спросила Фанни.

– Бог его знает, – ответила Аиша. – Попробуй, вкусно. У нас в саду растет.

– Значит, этот, – Фанни отложила плод на запыленную стеклянную столешницу туалетного столика. – Значит, это Тот Самый? – Она брала и опускала поочередно то расческу с серебристой ручкой, то мягкую куклу из зеленой ткани, то хозяйкину куклу Синди. В этой спальне Аиша больше не жила и не ночевала, так что там сохранились реликвии: на полках стояли недетальные описания геноцида, который она изучала, хотя по большей части ленилась, а школьные учебники по экономике, пара британских классических романов и изрядно потрепанные пятнадцатилетней давности книги серии из двенадцати романов о пони-сыщике. На овальном туалетном столике сидела Синди, которую Аиша и Фанни одевали и которой устраивали фантастические приключения, – она тоже уцелела, превратившись в напоминание о значимом, но давнем опыте, вроде серьезной болезни; Фанни повертела ее в руках и вернула обратно на столик.

– Кто тот самый? – переспросила Аиша, а затем произнесла нараспев: – Не по-ни-ма-ю, кого ты имеешь в виду, Фанни.

– Не называй меня Фанни, – сказала Фанни. – Все теперь зовут меня Нихад. Мама не понимает, почему все смеются, когда она говорит о «своей Фанни». Они едут сзади, медленно – ужас. До темноты, надеюсь, доберутся. Бобби хотел ехать со мной, но я настояла на своем.

– Какая же ты коровища! Трудно найти в Англии женщину, которой меньше твоего подходило бы имя Фанни. Так что все по-честному.

Они были всего лишь троюродными и всю жизнь жили в ста километрах друг от друга, разделенные грядой холмов, которую большинство англичан почему-то считают непреодолимым препятствием. Разница в возрасте между ними была три недели. Осенью 1968 года дядюшки и тетуски, сменяя друг друга, приезжали в Манчестер посмотреть на второго ребенка тетуски Рекхи в небольшом домике на два хозяина в Чидле, но почти сразу же отправлялись в Шеффилд, где в квартирке над газетной лавкой обитали Назия и ее новорожденная дочь. (Это была любимая история матери; Аиша без труда могла пересказать ее, словно видела все собственными глазами.) Рекха и Рашид тепло встречали родственников (кузен Шариф только-только закончил докторантуру по промышленному строительству и зарабатывал совсем немного) и передавали всякие вещички для малышки, поясняя потом Назия, но ведь Фанни и Аиша были почти сверстницами, так что, наверное, они купили еще один детский комбинезон и подарили ее дочери; и всегда давали немного денег, которые, добавляла она, тогда приходились очень кстати. Конечно, будучи совсем малышками, видеть они друг друга не могли – вскоре после рождения Аиши Назия и Шариф вернулись обратно в Бангладеш, или Восточный Пакистан, как он тогда назывался, и застряли в доме свекра в Данмонди на все время военного конфликта в 1971 году и напряженности, им порожденной. Но в семьдесят пятом все действительно изменилось, и они решили вернуться в Англию. Аише с Фанни (Нихад) было по семь лет; кухни очень часто виделись и стали лучшими подружками. Тема Того самого Мужчины занимала их уже лет пятнадцать: в разное время им становились Адам Ант ¹⁰, Маркус Каргилл, живший через дорогу, герцог де Советьер ¹¹, мистер Йорк – студент-практикант, преподававший французский язык в школе, где училась Аиша. Она узнала, где живет этот студент, и сестры почти четыре часа играли на детской площадке, пока он не вышел и она не смогла сказать: «Здравствуйте, мистер Йорк! А это моя кухня Фанни». Дома был скандал: они не пришли ни к обеду, ни к чаю, и их уже собрались искать с полицией.

---

¹⁰ Адам Ант (настоящее имя Стюарт Лесли Годдард) – британский певец и музыкант, лидер нью-вэйв-группы «Адам энд зе Антс».

¹¹ Персонаж романов английской романистки и светской дамы Нэнси Митфорд (одной из «сестер Митфорд») «В поисках любви» и «Любовь в холодном климате». Имел реального прототипа – офицера, сторонника де Голля и участника движения «Свободная Франция» Гастона Палевски.

Они даже придумывали всякое про сына тетушки Садии, Айюба, хотя ни одной из них не позволялось его видеть после того, что сделал в 1971 году дядя Мафуз, и девочки не могли толком сказать, сколько лет кузену Айюбу, а порой даже сомневались, существует ли он на самом деле. Что не помешало ему какое-то время пробыть Тем Самым. А еще – сын управляющего кемпингом в жарких, поросших деревьями французских Севеннах, а также владелец большого поместья в Умбрии, куда они вместе ездили пару лет назад в честь получения магистерских дипломов. Их родители решили, что перед следующим этапом обучения неплохо было бы всем вместе съездить в Италию. Аиша собиралась в Кембридж в докторантуру по философии, чтобы потом постараться устроиться в ООН, «Международную амнистию» или куда-нибудь в этом же роде, а Фанни-Нихад должна была закончить курс обучения юриспруденции в Гилфорде, чтобы после этого заняться желанным предметом – английской филологией. Хозяин усадьбы из желтого камня оказался на удивление молод – года тридцать два-тридцать три, загорелый и с проседью, но настоящий герцог де Советьер, *шикарный*, по общему мнению. Он отразил нашествие крохотных скорпионов, которому подвергся дом; он был замечен без майки у кухонной двери, во дворике своего дома на склоне холма, совершенно неотразимый, – смазывал оружейным маслом охотничье ружье исполненными совершенства жестами безмолвного благоговения, точно гладил любимого пса.

– Я считаю, – серьезно сказала Нихад однажды ночью в большой спальне, отданной им с сестрой, – что в твоем случае это вряд ли будет наш *синьор* с его ружьем, бицепсами и полчищами скорпионов. Но это вполне может быть итальянец.

– Мамочку хватит удар! – При мысли о *синьоре* Аиша захихикала.

Теперь же обе смотрели из окна на Энрико. Стоя на лужайке, он вскидывал руки, стараясь разговорить накрывавшего на стол наемного помощника: тот только что расставил четыре чайных чашки и пытался отделаться от беседы. У забора близнецы, Булу, дядя Тинку и почему-то отцовский соавтор Майкл Бернс с женой поедали плоды с того нового дерева, а сосед что-то им объяснял. Почему бы Энрико не пообщаться с ними?

– Мы познакомились на семинаре, – сказала Аиша. – Потом он пригласил меня на чашку чая.

– А какие у него бицепсы?

– О, если ты...

– А про что был тот семинар?

– Про Пакистан. И военное право. У меня ужасное подозрение, что он решил, что я пакистанка или кто-то в этом роде. Правда, потом понял, что ошибался. Он был единственным, кто прочел то, что нам задавали. Как-то так.

– Слышала, что сегодня привезут маленькую Камелию.

– Скорей бы, – сказала Аиша.

6

– А вот дядя Шариф, – сообщила Долли маленькой Камелии, которая шла уверенным шагом в нарядном платье, а не в Н-образном комбинезончике с защитной подкладкой, в котором все ее видели в прошлый раз. Она подозрительно оглядела собравшихся и в поисках защиты уткнулась в материнское бедро. – А это Раджа и Омит, ты с ними не встречалась, но они особенные братья, близнецы. Ох, Камелия, да что же с тобой! Еще десять минут назад она была в полном порядке, болтала о своих кузенах – да-да, братцы, она про вас знает – и спрашивала, дадут ли торт. Нет, Камелия, не дергай маму – да что ж такое!

Робкая при посторонних, теми, с кем росла или чье рождение застала, Долли командовала только так; помыкать мужем, Самиром, оказалось труднее, хотя его она тоже знала всю жизнь – он был сыном самого давнего коллеги ее отца. Ее родные и двоюродные братья и сестры

любили потешаться над тем, как Долли, стоило Саму войти в комнату, в мгновение ока превращалась из бойкой командирши в застенчивый цветок, стыдливо сворачивающий лепестки. Прошло несколько месяцев, а возможно и целый год, прежде чем она стала помыкать мужем точно так же, как и остальными. Саму относился к этому с юмором, но иногда, должно быть, задавался вопросом: на ком же он женился? Теперь же Долли, для семейной вечеринки нарядившаяся в темно-синее сари с серебряной оторочкой по подолу, пребывала в замешательстве: как же себя вести? Вхож ли сосед в круг или нет? Он на своей лестнице находился по другую сторону забора, следовательно, на него можно было не обращать внимания; в то же время остальные его, кажется, знали. От правильности оценки зависело, как поведет себя Долли: если игнорировать незнакомца не получится, она, подобно малышке Камелии, найдет, за чье бедро ухватиться в поисках защиты, будет молчать как рыба или, что вероятнее всего, ретируется в безопасное место, откуда сможет помыкать Саму и своим старшим братом Шарифом.

– Всем привет! – бодро сказала она. – Фанни и Аиша... А это друг Аиши? Мы о нем слышали – и манчестерские же скоро приедут, да, а где Бина, как здорово Шариф все устроил, посмотрите на чудесный стол, и... Мафуз, Садиа?.. Нет, конечно. Не знаю, что это я вдруг...

– А это, должно быть, малышка Камелия? – спросил чей-то голос. – Наслышан о вас, юная леди.

Вот и ответ на вопрос: голос принадлежал пожилому англичанину, стоявшему на стремянке у дерева. Долли и Камелия сцепились друг в друга и переглянулись. Потом Долли опомнилась и представилась. Близнецы захихикали.

– Да, мы живем здесь вот уже тридцать лет, – рассказывал сосед. – Моей дочке было столько же, сколько этой малышке, помню, а сыну полгода, и скоро еще двое подросли. У них уже свои дети. Ну, не у всех. Тяжелая зима была, когда мы только заселились. Мы первыми на улице установили центральное отопление. Масляный водонагреватель. Сад был запущен, зарос.

– Такие вкусные! – сказала Долли, не обращая на него внимания, своим родственникам. – Но такая большая косточка! Камелия, хочешь? Дать? Очисти для нее локву, Раджа, только вытащи косточку. Ешь понемногу, кусочками – маленьким девочкам трудно съесть такой большой фрукт целиком. Нравится? Не очень кислый?

– Здравствуйте! – сказал итальянец, подходя к ней и протягивая руку. – Я Энрико, друг Аиши, приехал на уик-энд. Я с Сицилии, но учусь в Кембридже.

В ответ Долли смогла лишь прыснуть со смеху и спрятать лицо в складках синей с серебром ткани.

7

Иногда Назие казалось, что было бы лучше для всех, если бы Садию и Мафуза пригласили на одно из семейных сборищ. Она скучала по Садиэ – в этом она могла себе признаться. В шестидесятых, когда Шариф только-только вернулся домой после получения диплома, Садиа очень помогала им – в Дакке они жили совсем рядом. Без нее у Шарифа оставались только младшие сестры, Бина и Долли, но с ним сделалось что-то необъяснимое: он не стал заботливым, оберегающим старшим братом. Ей вечно приходилось уговаривать его что-то сделать: переехать в дом побольше, потому что теперь, когда у них близнецы, комнат не хватает, уехать обратно в Англию, когда все изменилось в Бангладеш в 1975 году и стало ясно: для таких, как они, в этой стране нет будущего. То же решение в семьдесят втором, должно быть, приняли и Садиа с Мафузом: сорвались с места и в конце концов очутились с Англии (как они узнали спустя год с небольшим). Но причина, по которой они это сделали, была другой, противоположной. Однако чему не находилось объяснения, так это тому, насколько Шариф, с его ленцой, с привычкой растянуться перед телевизором, с задумчивым молчанием и медлительной улыб-

кой, был похож на старшую сестру. Оба они в такие минуты казались студентами, ждавшими снисходительной улыбки. Назие не хватало Садии. Шариф не позволял себе тосковать о ней, а теперь и остальные не поймут, вздумай они с женой вдруг наладить с Садией контакт. Они не виделись с похорон их матери. Назия знала, что Тинку и Бина в особенности вряд ли бы оценили, если бы, приехав сегодня днем со славным малышом Булу, позеленевшим от укучивания, обнаружили бы в саду Садию, сидящую под вязом и поедающую каре ягненка в компании мужа, Мафуза, убийцы и друга убийц. Содеянному им нет прощения. Как сказал Тинку, будь этот мир справедлив, Мафуза бы уже повесили или посадили в тюрьму. Но, так или иначе, Назия не могла забыть, что Садия ей всегда нравилась. Она-то никого не убивала.

– О чем это ты задумалась? – спросила Бина. – Ты только что вздрогнула.

– О, голова идет кругом! – ответила Назия. – Новый дом. Куча времени и сил уходит.

– Такой красивый! – воскликнула Бина. – У тебя настоящий талант создавать уют.

– Спасибо на добром слове, сестра, – рассеянно отозвалась Назия. – Мне нужно поздороваться с матерью Кэролайн, подруги Аиши. Прости.

Неужели это правда, и у нее талант? Вот у соседа, который присутствовал на сборище со своей стороны забора и немного мешал ей, этот талант, кажется, имеется. Она почувствовала особый запах, исходивший от него: не запах сада, ношенной одежды, пота и земли и не запах лекарств, как можно было предположить. Назия вспомнила, что сосед служил врачом – так сказали Тиллотсоны, когда продавали дом, – и что он ушел на покой. Очень характерный дух, слегка сладковатый аромат разложения. Он не был гостем, его не позвали на праздник, но он вполне радушно заговаривал с тем, кто оказывался в поле его зрения, вовсе не смущаясь, что приходится кричать через забор. Запах, который она ощутила, означал непринужденность, чувство обжитости. Назия думала, что им никогда не удастся так обжиться здесь. Утверждать, будто теперь-то они по-настоящему поселятся тут лишь потому, что это оказался самый большой дом из тех, в каких им доводилось тут жить, означало бы начисто отрицать их природу и историю их жизни. Шариф ездил в Англию заканчивать докторантуру, а когда к власти пришли военные, вместе с женой вернулся сюда, чтобы работать на кафедре в университете. Те, кого они знали или с кем состояли в родстве, делали примерно то же самое: мотались из одной части света в другую, останавливаясь в сдававшихся внаем домах и комнатах и устраивая праздники по случаю новоселья. Все они были бездомными существами, время от времени тратящими деньги на новые занавески.

– Но у тебя такой грустный вид! – Бине хотелось задержать Назию подольше. – Все прекрасно: еда, погода, все-все! Что случилось?

– Да все в порядке! – отмахнулась Назия. – Просто подумалось: те, для кого все это делается, как раз и не оценят.

Бина махнула рукой – изумленно, грациозно, небрежно: ни дать ни взять королева, прощающаяся с подданными после визита в какую-нибудь из стран Британского Содружества. Тем же самым жестом, который предназначался Назие с тех пор, как она вышла замуж за ее старшего брата Шарифа. Тем самым жестом, которым отмахивалась от невестки в садах Дакки, в библиотеках, на съемных квартирах в Шеффилде – где бы они ни встречались и когда бы Назия ни хотела изложить Бине свою точку зрения, как случалось часто.

А потом Бина обернулась к Долли, которая в тот самый момент объясняла дочке:

– Дядя – доктор на пенсии, видишь, как удобно, а жена у него, я слышала, в больнице. Четверо детей. И внуки. Не знаю, как его зовут. Тетушка Назия, наверное, знает. Так важно иметь хороших соседей! Нам не нужны доктора на пенсии. Дело вот в чем...

На террасе Тинку и Шариф поставили стул для итальянского друга Аиши, и почти сразу же Тинку принялся с ним спорить. Проректор совершенно обалдел; Шариф же наслаждался происходящим. Аиша долго вдалбливала в родителей: ни в коем случае, повторяю, ни в коем случае не ведите себя как бенгальцы и не путайте спор с дружеским общением. Им строго-настрого запрещалось узнавать политические убеждения своего оппонента по такому-то вопросу, чтобы тут же наброситься на него с возражениями. Предполагалось, что они станут вести себя как цивилизованные люди, говорить гостю «Как интересно!» и переводить разговор на нейтральные темы. Она прямо-таки настаивала на этом, и Шариф с Назией скрепя сердце вынуждены были согласиться. У Шарифа было такое чувство, что они ходят на цыпочках в жалкой попытке услужить: каждые три минуты начиная с вечера пятницы только и приговаривая «Надо же!» или что-то в этом духе. В качестве компенсации он затеял грандиозный спор с Назией о том, нужна ли Британии угледобыча: начали они в субботу перед сном, а в воскресенье, едва проснувшись, спорили аж до завтрака, после которого оба чувствовали себя значительно лучше, и ни один из них ни разу не сказал: «Надо же!» Назия недавно обзавелась велотренажером и обнаружила, что двадцать минут на нем даются ей без труда, если Шариф, зайдя в комнату, пускается в рассуждения о том, нужно ли исключать Бангладеш из Британского Содружества.

Аише запретили диктовать правила общения с гостем тетушкам, дядюшкам и двоюродным братьям и сестрам. «А это, – объявила Назия, – уже чересчур». И теперь Шариф с превеликим удовольствием и интересом наблюдал, как муж его младшей сестры, пребывая в неведении, вспарывает итальянца от пупа до челюстей¹². Тинку выбрал для этого тему Италии.

– В Италии коррупция сплошь и рядом, – начал он и уже успел добраться до *fons et origo*¹³ проблемы, как в духе истинного выпускника Калькуттского университета любил выражаться. – Если во всем полагаться на знакомства, родственные связи или на принцип «услуга за услугу», как можно стать современным государством?

– В Италии много проблем, – ответил Энрико. – Но проблемы есть в каждой стране.

– Но не столь непреодолимых, – не унимался Тинку. – Не тех, которые начинаются дома и преследуют тебя с рождения. Я много читал об Италии, и, думаю, все согласятся, что проблема именно в этом. Тебя учат, что ты обязан отцу и матери, потом – братьям и сестрам, потом – дядьям и теткам, потом – кузенам и кузинам, потом – названным братьям и сестрам, и потом – тем, о ком тебе велено знать, что это твои дядья... Будущее – в том, чтобы получать по заслугам. Которые познаются проверкой. А не в том, кто твой дядя.

– Эта проблема существует во многих культурах, – сказал Энрико и как будто потянулся за пивом, которое налил ему Шариф, а затем, точно отказываясь и от пива, и от компании, отодвинул от себя бокал, стоявший на садовом столике тикового дерева.

– Ага, значит, вы можете видеть дальше своего носа! – радостно провозгласил Тинку.

Шариф разгадал уловку зятя: он устроил ловушку, описав точку зрения оппонента в терминах, очевидно применимых для его собственной. Случись ему спорить с бенгальцем, тот, не почуяв подвоха, раскричался бы: «А ты! Сам-то ты! Сам такой!» Но итальянец позволил себе снисходительность и лишь намекал: уклончиво, изящно, мгновенно заглотив наживку. Шариф откинулся в кресле. Впервые Энрико удалось вовлечь в беседу о чем-то, кроме его родной Сицилии. Интересно, что посредством разговора о Сицилии это и получилось.

¹² Отсылка к шекспировской трагедии «Макбет»: «Руки не подал, здравья не желал, / Но от пупа до челюстей вспорол / И голову его воткнул над башней». Акт 1, сцена 2. Пер. М. Лозинского.

¹³ Первоисточник (*лат.*).

– Вы огляделись вокруг! И думаете, что бенгалец не имеет права показывать пальцем и говорить, что то, как у вас заведено, – неправильно! Но в этом-то вся и соль! Мы встречаемся, едим, пьем и – уходим! Скажите, вас когда-нибудь устраивали на работу знакомые отца? А матери?

– Нет, точно, точно нет, – ответил гость.

– Но Энрико... – Аиша только что вышла из дома вместе с Фанни и стояла у застекленных дверей в сад, скрестив руки на груди и с интересом прислушиваясь к беседе. – Расскажи, как ты избежал службы в армии. В Италии все еще есть обязательная военная служба, представляете?

– О, это было ужасно, – ответил он. – Так жутко, что думал, не выживу. С нами был один крестьянин-козопас, говоривший на языке, никому не понятном. И в первый же вечер, в казарме, все лежали и рассказывали, какие ужасы сотворили с подружками перед тем, как идти в армию. Я лежал и думал: надо выбираться отсюда. Два года мне такого не выдержать. Образованному человеку не место в подобном обществе. И я позвонил родителям. А потом, когда мне сделали рентген, оказалось, что я страдаю легочной недостаточностью – так, вроде бы, – судя по рубцам на легких после детской болезни, поэтому не годен к военной службе. Я пробыл там еще шесть дней и уехал. Демобилизовался по медицинским показаниям.

– Но Энрико! – воскликнула Аиша. – Ты ведь мне сам говорил, что твой отец знал какого-то генерала и позвонил ему.

– Ну это же не одно и то же! – возразил он.

Проректор аж заклокотал от удовольствия, когда дискуссия приняла такой оборот: шах, мол, и мат! Тинку и Шариф откинулись на стульях, медленно расплываясь в улыбке, какая бывает у адвоката, когда он произносит: «Ваш свидетель». Тинку оставил это без ответа: он ждал, что оппонент будет упорствовать и яриться.

– Ведь множество стран сталкиваются с подобными проблемами, а то и похуже! Как может быть равенство возможностей, – Энрико дошел до той кондиции, когда самый большой ляп грозился вот-вот вырваться из его уст, – там, где все от рождения предопределяется кастой, к которой ты принадлежишь? Этих возможностей у некоторых и вовсе нет. Как, например, у ваших неприкасаемых!

Тут Энрико потянулся за пивом. Шариф и Тинку обменялись беспокойными взглядами. Вправду ли они беспокоились или притворялись? Если ты выиграл спор из-за единственной ошибки оппонента, стоит ли гордиться триумфом? Решать они предоставили Аише – по крайней мере, должна же она показать бойфренду, без умолку вещающему о своей Сицилии, сколь мало он удосужился узнать о подруге.

– У нас нет каст, – сказала девушка. – Ты, наверное, имеешь в виду индусов. Мы не индусы. А еще ты решил, что мы из Индии. Но это не так.

Казалось, Энрико пришел в замешательство: он переводил взгляд от одного к другому, и каждый опускал глаза, очевидно изображая неловкость. Эти люди любили и умели спорить неустанно, но теперь они тихо сидели, демонстрируя, как выглядит подавленное замешательство, если изображать его тогда, когда другой попал в неловкое положение.

9

Тем временем у забора оставались лишь близнецы, и старик на лестнице умолк. Каждый слопал по двадцать плодов локвы и, без всякого сговора или пари с братом, упорно стремился увеличить это число до тридцати. Раджу и Омита всегда удивляло, как люди могут так мало есть, а то и отказываться от еды вовсе? Они наблюдали, как их тетушка и сестра изящно съели вилочкой по полкуска торта, клюя по крошечке, точно птички маленькими клювиками, и отставили тарелочки с недоеденной половиной – и глазам своим не верили: они-то управились со своей порцией десять минут назад. «Перестань давиться едой! Ешь медленней!» – часто

говорили Омиту, а еще чаще Радже, который, как однажды сказал учитель в столовой, набивает клюв, как баклан. Но как же тут есть медленнее, если еды так мало, а есть так хочется! «А потом ужинать не станете!» – восклицала мать, когда они, придя из школы, мазали себе бутерброды любимой смесью: мармитом и намазкой для сэндвичей. Но от ужина они еще ни разу не отказались.

Близнецы знали, что мама устроит им взбучку, если они подойдут к столу и набросятся на любимую пищу: самосы, пироги со свининой и маринованные овощи. А на кухне куча народу резали и раскладывали еду по тарелкам, так что к холодильнику, чтобы сделать себе бутерброд и как-то перебиться, было не протолкнуться. Раджа и Омит просто умирали от голода. И не понимали, как можно жить и не хотеть есть практически каждую минуту. Они стояли у дерева, рвали и чистили локву и жадно пожирали ее.

– Какие вкусные! – сказал Раджа. – Мне они так нравятся! – И он отправил в рот очередной плод.

– Мне тоже нравятся! – подхватил Омит. – Я буду есть их все лето! Никогда...

Но тут же умолк: Раджа вдруг стал издавать странные гортанные звуки, безуспешно пытаясь что-то сказать. Омит спросил, в чем дело, но его близнец лишь издавал жуткие горловые звуки, сгибаясь пополам, точно его тошнило. Гости обратили внимание и стали вскакивать с мест. У Омита затряслись руки, он решительно толкнул брата в спину. Однако тот продолжал задыхаться; лицо его темнело и наливалось кровью.

– Кашляй, Раджа, кашляй! – подбадривал Омит, но Раджа всплескивал руками: а толку. Омит снова толкнул его в спину: сначала легонько, потом сильнее. Безрезультатно. Помощники оторвались от жарки мяса и с любопытством наблюдали. Со стороны казалось, что близнецы дерутся, но тут Омит вспомнил, чему его учили в школе. Он зашел за спину брата, ругая себя за недогляд, и, сложив руки в кулак, дал Радже под дых. К ним уже спешила мама, и, как ни странно, ловко перелезая через забор пожилой сосед. Значит, вот как это, когда твой брат умирает, с ужасом подумал Омит. Он бил его еще и еще, но безрезультатно, мама кричала, а Раджа издавал задыхающийся вопль, звук закупоренного горла, дергался и махал руками, а потом вдруг затих; голова его завалилась набок.

Пожилой сосед был удивительно спокоен.

– Положите его, – велел он. – Вот так, на спину. Мне нужен острый нож – вон тот, возле барбекю. Вытрите его. Быстрее! И ручка. – Это Аише, когда ее брат бросился выполнять поручение. – Простая шариковая. Достаньте стержень. Нужен только корпус. Быстрее. Хорошо.

Омит уже вернулся с ножом для резки мяса. Старик взял его, провел пальцем по лезвию. И опустился на колени, бормоча: «Я врач», словно отвечая на шум и крики, и протянул руку, чтобы взять из рук Аиши трубочку-корпус. Она нашла у себя в сумочке новую ручку и, стараясь унять дрожь в руках, сняла колпачок, скрутила наконечник и вытащила стержень. Руку сосед все это время держал терпеливо, но твердо, выжидающе; эта прямая, ждущая рука ясно давала понять: человек знает, что делает. Наконец Аиша справилась и отдала ему трубочку-корпус. Не успел никто ничего сообразить, как сосед сунул корпус ручки в карман рубахи и стал быстро щупать горло Раджи. Потом рука замерла, крепко держа шею мальчика, а свободной он быстро надрезал горло между своими средним и безымянным пальцами. Раджа не шелохнулся, когда лезвие рассекало его плоть. Достав из кармана рубахи ручку, пожилой сосед – врач – смело воткнул ее в разрез. Послышался свист: все ощутили, как воздух снова наполняет легкие Раджи. Но Аиша уже подводила мать к небольшой группке утешителей. Суматоха утихла. Пожилой доктор протянул руку Омиту, который помог ему подняться на ноги.

– Теперь с ним все будет в порядке, – сказал сосед, ни к кому особенно не обращаясь. – Кто-нибудь вызвал «скорую»? – (Шариф как раз ушел в дом, чтобы позвонить.) – Остальное сделают врачи. Мне приходилось проделывать такое пару раз. Выглядит так себе, но вреда практически не приносит.

– Ну... – подошел к брату Омит.

С Раджой все будет в порядке, пообещал доктор, но какое-то время он проведет с потеками крови на шее и торчащим из нее корпусом ручки. И ему очень нужно, чтобы Омит находился рядом.

Гости потрясенно столпились вокруг.

– Тебе лучше присесть, – сказал Тинку, обнимая Долли, коротко всхлипывавшую от отчаянной беспомощности, и попытался осторожно увести ее во дворик. – Не плачь. Все уже сделали без нас. Пойдем!

Врач шупал пульс Раджи – должно быть, от нечего делать или хотел и дальше казаться специалистом.

– Понимаю, что смотрится жутковато. Вас ведь учили тому приему, да? Но если он не срабатывает, ну... вы видели, что делать. Только решение нужно принимать быстро. Это, наверное, косточка от локвы.

– Да, скорее всего, – подтвердил Омит.

– Ну, впредь ешьте осторожнее, – посоветовал сосед. – Если еще будет что есть. Если локва заплодоносит еще раз. Ее посадили Тиллотсоны. И очень любили. Вы везучие, скажу я вам. Я уходил на пенсию из больницы – я был семейным врачом. Но такое не забывается. Раз мне пришлось удалять аппендикс. Вершина моего хирургического опыта. То, что я проделал сейчас, – детский лепет. Уже пять лет на пенсии. На моем месте сейчас молодой... вы, наверное, его знаете... доктор Хан.

– А где это? – У Омита кружилась голова. Раджа помыкал им всю их жизнь – а теперь в мгновение ока это чуть было не прекратилось. Брат едва не погиб и теперь лежал слабый, выдохшийся, держа его за руку; старый врач рассказывал о себе. Поодаль стояли Тинку и Бина; они поглядывали на них, явно ожидая указаний. Слушать старика приходилось одному Омиту.

– Что именно где? – уточнил старик. – Где я работал? На Эрлсфилд-роуд, как раз там, где она поворачивает. Я очень хорошо работал. Надеюсь, доктор Хан меня не подведет. Если увидишь его – скажи: «Доктор Спинстер шлет привет». Моей жены нет дома. Она сама в больнице.

Тут из дома вышел Шариф, и Тинку подался ему навстречу, чтобы спросить, когда приедет «скорая». Маму утешала – а по сути, удерживала – тетушка Бина. Значит, это его, Омита, долг – оставаться здесь, с доктором и братом, и ждать, когда его заберут в больницу.

– Внуки, конечно... – говорил старый доктор. Он что, забыл про Раджу? Отпустил его запястье. – Вполне нормально. У дочки четверо, у старшего – сын. Младшие двое еще не обзавелись. Они все завтра приедут. К матери, само собой. Там все серьезно, но еще не конец. Пока не конец. Вы никогда не хотели стать врачом, молодой человек?

Казалось, лишь произнося эти последние слова, старик понял, с кем разговаривает; тон его сделался душевным, ободряюще-безразличным, как и подобает врачу, беседующему с пятнадцатилетним подростком, проявившим мало-мальский интерес к его профессии. Но Омиту было не интересно. Они с братом хотели стать разработчиками компьютерных программ. Просто старик решил поговорить о своем с кем-то вроде Омита. Толпа начала рассасываться: люди тактично уходили, не ожидая, что с ними попрощаются как следует. Вдруг поблизости, в высокой листве по ту сторону дома с зубчатой башенкой, что-то замелькало, и в их сторону зашагали двое врачей «скорой помощи» с волшебным сундучком. С *настоящими* инструментами, а не ножом для мяса и корпусом шариковой ручки: они, запачканные кровью его брата, валялись теперь на земле. В замешательстве обходили карету «скорой», держа блюда, обернутые пленкой, манчестерские родственники. Рекха и Рашид с обеспокоенными лицами, их сын Бобби и – худшее время и место для этой новости трудно было придумать – его молодая жена Адити, несущая тайну, чтобы поведать ее миру: свой беременный живот. Омит почувствовал, что именно этого совпадения историй, каким бы несвоевременным оно ни было, все и ожидали; и, как только старый доктор принялся объяснять прибывшим медикам, что и как он проделал,

мальчик встал рядом и принялся пялиться на врачей «скорой», приступавших к работе, в уверенности, будто вот-вот они сделают доктору Спинстеру жесткий выговор за то, что он сделал, вернее за то, чего не сделал. Праздник кончился. Гирлянды безрадостно, беспомощно свисали с деревьев над несъеденным угощением; а ведь там были и любимые блюда Омита. Его мать поспешила обнять Адити и все ей рассказать.

10

Почему-то Энрико так и сидел за столом, за которым они спорили, с кислой безразличной миной. Он что, ничего не заметил? Или решил, что это обычное дело? Аиша выглянула из гостиной, где расположились те, кто еще не ушел. Мама, папа и Омит уехали на «скорой» вместе с Раджой, Аиша вызвалась остаться, проводить всех, угостить чаем перед тем, как они разойдутся. Вышло по-дурацки, конечно, но что поделаться. Последние гости не особенно спешили: всех подмывало поделиться своими историями о том, как кто-то попал в беду и как его спасло своевременное вмешательство. Они радовались обществу друг друга. Мама и папа пробудут в больнице весь день, думала Аиша, но ведь когда-то же они вернуться? Если обнаружится, что дядюшки и тетушки все еще здесь, это будет чересчур. К тому же никуда не делся вопрос, что делать с Энрико.

Он сидел в саду, допивая, кажется, уже третью бутылку пива. Его спина в поношенном буром свитере достаточно красноречиво давала понять, каково ему. Мог бы отправиться домой, но нет: он тут, с ними. Эта спина объяснила ей все. Энрико чувствовал, что с ним поступили в высшей степени негостеприимно: оставили на улице, проявили неподобающий интерес, а хуже всего – исправили фактическую ошибку. И если бы с Раджой и вправду случилось самое худшее, тем сильнее было бы раздражение. Посмотрев на итальянца, Аиша подумала, не попросить ли его и в самом деле уехать в Кембридж сегодня же вечером.

– Что у тебя тут? – Фанни подошла и взяла кузину под локоток. – Бедная наша Адити. Приехала такая – а всем на нее плевать.

– Ты здорово сберегла ее тайну, – пошутила Аиша.

– Честно говоря, я почти забыла, – призналась Фанни. – Она такая скучная! Что теперь?

– Ну, кто-то должен заплатить тем, кто привез еду. Какое расточительство!

– Можно все распаковать по пакетам, – рассудила Фанни. – Забрать домой – и пару недель не готовить. Хорошо, что ваш сосед оказался врачом.

– Потом он сказал: «Ну ладно, я полез обратно через забор», и все промолчали. Когда Раджу увезли и ему больше нечего стало делать. Но тут я поняла, что он имеет в виду, и сказала: «Ну что вы, пройдемте через дом». Оказалось, именно это он и хотел спросить. Можно ли ему пройти через наш дом.

– Люди его возраста часто хотят с кем-то поговорить.

– У него жена и четверо детей.

– Ну, тогда не знаю.

– Они порой такие странные. Я их не понимаю.

– Кого?

– Людей. А где малышка Камелия?

– Понятия не имею. Не мое дело.

И обе выглянули в сад – увидели спину сидящего Энрико и помощников, которые паковали и выносили вещи. У соседей кто-то закрывал застекленные двери, дальше по улице мать что-то кричала сыну-подростку, тот отвечал недовольным голосом. Чудесный день неумолимо клонился к вечеру. На плитке появились темные капли. Сестры стояли и не без радости смотрели на дождь, который занимался всерьез.

Глава вторая

1

Во дворе соседнего дома появился еще один мужчина. Аиша вспомнила, как старый доктор говорил про взрослых детей: должно быть, один из них. Она решила остаться. Объяснила итальянскому гостю, что пробудет здесь по меньшей мере до среды и дождется, когда Раджа окончательно поправится, а он, Энрико, прекрасно может сесть на поезд вечером в воскресенье. Энрико, в нарядной рубашке под потертым и замызганным свитером, поначалу засомневался, но Аише удалось его уверить, что вплоть до вечера воскресенья поезда ходят хорошо. Каждый час пять минут уходят поезда до Бирмингема, а там быстрый переход по платформе – а там и скорый до Кембриджа, весь вечер, до пол-одиннадцатого. На самом деле расписания она не знала, но, когда Энрико сядет в поезд до Бирмингема, с проблемой будет покончено.

Лишь когда снаружи донесся нетерпеливый рокот мотора и тиканье счетчика черного автомобиля такси, Аиша поняла, насколько ей не терпится избавиться от этого парня. «Бедолага...» – с удивлением поймала она себя на мысли. Он сидел уже надев плащ; рядом с ним на полу стоял небольшой саквояж: осталось лишь дожждаться звука подъезжающего такси, чтобы с облегчением вскочить и, благодаря гостю, объявить: «Это, наверное, за тобой». И это ей надо было встряхнуться и осклабиться. Фанни ослепительно и неспешно улыбнулась, лениво поднимаясь, и обе сопроводили Энрико к дверям.

– Я отлично провел время, – хмурясь, сказал он. – Передай маме с папой огромное спасибо. – Энрико сделал неопределенный жест в сторону Аиши, но в одной руке она держала бутерброд, а в другой – кусок пирога со свиной.

Хотя дождь уже только капал, Аиша не хотела высовываться на крыльцо, так что вместо подразумеваемого им рукопожатия у них вышло что-то вроде пожатия плечами, когда двое синхронно приваливаются друг к другу.

– Жаль, что они не могут попрощаться с тобой лично, – официальным тоном произнесла она. – А с тобой мы увидимся в Кембридже через пару дней.

– Это не за Энри-ико! – протянула Фанни. – В машине кто-то есть.

Такси остановилось возле их ворот, но кузина оказалась права: в нем, нагнувшись, видимо подсчитывая деньги или собирая сумки, сидел человек.

– Так, может, все равно поедешь? – предложила Аиша. И надкусила пирог со свиной. – Какая разница, такси есть такси.

Пассажир вышел из машины. В руках у него были две потрепанные коричневые кожаные сумки. Он поставил их на тротуар и вольготно потянулся. Судя по выражению его лица, он даже порадовался, что промокнет. Поначалу Аиша решила, что он пойдет по дорожке к их дому, но нет: он приехал домой, а не с визитом. Это было видно по тому, как опустились его руки. Ей доводилось видеть такое раньше. Она смотрела на незнакомца и, услышав жалобы итальянца, ощутила, что ей мешают. Слегка удивленное, круглое лицо с большими тревожными голубыми глазами; оно напоминало полузабытую мелодию, которую вдруг слышишь в людном месте и замираешь, вслушиваясь в ритм. Жевать стало совершенно невозможно. Незнакомец ласково, добродушно, чуть печально и даже кокетливо окинул взглядом всех троих, а потом отвернулся. Таксист подъехал не к тому дому – с дороги номера были едва различимы, – и человеку с двумя кожаными саквояжами пришлось пройти шагов двадцать до своей калитки. Теперь, по мере того как он удалялся, лицо его становилось жестким, оценивающим, слегка разочарованным.

– Ну, я пойду, – заговорил Энрико.

– Увидимся! – ответила Аиша.

Она улыбнулась. Лучезарно и совершенно точно в его направлении. Но что-то в ее улыбке показалось Энрико странным. Сначала это заинтриговало его, а потом, будто он сообразил, в чем дело, – разлило. Сгорбившись, точно все еще лило как из ведра, он направился к такси. Ни разу не обернувшись.

2

Лео уже забыл, как ходят поезда в воскресенье, и умудрился сесть не на тот. Обнаружилось это в Донкастере, и ему пришлось пересаживаться. Ни в том ни в другом поезде не продавали еды, и он очень от этого страдал. Подумывал даже купить сэндвич по прибытии в Шеффилд. Сидевшая напротив девушка в тяжелых ботинках, с короткой стрижкой а-ля Луиза Брукс и изящными лодыжками, согласилась: сущее безобразие, так и помереть с голоду недолго. Она сошла в Честерфилде.

Под козырьком крыльца соседнего дома стояли трое, по виду – уроженцы Азии: две женщины провожали мужчину. А, нет, он был европейцем. Шел сильный дождь. Интересно, куда девались Тиллотсоны. Отец, открывая дверь, выглядел на удивление бодрым и даже потирал руки.

– Здорово-здорово! – сказал он. – У дороги припарковался?

– Нет, – ответил Лео. – Утром машина не завелась. Что-то там сломалось. В итоге пришлось поездом.

– Ну так вызвал бы кого помочь. Для чего еще нужны эти люди?

– Нет, я всего лишь откликнулся на призыв госпожи Тэтчер. Спасай планету. Езди поездом. Мы все уйдем!

– Не думаю, что, если ездить из Лондона в Шеффилд на машине, а не на поезде, мы проживем сильно дольше.

– Кажется, ты в ударе.

– Правда?.. Заходи. Тут такое было. Мне кое-что удалось сделать с час назад.

– Да ну? – скептически отозвался Лео.

Говорят, когда возвращаешься в дом, где прошло твое детство, он кажется меньше, чем был тогда. Дом остался тех же размеров; да и видел он его в последний раз на Рождество. Вот отец совершенно точно усох. Лео совсем не хотел слушать, что случилось час назад. С него хватило и прошлого раза. Лучше бы отец смотрел по сторонам и обращал внимание на других, а не пел дифирамбы себе любимому.

– В общем, наши соседи съехали, – говорил он. – Теперь дом купила славная семья, они из Азии, и вот эта семья устроила новоселье и позвала родственников. Нет-нет, не местных, все приехали. Ну, и один из них быстро ел и подавился. К счастью, я знал, что делать. Он скоро поправится. Руки-то помнят. Осмелюсь предположить, что он всегда будет мне благодарен за то, что я вовремя перелез через забор.

Сын хмыкнул.

– Для таких людей это все равно, как если бы ты говорил с ними по-французски.

Покоробленный высокомерностью этих слов, отец вопросительно посмотрел на него. Тот поинтересовался:

– Дома есть еда?

– О, полно! Я сейчас ужинаю в шесть. Твоя мать, по своему обыкновению, забила кладовую, да и в холодильнике не пусто. Все как всегда.

И Спинстер-старший отбыл в гостиную, где на подлокотнике кресла его ждала сложенная «Санди телеграф». Неужели он стал читать другую газету? Лео был готов поклясться, что прежде отец просматривал «Санди таймс». И «все как всегда» означало, что дети приезжают и требуют еды, едва бросив сумки у порога. Чистая правда: сам Лео неоднократно это проде-

лывал. Но сейчас все изменилось. Он понял это, заглянув сперва на кухню, затем в кладовку. Кухня казалась пустой: одинокие кружка с тарелкой, вымытые, стояли на краю раковины. На старом сосновом обеденном столе красовалась россыпь хлебных крошек – старый доктор обходился бутербродами на поджаренном хлебе.

Оказаться в прохладной кладовке без окон означало вернуться в безвозвратно ушедшее детство. Когда он жил в этом доме, в нем обитали шестеро – предки, сам Лео, Блоссом, Лавиния и Хью. Частенько кто-нибудь из них притаскивал друга или подружку, которых тоже полагалось накормить. Иногда Лео, уже пятнадцатилетний, переживал приятные минуты, размышляя, что бы такое съесть: галету, или целый бутербродик, или, может, кусок сыра с маринованными овощами (которых имелось сортов семь-восемь) – а может, пирога? Как же тогда ходили в магазин? Без списка покупок, просто думая, что надо купить того-то и того-то, ведь кто-нибудь непременно захочет это съесть. Сейчас запасы истощились, точно дом находился в долгой осаде. Жестяная банка фасоли, стеклянная баночка маринованного лука с наполовину содранной полупрозрачной от стекавшего сока этикеткой и подозрительно мутным содержимым и банка арахисовой пасты для внуков. Потянувшись, Лео достал из холодильника коробку для торта. В ней оказался засохший до окаменелости прямоугольный предмет – некогда, вероятно, половина торта с грецкими орехами. Немного съестного отыскалось лишь в холодильнике: небольшой бифштекс, помидоры и маленькие картофелины в пакетах, круг ланкаширского сыра и открытая баночка пикулей. Содержимое кладовой красноречиво свидетельствовало, что мать ею давно не занималась. Отец теперь покупал еду только для себя.

– Выходит, никаких новостей, – сказал Лео, возвращаясь в гостиную с тем, что смог найти: галетами с арахисовой пастой и сыром и парой сомнительных маринованных луковок. В прохладном углу кладовой он обнаружил еще и бутылку пива.

– Ну да, подвижек нет ни в одну из сторон, – ответил Хилари. Перестал читать газету, свернул ее и отложил. – Я ходил туда после обеда. Она в отделении с какими-то жуткими стариками. Одна, с Альцгеймером, ходит всю ночь и кричит: «Что все эти люди делают в моей спальне!» Я пытался устроить, чтобы твою мать положили в отдельную палату, но пока свободных мест нет.

– Разве у тебя нет связей?

– Отчего же, есть. Но я не знаю, стоит ли. Увидишь ее завтра. Она совсем того от морфина, увы.

Это один из жизненных принципов его отца, вспомнил Лео: не следует бороться за все сразу. Если завтра тебе придется отстаивать необходимость паллиативной терапии, нет смысла сегодня жаловаться, что пастуший пирог холодный. Какое-то время они просидели в молчании. Темнело; единственным источником света была маленькая лампа у отцовского кресла; на столике лежала какая-то книга в бумажной обложке с закладкой на том месте, докуда он дочитал.

– Кажется, они неплохие, – примирительно сказал отец.

– В больнице? – удивился Лео.

– Нет, соседи, – ответил отец. – Те, что переехали. Из Азии. Двое мальчишек и старшая девочка, в университете учатся. В Кембридже, кажется, она говорила. Сегодня все приезжали: и дяди, и тетки, и кузены с кузинами. Устроили в саду семейный праздник. Такие всегда общаются со всеми родственниками, стоит тех позвать – приедут. И еще старую мать привозят: сидит себе в своей комнате и шьет, и почти не говорит по-английски.

– Так сколько их там живет?

– О, я не про соседей. Их там четверо или пятеро, меньше, чем нас. Практичные люди, с профессией. По-английски говорят лучше, чем ты. Я имею в виду те семьи, которые мне доводилось видеть, когда я еще работал, – человек по восемь-девять, живут в страшной тесноте, неясно, кем друг другу приходится, и счастливы как невеста кто. С чего, непонятно.

– Полагаю, у них так принято, – сказал Лео.

– Естественно, принято! – отрезал Хилари. – Не думаю, что кто-то считает, что так природа захотела.

– Ясно.

Отец посмотрел на него. Кажется, он впервые осознал, кто именно из детей приехал.

– У тебя есть время, значит? Не надо сочинять про отели? Расписывать читателям всю их роскошь? Считать, сколько колбасок дают на завтрак, и тому подобное?

– И тому подобное, – подтвердил Лео. – Что до колбасок, приходится верить им на слово. Мне удалось вырваться всего на день.

– Какой чудный способ зарабатывать на жизнь!

Лео снисходительно улыбнулся. Давным-давно он решил – а в поезде на Шеффилд еще раз себе напомнил – не реагировать на презрительные комментарии отца о его работе. Работа, хотя бы отдаленно напоминающая то, что считал таковой Хилари, из всех четверых была лишь у Лавинии, младшей сестры, да и то недолго: она оставила свою должность в отделе продаж «Проктер энд Гэмбл» ради медицинской благотворительной организации. Ниже всего по папиной шкале скатился Хью: он только что закончил школу драматического мастерства и перебивался крошечными ролями. У Блоссом было четверо детей и огромный дом на опушке леса, то есть алиби, и надо было наблюдать, с каким восторгом Хилари обычно упоминал о ней. Сам Лео работал не там, где подобаает старшему сыну врача, и знал это. Он служил в ежедневной газете из тех, которые никогда не читал его отец, и в промежутках между копированием статей более маститых авторов порой ездил по стране, посещая отели и рестораны, чтобы потом выдать пару абзацев об их амбициях. Иногда Лео страшно хотелось провести ночь в таком заведении, а потом как следует обругать его. Но владельцы отелей твердили: «Мы будем знакомить Харрогит с новым уровнем роскоши». И после долгого дня он возвращался домой, чтобы ваять пространные заметки о ткани, из которой сшиты гардины, и писать что-то вроде: «В Харрогите, в котором, казалось бы, нет недостатка в отличных отелях, “Бельведер” демонстрирует новый уровень роскоши». Вот чем занимался недавно разведенный докторский сын.

– Как поживает Кэтрин? – спросил Хилари, будто угадав, что мысли сына устремились напрямик в глубокую трясиину его морального падения. – Она мне всегда нравилась.

– Мне тоже нравилась Кэтрин, – парировал Лео. – К слову, она сейчас гостит у Блоссом.

– Блоссом сказала, что они скоро приедут, но я понятия не имею, когда именно. Я ей сказал, что нет нужды брать детей, сам знаешь, ехать с четырьмя детьми и без них – огромная разница.

– Полагаю, собираться дольше, – согласился Лео.

Отец поднялся и подошел к окну, рывком сунув руки, сжатые в кулаки, в карманы и делая вид, что его очень заинтересовало нечто в саду. Наконец он небрежно бросил:

– Я вот тут думал: каково это – постоянно жить всей семьей, то есть со всеми взрослыми и детьми.

3

– Должно быть, твоему отцу страшно тяжело, – говаривала мать Лео, – весь день говорить другим, что им делать, а потом, приходя домой, обнаруживать, что с нами так не получится. Нам-то доктор не нужен, правда, милый?

Всякий раз, сообщая по-настоящему значимые вещи, те, что обдумывал по несколько недель или месяцев, он делал это как бы мимоходом, порой даже выходя из комнаты или не оборачиваясь. Лео полагал, что это привычная манера опытного врача: добиться дельного ответа на вопрос о симптомах или вредных привычках куда проще, если задать его вскользь. Болтая, отец мог спросить: «А, кстати, вы все так же выпиваете больше бутылки водки в день?»

или «Ваш муж все так же отыгрывается на вас?», когда пациент уже вставал, чтобы выйти из кабинета. Конечно, дети давно раскусили его и с давних пор, услышав: «А кстати» или «Это, конечно, не столь важно, но...», тут же вострили уши. Только Хью удавалось очень похоже изображать капризный тон, которым внезапно задавался простой невинный вопрос, будто вопрошающий пытался фальшиво напеть старинную веселую песенку.

На сей раз Хилари не задавал вопросов; он просто заметил, что не знает, каково это – постоянно жить огромной семьей, включая взрослых уже детей. Отец не собирался, вовсе нет, просто взять и предложить всем своим взрослым детям сорваться с насиженных мест и вернуться в отчий дом. Всего лишь случайное замечание – однако Хилари произнес его так, как говорил самое важное, тщательно следя за тем, чтобы не выглядеть серьезным, вроде бы в шутку повышая голос лишь на одну-единственную октаву. Каково это – жить всей семьей в одном доме?

Лео протянул:

– Ну-у-у... – Потом добавил: – Да... – Затем, как бы оттягивая ответ: – Эм-м-м...

Это «эм-м-м» грозило перейти в мычание, однако он рассматривал фразу со всех сторон.

Наконец ему пришлось заговорить. Отец молчал и ждал его ответа, слегка наклонив голову.

– Неплохо было бы, – сказал сын. – Но в наши дни это ужасно непрактично. Думаю, как и везде, – люди женятся, съезжаются и работают по соседству друг с другом. К тому же мы бы вряд ли поладили.

– Мне всегда казалось, что ты сдался чересчур рано.

– Сдался?

– С Кэтрин.

– А! – понял Лео. – Ну, теперь нам стало куда легче общаться.

Но отец раздраженно мотнул головой, и Лео понял: у родителя своя точка зрения на то, что они с женой стали чужими и развелись.

Их брак изначально был неудачной идеей. Иногда Лео думалось, что разделила их навсегда, положила конец тем радостям, что они все же извели, долгая, мучительная и не очень приятная процедура подготовки к пышной свадьбе. Потому что за восемь месяцев до нее начались ужасные пространные и всепоглощающие обсуждения каждого аспекта предстоящего события. Они продолжали трахаться – вот что его в ней привлекало: секс без усталости, по три, а то и четыре раза в день, и чувство, что он нашел партнершу по себе. Но перед свадьбой он не мог отделаться от ощущения, что сексом теперь заканчиваются большие ссоры. Они спорят об оттенке салфеток – переходят на личности – ругаются по-крупному – трахаются. Кэтрин увлекали тонкости церемонии; Лео рано или поздно со всем соглашался и радовался примитивному сексу; и вот на третий день медового месяца, сидя на пляже на Сейшелах лицом к красивому, как сценический задник, закату, она обернулась к нему, а он, с неохотой, к ней. И оказалось, что им больше нечего друг другу сказать. Управление туризма Сейшельских островов предложило ему отличный вариант: перелет туда и обратно, размещение и пара экскурсий.

Иными словами, брак был обречен с самого начала. Скоро Лео приехал в Шеффилд один и сообщил родителям, что они с Кэтрин разъехались и дело идет к разводу. «Разъехались на время?!» – воскликнула мать, подскочив с кресла, но отец раздраженно затряс головой. Для Хилари кризис настал в тот момент, когда брак – а точнее, развод Лео и Кэтрин, который продлился много дольше и потребовал куда больше сил, – миновал стадию болезненного разрыва со взаимными упреками и презрением и перешел в парадоксально удобное пространство для всеобщих грустных и унылых шуток; ироничную «щедрость» при разделе внушительной коллекции «Лего», случайный нелепый, почти абсурдный секс, во время которого Лео даже не удосужился снять носки, и чрезвычайно важный вопрос: «Чья вечеринка по случаю развода будет круче?» Кэтрин не поехала вместе с Лео, чтобы сообщить новость его родителям. При-

шло ему в одиночку смотреть, как поникла мать, как обернулся к нему отец с лицом, на котором больше всех других чувств отразилось раздражение. На самом деле их реакция ему даже понравилась.

– Ведь есть же те, кто сохраняет брак, – заметил Хилари.

– Есть и такие, – отозвался Лео. – Ты не против, если я включу свет?

– Как хочешь. – Он не спускал глаз с сына, когда тот включил две обычные настольные лампы; в комнате был общий свет – медный светильник, но его не зажигали: слишком уж ярко он заливал все. – Больше никто не планирует разводиться, полагаю.

– Не то чтобы... – начал Лео, но Хилари не нуждался в ответе и не стал его слушать.

– Я тут подумал – не то чтобы, просто подумал... – В его голосе вновь зазвучало интригующее капризное тремоло. – Может, теперь моя очередь.

– Твоя очередь?

– Моя очередь разводиться, – сказал отец.

– Это было бы интересно, – отозвался сын.

– В конце концов, сейчас или никогда, как говорится.

– Сейчас или никогда... А неплохой способ убить время для вас с мамой.

– О, я еще не говорил с твоей матерью! – воскликнул Хилари. – Скажу ей, когда все...

– Что?

– Когда все – что?

– Когда что – что?

Раньше отец уже задавал Лео вопросы в такой же манере, в это же время дня, когда дома больше никого не было. Когда жизнь сына резко перестала быть связана с Оксфордом, вопрос о его будущем был поднят точно так же, они даже сидели в этих же креслах. Сейчас Хилари заговорил о разводе в той же непререкаемой форме. И смотрел с полуулыбкой, ожидая, что до сына медленно начнет доходить.

– Ты серьезно? Неужели ты хочешь сказать...

– Серьезно ли я? – уточнил Хилари. – О разводе?

– О разводе с моей мамой? – переспросил Лео.

– О разводе с твоей мамой. – Хилари откинулся назад; кажется, ему было хорошо. – Зачем мне шутить?

Сын уставился на него.

– Мне следовало сделать это давным-давно. На самом деле я подумывал еще пять лет назад. Самое время. Вы все разлетелись кто куда. А тут бац – ты со своей новостью. И все. Два развода в одной семье одновременно – ну не абсурд ли? Ну и вот. Так что пора.

– Ты серьезно? – не удержался Лео.

– Перестань задавать этот глупый вопрос.

– Но мама...

– А что – мама? – звучным довольным голосом спросил Хилари: тон его был несколько наигран, но в то же время в нем слышались теплота и радость от чего-то давно забытого. – Маме я сам скажу. Об этом не беспокойся.

Но Лео хотел сказать не это. А что именно – уточнять он не решался. Сначала у него мелькнула мысль, что все разрешится само собой: любой на месте отца просто подождал бы полгода и похоронил жену, что избавило бы его от хлопот, связанных с разводом. Более гуманные соображения о том, что мать стоило бы пощадить, появились лишь после. Воцарилась тишина. Отец не мог говорить всерьез, просто не мог – и все.

– Как ты можешь такое озвучивать? – наконец сказал Лео.

– Почему нет? – удивился Хилари. – Что, это запрещено?

– Ты... – Лео взмахнул рукой.

– Я? – спросил Хилари. – Или «мы»? Ты пытаешься намекнуть на то, о чем не принято говорить вслух? Думаешь, после, скажем, семидесяти разводиться не следует? А может, и в шестьдесят уже поздно? Может, это зависит от прожитых вместе лет? Нельзя и помыслить о разводе после сорока лет несчастья в браке? Такое впечатление, что ты не желаешь понять, что я свободный человек и имею право принимать решения, да и у твоей матери тоже есть известная степень свободы. У меня нет иллюзий. Она заслуживает прожить остаток дней, не будучи прикованной ко мне. Этому... этому наказанию должен прийти конец.

– Но она долго не протянет! – Лео вынужден был это сказать. И отвернулся.

– Ну да, – ответил Хилари. – Так и есть. Потому-то дело и не терпит отлагательств.

– Ты с ума сошел!

Очевидно, этого-то Хилари и ждал: он откинулся в кресле, почти улыбаясь. Наконец-то. Вероятно, он нарочно начал разговор для того, чтобы сын назвал его ненормальным.

– Подумай, остановило ли кого-нибудь то, что его называли сумасшедшим. Не правда ли, тема для размышления? А вот и Гертруда, – с сардоническим удовольствием заметил отец.

Гертруда, наверное, уже давно подбиралась к ним и теперь стояла в дверях. Вытянула чешуйчатую шею, покачивая туда-сюда; поставила сперва переднюю левую, а затем правую лапу на ковер с почти человеческим выражением сердитой целеустремленности, точно производила убийственный аргумент. «Нет-нет, не так, а вот так!» – будто бы говорила она. И припечатывала правой лапой. Судя по выражению Гертрудиной морды, казалось, что после этого раздастся стук, но никакого звука не последовало, Гертруда лишь подошла поближе посмотреть, что тут творится. Узнавала ли она, кто есть кто? Поняла ли, что это Лео, подошла ли к нему, склонив зеленовато-серую морду с гибкими, но твердыми чертами, в знак сердитого неодобрения? Гертруда жила здесь целую вечность: ее купили, когда родилась Лавиния, чтобы старшим было на кого отвлечься. Иногда Лео набирался храбрости и звал ее Герти, но почему-то всякий раз тогда, когда ее не было в комнате; пристальный изучающий взгляд и безмолвное неодобрение – не для слабых духом. И вот она подошла, бесшумно топоча короткими толстенькими лапками; казалось, перемещать ее в пространстве стоит им невероятных усилий. Что она делает целыми днями? Стал ли для нее приезд Лео невыносимо волнующим событием – или же мимолетным эпизодом среди смены времен года, чередования сна и прогулок?

– Наша старушка Гертруда, – ласково и расслабленно произнес Хилари. – Пришла, милая. Я вчера дал ей гибискуса. Он так ей понравился! Скажи: «Привет, Лео!»

– Блоссом так и не сделала того, что грозились?

– М-м?

– Она же собиралась забрать ее за город, детям?

– Слава богу, нет, – ответил Хилари. – Я посоветовался, и оказалось, это не самая лучшая идея.

– А, помню. Поговаривали, что барсуки едят черепах, кажется.

– Только не при Гертруде, – сказал Хилари. – Гертруда, не слушай, что несет этот жуткий старик.

Но Гертруда не обращала внимания. Она вразвалку приблизилась к ним, миновав коридор и гостиную. Разговор о барсуках она проигнорировала, точно терпеть не могла дурновкусия, и продолжала двигаться вперед с терпеливой настойчивостью, смотря по сторонам с таким неодобрением, словно была вдовствующей герцогиней в полупустой комнате. Скоро люди, призраки ее медленного мира, мелькнут, как потревоженные пламя свечи, и исчезнут. Важно лишь то, что проводит здесь больше времени, чем она сама: стены и столы, пол и ковер и, конечно, сам ящик, любимый ящик.

Когда Лео проснулся на следующее утро, он обнаружил записку на клочке бумаги: запасливый отец хранил блоки для записей, оставленные в подарок фармацевтическими компаниями, и из экономии рвал их на четвертушки. В ней сообщалось, что Хилари ушел и хочет встретиться с сыном в больнице в два, в начале времени для посещений. Естественно, он забыл, что Лео без машины.

Дом не то чтобы стал незнакомым – он отгородился от Лео. В ванной остались лишь те сорта мыла и шампуни, которыми пользовался его отец: янтарный прозрачный кусок «Пирс», запах которого ни с чем не спутаешь, запах отца, и мыло бюджетной марки из супермаркета. Одевшись, Лео от нечего делать с интересом прошел по комнатам; и, хотя он все знал и все узнавал, многое осталось для него в туманном прошлом. Дом пребывал в обычном состоянии легкой заброшенности: что-то испортилось, порой много месяцев назад, но никто не думал это чинить: остановившиеся часы, подушка с разорванной наволочкой, в раздражении заброшенная за диван; книжная полка, рухнувшая на книги под ней. Там, где что-то все же делалось, это случалось в спешке и, как всегда, кое-как. Ручка двери в гостиную была разболтана: когда Лео присмотрелся, оказалось, что она отвалилась, а обратно ее прикрепили не на шуруп, а на голый гвоздь. Все было знакомым – и увиденным впервые за целую вечность. Пока он жил здесь, он мог не замечать гагатовых чаш, отделанных по ободу серебром, но они обитали здесь с незапамятных времен. Голубой ковер, пузатая ваза, расписанная японскими карпами, обои по рисунку Уильяма Морриса в гостиной, ящик для Гертруды на кухне, нарисованный пастелью вид озера Деруэнтуотер в прихожей: он жил среди этого всего годами и едва замечал. А теперь даже не без удовольствия вспомнил. Этот мир окружал его все детство.

Но и дом стал другим. Отстранение произошло не только потому, что Лео приобрел опыт и пожил отдельно. Среди неподвижных вещей, тщательно выбранных и купленных сокровищ, изменились и те, кто их выбирал. В тот вечер, когда Лео приехал и пошел в кладовую, он представил, как отец ходит вдоль полок супермаркета, думая исключительно о себе и о том, что ему бы хотелось съесть в последующие несколько дней. А сейчас, бродя по комнатам, Лео понял, что дом перестал быть полным людей.

В передней зазвонил телефон. Так было всегда: срочный вызов по работе для отца. Но, возможно, теперь это звонил сам отец, желая что-то сообщить, но он не стал снимать трубку, и скоро звонок прекратился; сообщения звонивший не оставил. Телефон в пустом доме, лишенном матери, отца, братьев и сестер, и Лео, наклонив голову, слушающий звук вызова, точно ожидая, что кто-то из покинувших дом на него ответит. Мелодию звонка аппарата марки «Тримфон» ни с чем не спутаешь, и теперь он слонялся из комнаты в комнату, припоминая, с чем именно она у него ассоциируется. О трех или четырех годах перед отбытием в Оксфорд, когда он был занят преимущественно тем, что бегал за юбками.

Пожалуй, в доме не осталось ни одной комнаты, где бы он не трахнул кого-нибудь: даже на полированном обеденном столе (он шатался, и вообще было совсем не так круто). Кухонный стол оказался прочнее. (С Барбарой.) А еще, конечно, то самое кресло, куда он усадил ту китайночку с чудесной гладкой кожей и попросил раздвинуть ноги, чтобы он мог, опустившись на колени, попробовать ее там. «Можно мне попробовать тебя там?» – спросил он; сейчас это звучало смешно, да и она тогда уставилась на него. Полгода спустя он совершенно определенно сказал бы: «Можно лизнуть твою киску? Китайка была одной из первых. Это произошло в гостиной, потому что он так и не сообразил, как пригласить ее наверх. Кэрол, вот как ее звали. В свою комнату первой он привел Джейн, с небритым лобком и чудесным запахом – она вспыхивала всякий раз, когда он его перевозносил, – и светлым облачком волос на руках и ногах. Славная девчонка, очаровательно неухоженная, младшая из шести сестер. Как

только не красили ее многострадальное личико, что только не надевали на нее с шести лет! И с каким смущенным удовольствием она смотрела, когда наконец дошло до дела! И отвела глаза лишь однажды – когда увидела дурацкий плакат с теннисисткой, почесывающей задницу, который с незапамятных времен висел над его кроватью. К его изумлению, после она расплакалась. И была такой нежной, такой счастливой, и даже простила ему то, как неуклюже он благодарил ее, и он бросился утешать ее и уверять, что будет любить ее вечно. Внизу разрывался телефон, но он не обращал на него внимания и смотрел ей в лицо так искренне, будто сам верил в свои слова. Несколько дней спустя он снял плакат – ему хотелось, чтобы его натуру могли понять славные девочки вроде Джейн, а не только оторвы, которым ничего не стоило назвать его «шикарным», «красавчиком» и «жеребчиком». Перед тем как стянуть бюстгальтер и позволить ему зарыться в ложбинку между грудей, они сильно удивлялись: как, тебе всего пятнадцать? И не только они. И Виктория – нет-нет, не Вики, а именно Виктория – рыжие волосы и привычка насмеяться над ним по пути из школы. Над «малявкой», который, «как собака», следит за ней и ее подругами. Глядите-ка – у малявки рюкзачок «Адидас»! Думает, что он особенный, ишь. А однажды он подошел и спросил: «А хочешь прийти и посмотреть, так ли я мал?» И она с презрительной гримасой, точно заключила с кем-то пари, пошла за ним, а ее подружки обидно обзывались за спиной. Он был готов поклясться, что она дойдет с ним до двери, а потом пойдет дальше, но этого не случилось. Рыжеволосая Виктория прошла по подъездной дорожке и зашла с ним в дом – его сердце забило, и он смог поверить в это лишь тогда, когда она закрыла входную дверь. Она провела его наверх в спальню. В комнату Блоссом, если быть точнее. В какой-то момент она посмотрела наверх и заявила: «Это точно не твоя комната». Тогда-то он и понял, что ее напыщенный и презрительный вид – от неуверенности в том, что она врубается. Отец и братья вечно дразнили ее тугодумкой. А в комнате Блоссом повсюду были картинки с пони.

Он вспомнил всех девчонок, которые приходили сюда после Виктории: женская половина хомо сапиенс. После Виктории он понял, в чем секрет: не надо просить или извиняться, надо *понять*, что девушка, женщина, которую ты ввел в свою орбиту и собираешься трахнуть, тоже захочет с тобой трахаться. Они либо *уже* согласны, либо их нипочем не уговоришь. После Виктории он уже никого не преследовал; был не назойливым, а отстраненным и наловчился смотреть на желанных женщин так, точно едва их замечает. Когда дома не было ни отца, ни матери, ни сестер с братом, его жизнь и жизнь дома наполнялась сексом. Так и было. Один раз даже на лестнице.

Ну а потом он вернулся из Оксфорда – четыре месяца обернулись катастрофой. Там он тоже пробовал. Дерзкая реплика не возымела никакого эффекта. Безучастный взгляд в Оксфорде тоже не действовал. Пару раз визави отвечали таким же безучастным взглядом. Он не понимал. Такое впечатление, что все знали, что именно он говорил. Скоро он сам стыдливо опускал взгляд. В баре колледжа, не выдержав взгляда девушки, которая знала, что еще пару лет назад ее бы сюда не пустили. На семинаре. В библиотеке. Женщины чуяли жареное и вместо того, чтобы идти на контакт, смеялись и уходили. То, как он был превратно понят в Оксфорде, последняя ночь в январе, когда тот тип, Том Дик, с полудюжиной пьяных приятелей долбили в его дверь и орали: «Стесняшка! Стесняшка!» Неужели он когда-то пользовался успехом у женщин? Он вернулся в Шеффилд в начале февраля раздавленным, потерпевшим фиаско. Прошел целый месяц, и лишь после этого, в баре, он осмелился посмотреть на кого-то, стараясь не отводить глаз; и как только ему удалось сделать свой взгляд оценивающе-безучастным, женщина тут же на него ответила. То, что ни разу не сработало в Оксфорде, тут же сработало здесь. Он привел женщину домой; она осталась на ночь. Звали ее Линн. А через месяц он встретил Кэтрин. Однако в обрамлении череды побед так и остались те четыре месяца в Оксфорде.

Он остановился у подножия лестницы. Надо позвонить Лавинии... нет, Хью... нет, Лавинии... и выяснить, успел ли выживший из ума папаша сообщить им новость о разводе с мамой. Лавиния, должно быть, на работе; Хью дома и, вероятно, до сих пор дрыхнет. Он задумался. Это была самая сумрачная часть дома: отчасти из-за темной деревянной обивки и отсутствия окон; отчасти из-за густых зарослей глицинии, затенившей крыльцо у входной двери. Снаружи, в полумраке, кто-то стоял. Кажется, просто пытался заглянуть внутрь – или раздумывал, стоит ли звонить в дверь. Лео пришел в себя. И открыл.

– Я думала, это ваш отец, – сказала маленькая фигурка. – Ну, то есть я пришла поблагодарить его... Ну, вашего отца. Это же ваш отец... Ну, то есть вы ведь его сын?

Совсем юная; слегка всплескивала миниатюрными ручками во время разговора. Она знала, что дверь откроет он, а не отец. И начала, не подготовившись, говорить, полуприкрыв глаза ресницами, чтобы защититься – и объяснять не с того конца.

– Ну да, я его сын, – ответил Лео. – Вам нужен отец? Он ушел в больницу к маме.

– О... – ответила девушка. – Только чтобы... – Она снова всплеснула руками, не зная, что еще сделать.

Лео так и стоял у входной двери. Она явно продумала наряд: новые серая юбка и свитер светлее на тон, вспышка оранжевого на маленькой пластиковой с серебром броши – единственной уступке цвету, который ей, наверное, советовали носить почаще. Из-за этой броши Лео и решил, что надо бы помочь незваной гостье.

– Вы ведь живете по соседству? – спросил он.

Наверное, она решила, что все уже объяснила, и начала издалека.

– Меня зовут Аиша, – сказала она. – Я не живу в соседнем доме, я приехала на уик-энд, ну, может, еще на пару дней.

– Зайдете? Могу предложить вам чаю с печеньем, больше тут... В любом случае прошу. Приятно познакомиться. Вы...

– Все говорят, что это дом Тиллотсонов, – сказала девушка. – Я их ни разу не видела. Должно быть, устроились где-нибудь, где про них говорят «эти, которые живут в доме Смитов».

Они очутились на кухне.

– Ваш отец потрясающий... просто гений. Вчера. Просто перелез через забор и спас Раджу, мы даже моргнуть не успели. Раджа – это мой брат. Мама даже не пискнула. Ваш папа был спокоен как удав. Раджу уже выписали – только повязка на шее, и все. Брат его донимает, уговаривает снять бинт – просто хочет увидеть дырку в шее.

– Можно спросить у отца, – улыбнулся Лео, – но я не уверен, что он разрешит.

– Я ни разу здесь не была. – Она окинула взглядом кухню. Может быть, тоже под спудом очевидного, а также опыта, сравнивая, как немногим ранее это сделал Лео, со временами, когда она кряхтела под натиском шести душ, взрослых и не совсем, жаждущих пропитания. – Я не была ни в одном доме по соседству. Ну, один раз в прихожей. Меня зовут Аиша, – спохватилась девушка. – Простите, что не представилась сразу.

– Аиша, – повторил Лео. Он произнес ее имя в первый раз. И тут до него дошло, что она имеет в виду. – Я Лео Спинстер. И тоже тут не живу.

– Ага, ну вот, – сказала Аиша. Она прямо-таки светилась. Наверное, она готовилась, но в конце концов, когда дошло до дела, обнаружилось, как что-то мешает выговаривать слова в правильном порядке. – У вас на кухне хорошо... Так здорово прийти в соседний дом и обнаружить вещи, которые, ну, знаете, были в нем всегда, и чайник, и тостер.

– Тостер сломан, – сообщил Лео. – С Рождества его так и не починили.

– Видели бы вы наше жилище! Мама как с цепи сорвалась. Все-все новое – ну, не прямо все, но она заявила, что не для того ей новый дом, чтобы жить со старьем. Купила холодильник, который открывается не в ту сторону только потому, что она хотела установить его в опреде-

ленном месте на кухне. У нее свои деньги: она сдает дома в Уинкобанке, так что теперь обставляет дом с размахом, что твой Ротшильд.

Должно быть, на лице Лео отразился ответ; только теперь он понял, что слонялся по дому и касался всего, что в нем есть, в изумлении и с удовлетворением, пусть и осторожным, беря в руки вещи, которые были тут всегда; кусок горного хрусталя на полке, раньше не замечаемый равнодушным взглядом и воспринятый с потрясением и узнаванием лишь сейчас – точно в первый раз. Он брал вещицу за вещицей и вертел в руках при знакомом свете пустого дома, позволяя им напоминать ему одну постельную подружку за другой.

– Чертовы часы, и те время не показывают! – говорит Лео. – Что вообще работает в этом доме?

Аиша взглянула на швейцарские железнодорожные часы, висевшие на сделанной из тесаной сосны двери в коридор. И протянула запястье, чтобы Лео мог увидеть, что показывают ее наручные часы, мужские, тяжелые. Теперь Лео посмотрел на часы: и почему он решил, что они остановились? Они все это время шли: надежно и неизменно. Двадцать минут второго.

– Который час? – спросил Лео. – Я забыл завести часы сегодня утром.

– Двадцать минут второго, – ответила Аиша. – Вам куда-нибудь нужно?

– Я думал, десять утра, – сказал Лео. – Мне нужно в больницу. О господи, надо было заказать такси, что ли.

– В какую больницу? Я могу вас подвезти. Мама не пользуется своей машиной. Вы ведь водите?

5

Велев ждать здесь, у подъездной дорожки, Аиша поспешила прочь – едва ли не галопом. Как-нибудь Лео может навестить все семейство, крикнула она через плечо. «Мамина машина» оказалась красным фиатом и в этом городе смотрелась слегка чересчур. Аиша приоткрыла входную дверь, что-то прокричала и захлопнула, не дожидаясь ответа. Вскочив в автомобиль, она лихо выкатилась по дорожке задним ходом и выехала на улицу. Опустила окно.

– Садитесь! – сказала она. – С другой стороны. Ну, быстрее!

– Большое вам спасибо! – сказал Лео. Сев за руль, Аиша мгновенно преобразилась, стала собранной и ловкой; ощущение, что она делает все невпопад, постоянно приходит в замешательство и едва удерживается, чтобы не захихикать, ушло насовсем. Он сел в машину. – Откуда ваши родители?

– Из Бангладеш, – ответила Аиша. – А, или вы имеете в виду в этот дом? Из Хиллсборо. Или нет?

– Значит, вы учились в школе в Хиллсборо?

– Ну да, почти все время, а потом меня забрали, и я сдавала экзамены на аттестат. Мама хотела, чтобы я поступила в Оксфорд. Нет ничего такого в том, чтобы спросить, откуда мы, – у нас смуглая кожа и так далее.

На самом деле Лео ужасно смутился, поняв, что только что спросил у английской девушки, откуда родом ее родители. Он что-то стеснительно пробурчал.

– Посмотрите-ка на нее, – сказала Аиша. – Вон на ту, с пирожком! Прямо под колеса. Ну же, быстрее, вы что, не можете ногами шевелить? Совсем не можете? Господи, кого только не увидишь в Брумхилле в понедельник утром!

– Кажется, я с ней в школе учился, – сказал Лео.

– Уверена, что нет, – сказала Аиша. – К вашему вопросу: родилась я здесь, но мои потом вернулись в Бангладеш – мы оттуда родом. Папа получал здесь диплом инженера, к нему приехала мама, и родилась я. Все, что я помню, – синяя дверь дома над лавкой, где мы жили, и немецкую овчарку, которая сидела в лавке на нижнем этаже. Когда он получил диплом, мы

вернулись. Я так и не поняла зачем – в стране были ужасные времена. И потом, после тысяча девятьсот семьдесят первого, папа сказал: это долг. Он обязан остаться и преподавать в университете в Дакке. В нем нуждались там, да и стране понадобятся такие, как он. Он и сейчас так говорит, но это звучит как издевка: то, что там может понадобиться кто-то вроде него. Но мама говорит, что тогда, в семьдесят первом, все так говорили. Просто помешались на этом долге.

– А что произошло в семьдесят первом?

– О, простите. – Аиша сосредоточилась на дороге. – Я и забыла, что не все говорят об этом за завтраком, обедом и ужином. Бангладеш и случился – война за независимость. Он был частью Пакистана, а после войны сделался независимым и очень бедным, и до сих пор такой. Людей много погибло. У меня у самой дядю убили, я считай что его не помню. Мы говорим о семьдесят первом так, будто это было вчера; ну, как вы о битве при Гастингсе ¹⁴ – будто это случилось лет двадцать назад.

– Я вообще ничего об этом не знаю, – сказал Лео. – Мы с невестой однажды поехали в Индию. Решили, что это будет романтично.

– Ну, наверное, иногда так и есть, – сказала Аиша. В маленьком прямоугольнике зеркала заднего вида он поймал взгляд девушки; глаза ее блеснули. – Я сама видела Индию лишь однажды, Калькутту. У нас там была пересадка, и папа решил, что мы пару дней походим по городу. Куда именно вы ездили?

– В Раджастан. Дворцы и храмы. Ночь в дорожном отеле, во дворце на озере, но только одна, остальные – жуткие мотели для рюкзачников. Моя будущая жена ужасно отравилась едой: думала, умрет или придется домой ехать.

– И что потом с ней было?

– О, в конце концов она поправилась. Ничего страшного.

– Нет-нет, я хотела сказать...

– А, мы в разводе. Если вы об этом. То, как она отравилась, и какие-то верблюды и дорожное движение – вот и все, что я помню об Индии. Наверное, надо съездить в Калькутту, – поспешно добавил он.

– Нет, не думаю, что там было место романтике, – сказала Аиша. – Я кое-что помню о раннем детстве в Бангладеш, но, конечно, воспоминания скомканы. Мы вернулись только тогда, когда мама и папа все окончательно поняли. В семьдесят пятом – решили, что с них хватит. Близнецы родились уже здесь. В Северной больнице, если быть точным. Помню, как мы ходили по снегу навестить маму, как я увидела их в первый раз. Снег меня впечатлил больше, чем братья.

– Значит, вся ваша семья здесь, – предположил Лео.

– Да, потихоньку перебрались все, – подтвердила Аиша. – В основном после семьдесят пятого, хотя мама с папой переехали первыми. А, нет, вру. Тетя Садиа и дядя Мафуз успели раньше. У вас в семье есть военные преступники? Я почти не видела ни тетю, ни дядю – ну, может, один раз, года в два, когда еще ничего не понимала.

– Военные преступники в семье – как мило...

– Я так толком и не узнала, что именно они сделали, но нам не разрешают с ними общаться, и папа говорит, что если бы каждый действительно получал по заслугам, то дядю Мафуза ждал бы расстрел, виселица или электрический стул. Все, ну, то есть мои тетки, хором говорят: ничто не заставит их снова пригласить Мафуза или Садию к себе в дом, и это очень странно. Потому что во всем остальном они с папой в жизни не согласятся. Ну, вот и на месте. Как вы будете добираться до дома?

– Вы очень добры, – сказал Лео. – Надеюсь, я вас не отвлек от чего-нибудь важного.

---

¹⁴ *Битва при Гастингсе* (14 октября 1066 года) – сражение, в ходе которого англосаксонский король Англии Гарольд II Годвинсон был разбит войсками Вильгельма Завоевателя.

6

Крыло больницы, которое он отыскал, помимо множества сбивающих с толку синих указателей, недавно обзавелось новым кирпичным фасадом с пандусом для колясочников, однако внутри узкие коридоры и окна с металлическими коробками и переплетами выдавали былую суть здания: в свое время его переоборудовали из наскоро возведенных в войну казарм. Как во всех таких заведениях, там сильно пахло дезинфицирующим средством – острым приступом желания от чего-то избавиться; в этом запахе ничего не было от реальной чистоты, лишь напоминание о том, что совсем недавно случилось нечто неожиданное.

Вокруг толпились семьи посетителей, несколько ветхих пациентов в халатах и тапочках шли покурить на улицу, двое ребятишек несли букеты желтых хризантем, а прямо посреди коридора сидела в больничном кресле-каталке пожилая женщина, жалкая и покинутая, выжидательно пялясь в пространство; ее, наверное, надо было забрать или вернуть на место, как томик словаря в публичной библиотеке. Лео нашел палату матери и подумал, что надо было тоже что-нибудь захватить. Букет хризантем. Или винограду.

Мать сидела на кровати в ночной рубашке и накинутой на плечи шали. Правая рука – под толстым гипсом, из-под которого любопытными зверьками торчали кончики пальцев. Выглядела она чистенькой и розовошкой, с копной непривычно седеющих волос вокруг лица, и при виде сына радостно улыбнулась:

– Вот это да! Что ты тут делаешь?

– Тебя пришел повидать. Решил, что тебе скучно.

– Твой отец только что ушел, – сказала мать Лео. – Он знал, что ты приедешь?

– Должен был знать, – бездумно ответил он. – Я приехал вчера вечером. Мы договорились встретиться тут. А что случилось?

– О, как он меня порой бесит! – пожаловалась она. – Вышел чаю попить, наверное. Представь – ни слова о том, что ты приедешь!

– Наверное, хотел сделать тебе приятный сюрприз, – предположил Лео. – Но что это? С тобой-то что стряслось?

– О, не знаю... – Она не без усилия приподняла перебинтованную руку. – Так глупо вышло. Думала, просто ударилась, ушибла, а потом... жуткая боль, и твой отец сказал, что я ее сломала. Никогда не думала, что сломать руку так легко. Ты...

Но тут она стала смотреть в пустоту, и Лео вспомнил: должно быть, получила большую дозу морфина.

– Я приехал вчера, – повторил он. – Поздно вечером, иначе бы пришел. Я познакомился с новыми соседями!

Он не был уверен до конца, но взгляд Селии снова сделался осмысленным, и она улыбнулась слегка одурманенной улыбкой. Из окна палаты виднелся больничный двор с декоративным вишневым деревом. У дальней стены на скамейке сидел мужчина в твидовом пиджаке и читал книгу.

– Ко мне идут и идут, – говорила его мать. – Идут и идут. Вчера были Кэтрин и Джош. Это они принесли цветы.

Лео решил, что вряд ли его бывшая жена и сын приходили вчера, но лишь ободряюще кивнул.

– Она милая девушка, – сказала Селия. – Конечно, все из-за твоего отца. Он очень строг тут со всеми: говорит, что надо делать, как лечить. Думаю, – она резко замолчала и подавила смешок, – они его попросту побаиваются. Хорошо, когда за твоим здоровьем следит строгий профессионал. Он хороший врач.

– Надо было принести цветов, – сказал Лео.

Кажется, мать удивилась.

– Надеюсь, ты приехал не издалека, – дружелюбно сказала она. – Я бы очень огорчилась, если бы создала тебе проблемы. Очень рада была тебя повидать.

– Мама, я только пришел! – сказал Лео. – Я приехал на пару дней, чтобы тебя навещать.

– О, как мило! – воскликнула мать. Она, кажется, смогла сконцентрироваться, и теперь, увидев сына, по-настоящему просияла. – Ты приехал нарочно ради меня? Я чувствую себя нормально. Пробуду в больнице еще пару дней.

– Ну, я еще тут. Есть хочешь?

Вопрос оказался выше понимания Селии. Она, точно пробуя, увлажнила губы и провела по ним языком. Но затем опустила глаза и, наклонив голову, покачала ею, точно маленькая девочка, не желающая выдавать свои тайны.

– Ты когда-нибудь бывал в больнице? – спросила Селия тоном праздного любопытства. – Как я? Смотрите-ка – а вот и мой муж!

Лео спросил себя, кем она его считает. Никакого «папы»: она говорила о нем, точно о почетном госте на приеме, который решил обменяться парой теплых слов с маловажным незнакомцем. Но ее внимание было острее, чем он думал: спустя несколько секунд раздался нетерпеливый стук в дверь, закрытую Лео, и вошел отец с пакетом снеди из ресторанного двора «Маркс энд Спенсер».

– Добрался, значит, – добродушно сказал он. – Я и забыл, что у тебя нет машины. Ну, как больная?

– Вполне, спасибо! – сказала Селия. – Боль под контролем.

– Еще бы – такими темпами накачиваться морфином. Она вообще не понимает, что происходит. Ей дали устройство с кнопкой, которую можно нажимать. Каждые шесть минут. Судя по тому, что я вижу, она постоянно им пользуется. Если его не заберут, она везунчик.

– Как я, доктор? – спросила Селия.

– Я не твой доктор, – отрезал Хилари.

– Я хотела сказать «Хилари», – парировала Селия. – Я прекрасно знаю, кто ты. Достаточно прожила за тобой замужем.

– И вправду, – буркнул Хилари. – Лео больше не хочет слышать подобной чуши.

– Вообще-то, – начала Селия, – я была бы признательна, если бы... – Но тут она осеклась, не найдя слов.

– Да, дорогуша? – отозвался Хилари.

Лео ни разу прежде не приходилось слышать от отца этого слова; так звали друг друга герои комедийного телешоу, нелепые пожилые женщины и мужчины; даже при собственных пациентах Хилари никогда не опустился бы до подобных выражений. Единственный раз, когда отец употребил что-то в этом роде, – однажды, вернувшись после приемного дня, он отмахнулся от расспросов: да, одни старушки со своими пустяками. Но теперь он назвал «дорогушей» его мать, и это прозвучало дико.

– И все потому, что она не хочет быть повнимательней и падает кверху сиськами.

– Так она упала? – спросил Лео.

– Я не падала! – запротестовала Селия. – Нет-нет.

– Ну вот, начинается, – сказал Хилари.

– Я упала оттого, что меня толкнули. Не хочу говорить кто, потому что у него могут быть большие неприятности.

– Меня вообще не было дома, когда это случилось! – возмутился Хилари.

– Как бы то ни было... – сказала Селия с приличествующими случаю нотками триумфа. – Как бы то ни было, в доме происходили вещи, которые к этому привели. Относись к этому как к части своих изысканий. Подумать только – я могла выйти замуж за кого угодно. За Алистера Кэрона. Школьный друг моего брата, очень я ему нравилась. Банкир в Сити. Не надо пилить

кости и совать пальцы в задницу, чтобы заработать на хлеб. Ну, или если уж говорить о врачах, был Леонард Шоу...

– О, бога ради! – взмолился Хилари. – Не начинай опять про Леонарда Шоу. Конца-краю нет.

– ...Он был милый, милый и славный, и мы встречались – с ним, да, и у него был друг, ужасный, жалкий друг, и однажды Леонарду Шоу надо было уехать за границу... в Париж, Рим или Брюссель, я забыла. И когда он уезжал, он попросил за своего жалкого друга Хилари: мол, тот никого в Лондоне не знает, торчит один как перст, может, я как-нибудь пошлю ему записку и позову в кино?

– Могу сказать, – заявил Хилари, – что все было совсем не так. Но пусть говорит морфин.

– Шел фильм «Король и я», – сказала Селия. – Как раз только что вышел. Тоже можешь добавить к своим изысканиям. Но ужасный жалкий друг Леонарда Шоу сказал, что хочет посмотреть то кино, ну, с пальбой и убийствами... про «гангстеров» и голову мертвой лошади на кровати, и...

Селия внезапно сглотнула и всплакнула – в равной степени от боли и при воспоминании о несчастной лошади. Пальцы ее судорожно сжались; много дней некому было накрасить ей ногти ее излюбленным бордовым. Она резко принялась жать на кнопку, и скоро гримаса боли сошла с ее лица.

– Видишь, это все дурман, – сказал Хилари, крайне довольный тем, что смог доказать свою правоту. – Ты, наверное, догадался по путанице с датами. Ты ведь был достаточно взрослый, чтобы помнить, когда вышел «Крестный отец», так?

– Вот и я удивился, – ответил Лео.

7

Лавинии все порядком надоели – и Соня, жиличка, и Перла, уборщица, и ее многочисленные так называемые сыновья и дочери, чьи имена она даже не пыталась запомнить. Перлу пришлось нанять из-за бардака, учиняемого Соней, а все, что платила Соня, уходило на то, чтобы помочь Перле, которая приходила дважды в неделю, в понедельник и пятницу, – или вместо нее являлся так называемый сын. Очень скоро деньги понадобятся самой Лавинии, чтобы поправить душевное здоровье после хаоса, создаваемого Соней, бесконечных жалоб и вранья Перлы, а еще из-за ее чертова сынка, имени которого никак не упомнишь.

Квартира в Парсонс-Грин принадлежала Лавинии. Вначале ей понравился слегка потрепанный балкон, который располагался вдоль гостиной в форме буквы «L», и показалось надежным то, что предыдущая владелица жила здесь двадцать лет; а мраморная отделка и прочие особенности и вовсе делали квартиру отличной покупкой: другие бы не заметили, а я – пожалуйста. Среди открывавшихся возможностей (а Лавиния всегда гордилась умением отыскивать возможности в людях, местах и вот в квартирах) было обязательное наличие как минимум одной свободной спальни. Это обещало доход как минимум шестьсот фунтов в год, и каждый съемщик – она помнит, как продумала это с самого начала, – сможет платить ей на счет кредитной карты, так что никто не отследит платежей. Что казалось ей разумным.

Благодаря Хью сразу нашлась Соня. Они жили вместе, когда учились в театральной школе. По словам брата, она была совершенно беспроблемной: тихой и доброй – сущий ангел. Оказалось, все относительно. Если среди таких же будущих актеров ее недостатки и не казались чем-то из ряда вон, то, поселившись с менеджером благотворительной организации со слегка скучной (Лавиния сама признавала это) рутинной, Соня повела себя как истинная драматическая актриса: постоянные заламывания рук, слезы, шум, отсутствие какого-либо распорядка дня и бесконечные требования в признаниях в любви, денно и нощно. (По ее словам, породил эту нужду бразильский юрист Марсело, который подло с ней обошелся.) А еще она

обладала неистощимым запасом постоянно меняющихся историй о том, как ее бабушка прибыла с Ямайки вместе с тысячами других уроженцев Вест-Индии на круизном лайнере «Виндраш». И свела на нет все усилия Лавинии с Перлой и ее сыном.

Лавиния четко поставила условие: Перла ни при каких обстоятельствах не должна приводить в квартиру сына и перепоручать ему уборку. Ей вообще не верилось, что это сын Перлы: выглядел он максимум лет на десять моложе. Она не знала, сколько это продолжалось. Как-то в обед у нее выдалось свободное время; в пятницу, когда должна была прийти Перла, Лавиния явилась домой без предупреждения и застала там луноликого юношу лет двадцати с небольшим, который, вздыхая, гладил белье у нее на кухне. Она спросила, кто он такой. Он ответил: «Сын Перлы». А где она сама? А ее нет. Он нервно захихикал. Перла сейчас работает на миссис Путни. (Это то, что удалось разобрать Лавинии: фамилию Путни пришлось расшифровывать.) Лицо молодого человека, хранившее отпечаток долгой борьбы с акне, выражало беспокойство, взгляд был заискивающим; он попытался продолжать глажку, но Лавиния велела ему уйти. Она изрядно потрудилась, чтобы он понял, чего от него хотят. Юноша не знал телефонного номера «миссис Путни»; позже Лавиния предположила, что это не фамилия некоей леди, а адрес Перлы.

В понедельник она дождалась Перлу и, когда та явилась, сказала, что наняла на работу именно ее, так что давать ключ от ее квартиры кому-то другому нельзя. Даже сыну. Лавиния заговорила с Перлой в той самой гостиной в форме буквы «L»; у уборщицы было взволнованное лицо, руки в рукавах тонкого пальто уже умоляюще сложены. Лавиния не смотрела, но знала: снаружи, на улице, стоит мужчина десятью годами моложе Перлы, ковыряет землю носком ботинка, спрятавшись, ждет знака, чтобы подняться и заменить Перлу, пока та пойдет убирать где-нибудь еще. Может, Перла – агент международной сети, которая пристраивает нелегалов, поскольку худо-бедно справляется с собственными документами и английскими глаголами? Главное Лавиния сказала. Она не в состоянии сидеть тут все время, пока приходит Перла, – два раза в неделю ей просто себе не позволить.

Это случилось год назад. Ничего не проверяя, Лавиния оптимистично и уверенно предположила, что Перла велела своему сыну, или кто он там, не приходить больше: она сама будет делать всю работу, как велела мисс Спинстер. Лавиния не будет циничной. Она станет искать лучшее в любом человеке – даже в Соне; и определенно обдумает возможность того, что Перла выглядит значительно моложе, чем на самом деле: широкое лицо с тщательно натренированным невинным выражением весьма этому способствует. И не исключено, что юноша, притаившийся за деревьями во дворе, кажется старше из-за плохих зубов и больших ладоней. Так ведь бывает? В любом случае Лавиния ничего не проверяла. И Перла, что они обе с Соней признавали, сделала то, к чему оказались не готовы ни та ни другая: управилась с хаосом, создаваемым Соней в своей комнате, в ванной и на кухне, куда жиличка навевывалась за маской для лица или поджаренным сыром.

Всего за неделю до этого Соня вдруг заметила: «Перла такая милая». Они наконец-то очутились в одно время в одном месте: смотрели новости по телевизору. Соня не могла выдерживать и двух минут без того, чтобы не сообщить что-нибудь совершенно неуместное о себе.

– Ты сегодня была дома? – удивилась Лавиния.

– Утром у меня было мрачное настроение, – безмятежно ответила Соня, – так что я решила позвонить в агентство и сказать, что неважно себя чувствую. Я сто лет не отпрашивалась с работы из-за недомогания. Все так делают. Так что сегодня я лечусь. Мне надо расслабиться. Я с Ямайки.

Лавиния всегда считала, что недомогание – это когда ты болеешь, а не когда у тебя нет настроения, даже на Ямайке. Но решила, что в театральном агентстве, где служила Соня, когда оставила надежду сделать карьеру актрисы, правила не такие, как во всех прочих местах.

– И Перла приходила, да?

– Она такая славная, правда! – продолжала Соня. – Она сказала, что я очень хороший человек и сердце у меня по-настоящему доброе.

– Что ты такого с ней сделала, чтобы она так сказала?

– Кто, я?..

Лавиния ждала ответа.

– Она что-то у меня спросила... а, поняла! Она спросила, нормально ли будет, если работу сделает ее дочь, – Перлу ждали где-то еще, у миссис... миссис я-забыла-как. Так или иначе, я согласилась, и она сказала, что я – очень хорошая.

– Соня, я ей велела работать у меня самой.

– Она назвала меня доброй, – начала Соня. – Ты не представляешь, что эти, в агентстве, смеют мне говорить! – Она притянула к себе голые коленки и прижала босые ноги к подушкам дивана; пальцы ног стали мять шелк, точно лапы котенка, делающего «молочный шаг».

– Я не потерплю, если квартиру будет убирать кто-нибудь, кроме Перлы! – отрезала Лавиния. – Я сказала ей об этом давным-давно.

– А, еще звонил твой брат, – сказала Соня. – Просил передать, чтобы ты позвонила.

– Хорошо, хорошо, – отмахнулась Лавиния, но Соня, не глядя на нее и уткнувшись в телеэкран, замахала перед ее носом бумажкой. Лавиния протянула руку. Почерком Сони на грязном мятом листке, сложенном в несколько раз, было написано: «Звонил Твой Брат».

– Он сказал, что это срочно. По крайней мере, было срочно, когда он звонил, – добавила Соня.

– Целое расследование... – пробурчала Лавиния и махнула рукой. – Сегодня?

– Нет, – ответила Соня, обалдевше выкатив глаза и пожимая плечами. – Нет, я же сказала – пару дней назад. Тогда как раз Клод заходил, а то бы я расспросила, как у него дела.

Лавиния села на телефон. Выяснить, почему Соня ведет себя так, а не этак, бессмысленно. Но, когда она еле дозвонилась до Хью через озадаченного соседа по квартире, которого не вспомнила, брат тут же, визжа от удовольствия, пустился в рассказ, как наговорил и натворил такого, что его выставили из «Пицца Экспресс», не успев дожевать свою «венетию». В конце концов оказалось, что он совсем не уверен, что ей звонил. Хью хотел непременно выслушать ее мнение о новых фото для своего актерского досье (на них он был более задумчивым, серьезным и куда меньше походил на прежний образ комического приятеля главного героя или парня из рекламы стирального порошка), да и о многом другом.

– «Король Лир»?

– «Король Ричард Второй», попрошу!

И Лавиния рассмеялась над избирательностью братних амбиций. Выяснилось, что ни один из них не знал, как себя чувствует мама, но, по словам Хью, в Шеффилд приехал Лео. Если бы с мамой случилось что-нибудь серьезнее сломанного запястья, он бы обязательно сообщил. Лавиния, слегка озадаченная, положила трубку.

– Да не Хью. – Соня по-прежнему не спускала глаз с новостей Четвертого канала. – Ты что, Хью позвонила? Я же говорила, звонил твой *брат* – который в Шеффилде. Я же вроде сказала.

То, что Хью не только друг и бывший сосед Сони, но и, как ни странно, брат Лавинии, а еще что иногда у людей больше одного брата, она объяснять не стала. И набрала домашний номер, который в детстве затвердила наизусть. Обычно, когда Лавиния звонила, никто не брал трубку. Но сейчас ей ответил Лео.

– Мне не передали твоего сообщения, – начала Лавиния. – Что стряслось? Как мама?

– Как они себя вели, когда ты их в последний раз видела?

– Кто, мама с папой? Я была на Рождество. А, нет, в марте еще. Они были в порядке. То есть так же, как и всегда.

– Ты хочешь сказать – на ножах. Ругались?

– А когда они не ругались, Лео? Он раз пять назвал ее идиоткой, она расплакалась и выскочила из кухни, хлопнув дверью. Ну, сам знаешь, как это бывает. На сей раз она не обозвала его болваном. Как она? В смысле самочувствия.

– Сломала руку, – ответил Лео. – Ее держат в клинике. Вроде как чересчур просто это вышло. Даже не падала, раз – и все.

– Она пожилая, – сказала Лавиния. – У стариков хрупкие кости.

– Они считают, что это мета... метазы? Метастазы то есть. Вот ее и наблюдают. Если болезнь проникает в кости, они ломаются на ровном месте.

– А папа что говорит?

– Он весь в себе. Я говорил с другим врачом. Как только поражаются кости, болезнь становится неизлечимой. Но это не значит, что ей осталась пара недель. То есть нестишь сюда сломя голову не надо.

– Приеду, как только смогу. Она же пока в больнице?

– Ну, не насовсем. Хотя дело и в этом тоже. Папа тут меня действительно напугал. Сказал, что намерен с ней развестись. Говорит, мол, последний шанс... ну, не знаю... на то, чтобы она умирала без иллюзий насчет их брака. И он не шутит.

– Не может быть! – Лавиния была ошарашена. – А она что говорит?

– Она одурманена морфином. Так что ничего вразумительного, но ведет себя с ним так же по-свински, как и он с ней. Он ей скажет – по крайней мере, грозит. Он сообщил мне об этом в воскресенье вечером и теперь упоминает каждый день в подробностях: как выглядит процедура, кто ею занимается, нужен ли ей собственный адвокат. Честно говоря, кажется, у него по этой причине появился интерес к жизни.

– А что остальные?

– Я им еще не рассказывал. Еще не хватало, чтобы примчалась в своем «ягуаре» Блоссом и начала всех мирить.

Она положила трубку, и тут же Соня начала мурлыкать про «дожди в Испании». Должно быть, ей не терпелось сделать это раньше, но она не хотела мешать Лавинии говорить по телефону.

– И он совсем не умел петь! – злорадно заявила она. – Странное решение – взять на эту роль человека, который совсем не умеет петь.

– Ты сейчас о чем?

– Рекс Харрисон умер, – ответила Соня. – Ты разве не видела? Кругом в новостях вспоминают, какой он был замечательный. Смешно. У него был отвратительный характер, и он им славился. Тем не менее – дажди в Эспании. – Она без предупреждения перешла на отвратительный деланный простонародный выговор. – А п'равда в'ша мама звала папу «диот'м»?

– Может, и назвала разок, – отмахнулась Лавиния. – И я была бы тебе очень признательна...

8

На следующий день Лео обнаружил, что его отец снова ушел за продуктами в «Марк энд Спенсер». Он выглянул во двор и увидел Аишу – в ослепительных белых брюках и поло-сатой блузе в матросском стиле, она поливала из шланга цветы в палисаднике, осыпая розовые азалии и белые рододендроны грудами сверкающих брызг. Девушка сказала, что с удовольствием его подвезет. Это, дескать, самое малое из того, что она может сделать. Выражения ее глаз он не видел: пол-лица скрывали эффектные очки в стиле Джеки О, точно черные круги – глаза панды. В конце концов, сегодня дома ей делать нечего, зато есть в той части города, куда надо ему, – давнее обещание, она и так уже откладывает не одну неделю. В такой одежде явно непрактично возиться в саду или заниматься чем-то вроде этого, но она так улыбалась

ему – да еще так одетая, – что Лео не смог найти причин отказаться от предложения подвезти его до больницы.

Мама и Лавиния

Это случилось в 1968-м, ну, может, в шестьдесят девятом, не позже. Потому что это связано с доктором Марио. Если она и пошла в школу, то за неделю или две до случившегося, так что Лавинии было четыре или пять, никак не больше. Помните доктора Марио? Блоссом закатила глаза, а отец Лавинии безразличным тоном сообщил: ну да, что-то слышал. Хью оказался слишком мал, чтобы что-то знать о докторе Марио. Почему его так называли? Потому что верные и надежные взрослые мужчины, которым можно было доверить свои секреты или которые чувствовали, что у тебя есть тайны и не хотели их узнать, всегда звались Докторами. Спросите психотерапевта. А Марио почему? Ну, потому, что, как пояснила за кухонным столом Блоссом, он собирался жениться на Лавинии, когда она вырастет или даже когда она с ним убежит из дома. Мари-о. Марьяж. Где там ваш психотерапевт?

– Странно, почему дочь врача так боится чужих? – вечно недоумевала мама.

И это было правдой: посторонних Лавиния не любила. Всяко лучше спрятаться от них за доктора Марио.

Он всегда был готов выслушать Лавинию. Непременно оказывался рядом, когда ей хотелось что-нибудь сказать, и для него она была самым важным человеком на свете. Так делали не все. Собственно, все остальные никогда не слушали Лавинию, точно так же, как никто не слушал ее отца. «Не обращайтесь внимания», – часто говорила мама. Иногда имелось в виду «на Лавинию», иногда – на ее папу.

– Думаю, это про то, что... ну, внимание нужно всем... – начала было Лавиния.

Но Блоссом отрезала:

– Ну уж сопли нам тут не нужны!

– Психотерапевт скоро приедет, – вставил Лео.

Семья нечасто собиралась за общим круглым столом, так что тратить драгоценные минуты на замешательство и пустой треп не стоило.

Возможно, психотерапевт разъяснил бы и то, почему доктор был таким высоким и при ярком свете приобретал приятный нежно-зеленый оттенок. В нем оказалось столько роста, что входя ему приходилось нагибаться, но все равно он порой задевал затылком дверной косяк. Любопытно, что оба старших как-то обошлись без собственного «доктора». Ни один из отпрысков Блоссом тоже не обзавелся кем-то в этом роде, и теперь из книг о развитии ребенка она узнала, что доктороподобные персонажи могут появляться в детской комнате старших или единственных детей, но никак не у младших. У самой Блоссом его не было – она полагала, что ей не доставало воображения, – а у Лео потребность проявилась лишь в очень тесных и доверительных отношениях с набитой соломой крольчихой по кличке ЛаЛа. Зачем Лавинии понадобился двухметровый зеленый гигант с докторской степенью? Что с ней было не так?

Доктор Марио, как и ЛаЛа, соглашался выслушать все, но, в отличие от нее, обладал собственными устремлениями и готов был участвовать в заговорах. Иногда его просьбы выполнялись: например, доктору Марио разрешили надеть лучшие ботинки и сопровождать семейство, когда оно направлялось на природу, навестить бабушку Спинстер и даже в лавку зеленщика или рыбака. Иногда приходилось искать компромисс: к примеру, Марио хотел спать в одной постели со своей подругой Лавинией. Как впоследствии признавалась Селия, ей пришлось отгонять чувство, что это совершенно непристойно, и спокойно предлагать дочери: пусть наш бледно-зеленый двухметровый гость поспит в гостиной? Ему будет удобно, а под длинную его голову я лично подложу мягкую подушечку. Порой ему даже приходилось резко отказывать. Они знали, что история произошла между 1968 и 1969 годами, потому что тогда Лавиния в

первый раз пошла в школу – куда доктору Марио строго-настрого запретили с ней ходить. Спустя год или два Лавиния возвращалась из школы и слышала мягкие возражения, встречаемые слезными протестами, которые вскоре сошли на нет: мол, доктора Марио давно не видно поблизости; может, он уехал насовсем.

Но до всего этого, году в 1968-м или 1969-м, доктор Марио решил, что пора убежать из дома. Лео, ты что, совсем ничего не помнишь? Лавиния как ни в чем не бывало подошла к маме, которая читала книгу, сидя в кресле, и сообщила о решении доктора Марио. «Понятно, – сказала мама. – Кажется, что кто-то жутко хочет уйти насовсем. Может, вам с Марио просто погулять весь день, посмотреть, понравится ли вам? А если ты решишь, что тут лучше, вернетесь?» Но решение Лавинии было твердым – ну, доктор Марио ведь хочет, и Лавиния сочла, что его не бросит. «И когда вы отправляетесь?» – спросила мама, но она удивилась. Разве неясно, что прямо сейчас?

Доктор Марио решил покинуть дом Спинстеров со своей подругой Лавинией и найти работу. Они с Марио это обсудили, решив, что из длинного списка профессий для взрослых – регистратор в поликлинике, терапевт, рентгенолог (как Тим), медсестра, машинист поезда, педиатр, секретарь, профессор, гобоист, учитель, полисмен, директор школы, раздатчица в школьной столовой, онколог или водитель «скорой помощи» – выбирают машиниста поезда. Лавиния толком не знала, где берут в машинисты, но полагала, что главная железнодорожная станция находится в самой середине города, а середина – если спуститься с холма. Так что Лавиния вышла из дома и быстро зашагала рядом с доктором Марио, а мама махала им с крыльца, и малыш Хью тоже – или, скорее, мама взяла его ручонку и легонько потрясла. Хорошо, что с ней был доктор Марио. В одиночку Лавиния бы в жизни на такое не решилась.

Они спускались под сенью безмятежных деревьев. Лавиния точно помнит, что светило солнце, но листва была столь густа, что на нее падала лишь зеленоватая тень. В конце дороги можно было повернуть налево и добраться до Кросспула, магазинов и школы: черные стены и надпись «ДЛЯ ДЕВОЧЕК» на воротах, хотя войти мог любой, хоть девочка, хоть мальчик. А если повернуть направо, можно спуститься с холма, и, думала Лавиния, если, дойдя до Фулвуд-роуд, свернуть налево, будет Брумхилл, а потом – центр города. Им туда.

На холм, ей навстречу, поднималась пара стариков: дама в шляпке и странном пушистом желтом пальто и некто, кого Лавиния определила как мужчину. В солнечном свете можно было видеть сквозь его волосы. Казалось, их совсем не осталось – лишь легкое облачко, прилипшее к голове, сквозь которое просвечивала кожа. Лавиния не знала ни одного из стариков и очень испугалась, что очутилась в месте, где никому не известно, ни кто она, ни где живет. Та, кто совершенно определенно была женщиной, посмотрела на нее. Лавиния решила, что сейчас незнакомка ей что-то скажет, и, взмахнув руками, прибавила ходу, точно не видя никого перед собой. Пять минут спустя они с доктором Марио бодро и храбро дошагали до конца дороги – и очутились у оживленной автострады. Лавиния была почти уверена, что здесь предполагается повернуть налево и спуститься с холма, а потом дойти до Брумхилла. Но дорога сначала ныряла, а потом поднималась вновь. Она запуталась и обернулась к доктору Марио, чтобы спросить, что он думает по этому поводу. Но его не было. Он исчез. И тогда Лавиния ощутила: она играла в игру, глупую игру, все это выдуманно, и доктор Марио тоже, и он не поможет от запаха бензина, ослепляющего блеска металла и нелюбопытных равнодушных глаз пассажиров проезжавших мимо машин. Она совершила чудовищную ошибку.

И тут вдруг появилась мама – поравнялась с ней, точно тоже собиралась переходить дорогу. Посмотрела направо, потом налево, потом опять направо – как учили маленьких пешеходов в детской передаче Зеленого Креста, и потом с необычайно удивленным видом воскликнула: «Лавиния! Как я рада тебя видеть! Я тут подумала: неплохо бы в такой чудесный день выпить чашку чаю или бокал лимонада с мякотью. И, мне кажется, я знаю, с кем это лучше

всего сделать, – она живет совсем недалеко и будет рада нас видеть. Это Паулина. Хочешь, сходим к ней и выпьем чаю или сока?»

Паулина была учительницей музыки – преподавала игру на фортепиано (говорили, что когда Лавиния чуть подрастет, то, может, пойдет у нее учиться), а еще на флейте и блокфлейте. Ее муж, музыкант, некогда играл на скрипке в знаменитом манчестерском оркестре Халле, но потом у него начались проблемы с нервами. Теперь он играл в квартете Эдварда Карпентера и тоже преподавал музыку, но более старшим и способным детям. Жили они в необыкновенном доме: повсюду лежали музыкальные инструменты, на которых разрешалось пробовать играть, целых два пианино, а на стенах висели удивительные картины, и, смотря на них, ты вдруг обнаруживал, что сочиняешь историю; но самое замечательное – у них имелась бумага с автографом Бетховена. В особенной рамке. Чтобы понять, насколько важна эта вещь, надо было знать, кто такой Бетховен. Паулина страшно обрадовалась Лавинии и сделала ей лимонад ровно с таким количеством мякоти, с каким, казалось, не умел делать ни один взрослый и какое Лавиния особенно любила: ровно четверть стакана. Если бы это увидел папа, он непременно спросил бы что-нибудь в духе: «А в твоём соке вообще есть вода?» Паулина попросила ее сказать, когда хватит, и перестала накладывать мякоть только тогда, когда услышала: «Хватит». Воду она наливала из специальной бутылки, стоявшей на пианино, – из серого фарфора, украшенной лицом шаловливого гнома: глаза навывкате и нос в бородавках. Лавиния совершенно забыла, что не любит незнакомых людей, – да и какая же Паулина незнакомая? А потом она разрешила Лавинии попробовать сыграть на флейте. Надо было дуть в нее – как дуешь в бутылку из-под молока. Было трудно, и сначала у нее вообще не получалось издать ни малейшего звука – и вдруг он полился, точно заиграла та самая флейта на записи. «Ну вот видишь?» – сказала мама.

Очень скоро настала пора возвращаться домой, и Лавиния взяла маму за руку. Всю дорогу наверх она рассказывала о своем приключении. Мама смеялась, а один раз подняла Лавинию и расцеловала – мама так хорошо пахла, всегда была так чисто одета, а руки ее были теплыми и сухими. И, прямо перед тем как вернуться в дом, перед тем как Блоссом и Лео, державший маленького Хью на согнутой руке, встали с лужайки под вишней, она наклонилась и задала вопрос, которого Лавиния уже не забудет: «Ты ведь запомнишь этот день на всю жизнь, да?» Так и случилось. Она всегда это знала. На дворе стоял 1968 или 1969 год, в этот день она поняла, что доктор Марио ушел, зато мама всегда будет с ней.

Глава третья

1

Дом тети Блоссом был как мультяшный дворец. Ожившая, наскоро нарисованная иллюстрация, какие Джош видел только в папиных газетах. Озеро с лебедями, запертый шкаф с оружием, которое никому не разрешалось трогать, и комнаты с названиями из книг. Однажды он забыл об этом и сказал в классе, что у тети Блоссом в утренней столовой ¹⁵ у камина сидит фарфоровый мопс. На него уставились полкласса и даже учительница (мисс Хартли), а кое-кто и посмеялся над ним. Потом его друг Эндрю спросил: «А почему только утренняя? Что, днем и вечером они едят где-то еще?» И тогда Джош окончательно уверился, что для себя приравнял дом тети Блоссом к тем, о каких читал в книжках: Незерфильд, мыза Скворцов, дом Жаба и Бладли Корт ¹⁶. Чистенький кирпичный фасад над посыпанной гравием круглой площадкой, подъездная дорожка, обсаженная азалиями, открытая галерея над прудом и сбегаящая к ней лужайка. Тетя Блоссом, должно быть, очень старалась поддерживать эту картину, и у нее почти получалось, но Джошу все равно что-то казалось неубедительным. С высоко поднятой головой, расправив плечи, она все равно смахивала на актрису, занятую в роли полгода и решившую играть ее ежедневно до десяти вечера. Разве это так уж нечестно? Она была самой маленькой в семье, меньше папы, даже Томас сейчас почти с нее ростом. Ей требовалось ощущать собственную значимость.

Однако дом существовал на самом деле. С лесом неподалеку, за которым укрывались деревенские домики, с выбеленным до чистоты камнем; свисающими кое-где ключьями обоями, которых никто не замечал или не заморачивался на их счет; диваны с прорехами в зеленом шелке обивки, откуда заманчиво торчал конский волос; все это из реальности переключивало в фантазии Джоша, и постепенно, проговаривая, он порой убеждал себя, что ему там нравится, – особенно спустя долгое время после того, как они уезжали и Джош безмолвно кричал на заднем сиденье автомобиля. В доме тети Блоссом, помимо утренней столовой, была гостиная, библиотека, столовая, как в доме у бабушки (а еще у бабушки была оранжерея, которой не было у тети). Но столовая в бабушкином доме совсем не походила на мультяшную столовую тети Блоссом: она сама и дядя Стивен сидят с обоих концов длинного полированного стола, посередине кузены Джоша практикуются в японском с няней-японкой и выбирают кости из копченой трески, поданной на завтрак, двумя вилками. Посередине же располагались и Джош с мамой, скромно ограничиваясь шоколадными подушечками с магазинным клубничным джемом. Кузены всегда сообщали ему, что, кроме них с мамой, никто не ест ни джема, ни подушечек, и они ждут-пылятся на полках в кладовой. Еще одно словечко: «кладовая».

Кормили у тети Блоссом хорошо, но иногда еда казалась жутковатой: дичь, кровь, кости, кишки – а порой и смотрившие на тебя глаза. Джошу не верилось, что кому-то может прийти по вкусу обед, после которого надо выковыривать из зубов дробины или вытирать кровь с губ. Они ели это потому, что считали: так надо. Пугающим мог быть даже завтрак. Кузены управились с копченой треской и кеджери (что-то вроде ризотто с рыбой, но более мерзко) и накладывали в розетки домашнее варенье из стеклянной вазочки стеклянной же ложечкой. Няня-японка ела нечто собственноручно приготовленное: белое, пюреобразное, похожее на

---

¹⁵ Букв. «утренняя комната» – маленькая столовая, примыкающая к кухне в английских особняках.

¹⁶ Дом семейства Бингли из романа «Гордость и предубеждение» Джейн Остин; дом, снимаемый автором-рассказчиком в романе «Грозовой перевал» Эмили Бронте; Жаб – персонаж детской книги «Ветер в ивах» Кеннета Грэма, Бладли Корт – поместье из произведений Пелама Гренвилла Вудхауса.

детское питание; другой рукой она кормила тостом малышку Тревор, суя кусочки ей в рот между приступами детских чиханья и кашля. Двое старших – Тамара, его ровесница, и Треско, которому было уже четырнадцать, на два года больше, чем Джошу, он уже мог иметь собственное ружье, говорили друг с другом по-японски. Правда, няня обращала на них мало внимания. Они орали и твякали друг на друга над столовым серебром; Джош был почти уверен, что и по-японски они не раз оскорбили и его, и его мать. За странными «но-го-хо-ро-то» их тайного языка Джошу отчетливо слышались щебечущие, зевающие интонации, с какими брат и сестра говорили обычно; на то, как разговаривала няня, это совсем не походило. Еще один двоюродный брат, Томас, смотрел на него так, точно с трудом понимал, что Джош тут делает. Это над ним они, по их собственному выражению, «подшучивали», когда Джоша не было. Над тем, что Томас любит сладкое, как босяк, и тем, что ему не дается японский, – да и чего (по словам Тамары) ждать от семилетки. Маленькая Тревор сидела с перемазанным тостом с отрешенным взглядом на личике, перемазанном мармеладом, ждала добавки и думала о своем. Джош был убежден, что скоро Тревор будет похуже, чем все остальные.

– Похоже, погода сегодня ожидается отличная, – сказал дядя Стивен. – У кого какие планы?

Джош в отчаянии посмотрел на маму. Ложка с подушечками в ее руке замерла; она едва заметно покачала головой. Ей не хотелось, чтобы он открывал рот. Джош подумал о книге, которую начал читать вчера (сильный дождь не пустил его гулять): он думал о Бевисе¹⁷, о том, как он бегал делать запруды в ручье, чтобы ловить лягушек и форель голыми руками. Каким чудесным был «Бевис»! Как ему хотелось остаться дома, устроиться в тихом уголке и почитать о его приключениях, а кузены пусть себе рыщут на улице и ловят форель по-настоящему. За пределами усадьбы были Трущобы – и мерзкие деревенские дети, которые пинали камни и давили лягушек. И от этого становилось еще жутче.

– Хочу, чтобы вы, дети, мне на глаза не показывались до самого обеда, – сказал он. – Особенно это касается тебя, Джошуа.

– Джош не любит «грязь», – сказала Тамара, вспоминая его слова, сказанные давным-давно, когда он не захотел садиться на землю на заливном лугу по ее требованию. – Он ее не выносит. Думает, она ужасна. И *никуда* сегодня не пойдет.

– Ерунда, – сказал дядя Стивен. Опустил газету и посмотрел поверх очков на Тамару по другую сторону стола. Говорил он, однако же, с Джошем. – День сегодня прекрасный.

– Хо-то-го-со-мо-то Джош, – сказал Треско.

– То-го-ро-мо-со Джош пойдет, – подхватила Тамара. Няня-японка воздела очи горе и покачала головой, разочарованно присвистнув. – Там будет слегка грязновато, думаю. Но я ни разу не слышала, чтобы от этого умирали.

– Джош *хочет* гулять, – проворковала тетя Блоссом. Она с добродушным вниманием наблюдала за происходящим, ласково улыбалась – и понимала все неправильно. – Думаешь, в Брайтоне нет свежего воздуха? Да Джош о нем побольше твоего знает – он же живет на Ла-Манше.

– Пойдем в лес, – сказал Треско. – Можно взять ружье, пап?

– Конечно, нет, – ответил дядя Стивен. – Найдешь себе другие развлечения.

– Какой милый способ провести утро, – сказала мама. – Просто болтаться в лесу. Не могу представить ничего веселее. Вы непременно найдете там что-нибудь весьма захватывающее.

Дядя Стивен, опустив свою «Дейли телеграф», сказал:

– Весьма... захватывающее? Вот это ты, Кэтрин, даешь. Мощно. Очень по-брайтонски. Звучит как... как...

– О, вы знаете, что я хотела сказать!

¹⁷ Герой книги английского писателя XIX века Ричарда Джеффриса «Бевис. История мальчика».

Мама всегда так говорила, когда понимала, что не права. Но Джош не видел, в чем именно она не права. Ничего лучшего нельзя было сказать о том, что случится, когда они попадут во мрак лесной чащи с багряным отсветом на кончиках деревьев; в мир, простирающийся за лугом, за низенькой живой изгородью, дикий мир, который дядя Стивен купил пару лет назад и никак не может решить, что с ним делать. Джошу захотелось обратно в Брайтон, где можно говорить «весьма захватывающее» столько раз, сколько захочешь.

2

– Есть новости из Шеффилда? – спросил Стивен, откладывая газету со вздохом и шорохом бумаги.

– Никаких, – ответила Блоссом. – Говорила с папой вчера вечером, спросила, как мама, а он сказал: «О, прекрасно, прекрасно!» – и тут же начал рассказывать длинную историю про соседей. Я так и не поняла, стоит нам приезжать или нет.

– Прошу тебя, не надо ехать туда без крайней необходимости, – сказал Стивен.

– Я люблю бабушку и дедушку, – сказала Тамара. – И прекрасный южный Йоркшир, и больше всего – Шеффилд.

– Замолчи, мерзкая маленькая снобка! – взвилась Блоссом. – Это уже совсем ни в какие ворота.

– А что за новые соседи? – поинтересовалась Кэтрин.

– Папа о них то и дело рассказывает, – сказала Блоссом. – У них был какой-то праздник, и, вот ужас-то, кто-то чуть не умер, но обошлось.

В этом доме в Девоншире они жили вот уже семь лет. Сколотил в Сити небольшое состояние, рассказывал всем Стивен, вот и вложил: всегда мечтал прикупить домик в деревне и вести, как он выражался, растительную жизнь. А где рос сам Стивен? На окраинах, в захудалом городишке в одном из ближайших к столице графств, в Бедфордшире – и объяснения, и формулировки рознились. Блоссом знала, где он рос на самом деле. В аккуратном домике с подъездной дорожкой в виде половинки подковы и красными остроконечными коньками крыши; первое, что бросалось в глаза в спальне на втором этаже, – прикроватный столик его матери, голубой с позолотой. Симпатичный домик, и родители Стивена радостно жили в нем еще тогда, когда Блоссом вышла за их сына. Теперь же они обитали в белом квадратном особняке времен Регентства по дороге, вымощенной коричневым – цвета цыплят в эджбастонском соусе – камнем, ведущей к морю. Этот дом им купил Стивен, и они занимали три комнаты из тринадцати. Все меньше и меньше оставалось тех, кто знал, что хозяин особняка вырос вовсе не здесь.

Дом появился семь лет назад. Идеальное имя для поместья – Элском-хаус, Элском, Девоншир: помещик, крестьяне у ворот, ежегодный праздник в саду, хозяин, выбирающийся из дома в сочельник, чтобы символически возглавить церковный хор. Но, так или иначе, рассылать приглашения на праздник было пока рановато. Выяснилось, что они совершали большую ошибку, не посещая церковь и деревенский «Ягненок и штандарт»: как найти помощников, так и уволить уже найденных оказалось непросто. Детские превратились в заброшенные зоны стихийных бедствий. Скоро Блоссом придется привозить строителей и продукты из Лондона, и плевать, что подумают те, за воротами усадьбы.

Угодья были идеальны на всем протяжении: дикие и величественные. Но небольшие. Поколение назад основная их часть была распродана и застроена. Генерал-майор и его сестра Лаладж продали куда больше, в конце концов решив, что пускай уж этот мошенник из Сити покупает все. Теперь Элском-хаус отгородился стеной из желтого кирпича от новенького жил-массива, населенного пенсионерами и молодыми семьями. Единственное, что Стивен смог с этим сделать, – выкупить шесть гектаров поросшей лесом земли, которая была продана ранее, но еще не застроена. Прямо за новенькой низкой стеной, скорее разделявшей, чем защищав-

шей угоды, располагалась площадка для отдыха. Лес слыл прибежищем деревенских ребятишек с их подозрительными играми и прочими предосудительными развлечениями; теперь же он перешел в собственность четырех детей из большого дома. В знак этого возвели стену, перелезть через которую, правда, мог кто угодно. Только самые послушные и трусливые из деревенских ребятишек перестали ходить в лес (старшие предпочитали наименование «буковая роща Бастейбла», по имени давно почившего лесника). Передача собственности – дело небыстрое. У старших детей и Стивена были ружья. Это считалось неотъемлемой частью жизни в поместье. Но угоды так долго вычищались, урезались, разделялись на участки и застраивались, что пострелять можно было лишь в паре мест – которые располагались не там, где деревня Элском, и вообще далеко от самой усадьбы. В сезон она была доступна для посещения три дня в неделю; не больше. Блоссом считала, что лепнина в стиле шинуазри в длинной галерее привлекала всяких любителей подобных штук.

– Норман сказал, что в лесу поселились гадюки, – как бы невзначай сказала Блоссом. (Норманом звали нового садовника.) – Так что будьте в кои-то веки раз осторожны. И не собирайте их в баночку.

– Полно маленьких жабок, – добавил Стивен. – Их и ловите. Подружитесь с ними, и поймете, сколько у них с вами общего. Кэтрин, тебе завтра уезжать?

– Я собиралась отвезти Джоша Лео, – ответила она. – Но он в Шеффилде.

– Я бы поехал сразу по М двадцать пять, – посоветовал Стивен. – Когда-то ехать через Лондон было сущим адом, половина времени уходит, чтобы добраться до Криклвуда. Просто доезжаешь по М двадцать пять до Большой Западной дороги, и ты почти у цели, зуб даю. Бристольское шоссе, потом Лондонская объездная, потом шоссе до Лидса и на север, хоп – и ты на месте.

– Кэтрин не собирается в Шеффилд, милый, – сказала Блоссом. – Тебя никто не просит быть ходячим атласом автомобильных дорог. Мы говорим про...

– Понял, понял... – Чтобы развлечь детей, Стивен скорчил мину, как ребенок, которого отчитали. – Бедолагу Лео, моего злосчастного братца.

– Будет неплохо, – сказала Кэтрин. – Я не прочь прокатиться.

– Пожалуйста, можно мы уже пойдем?! – взмолилась Тамара. – Джош тоже доел свои хлопья, так что можно ему с нами?

– Конечно, идите, – ответил Стивен. – Не хочу видеть никого из вас до обеда. Бог мой, – сказал он, – ведь Англия – безопасное место. Да с тех пор, как в Англии появились мальчишки, начались вылазки в лес, проказы. Целое утро на то, чтобы извозиться в грязи, а они торчат дома. Послушай, Кэтрин, не думаю, что в этом плане что-то изменилось с семнадцатого века. Дети по-прежнему будут бегать и стрелять, ставить силки, играть в прятки и драться в грязи. Я так делал, мои дети так делали, и дети моих детей займутся тем же, в этом же доме, на этой земле. Все будет по-прежнему.

На подернутые пурпурной дымкой холмы километрах в сорока отсюда набегала автострада; пастбища были сданы в аренду; небольшая сыроварня и несколько мастерских у реки давно стояли полупустыми, и на проселочной дороге вас неизменно встречало объявление об их продаже или сдаче внаем. В утренней столовой мужчина разглагольствовал о том, что значит быть англичанином. Он продолжал говорить, гарцуя по комнате, как скаковая лошадь, и позвякивая мелочью в кармане, а за его спиной один за другим поднимались из-за стола и расходились дети; потом ушла их мать, потом Кэтрин, и наконец встала и вышла няня-японка. Стивен продолжал вещать, хотя понимал, что комната уже пуста. Это его не волновало. Вскоре он перестал позвякивать и, довольный собой, замер. Вот-вот откроются нью-йоркские рынки.

3

Так было со времен их с Лео свадьбы. Блоссом, сестра Лео, с самого начала позволяла себе скептические замечания по поводу всего, что намеревалась сделать Кэтрин, – будь то двухъярусный свадебный торт вместо трехъярусного, отсутствие медового месяца, работа секретарем в муниципалитете или же в частной библиотеке на Сент-Джеймс-сквер. Молодые супруги твердо решили скрывать от Блоссом беременность Кэтрин как можно дольше, но это означало держать в неведении и все остальное семейство, особенно мать Лео. Так что на пятом месяце все же пришлось рассказать. Известие было встречено потоком советов – улыбка, покачивание головой, указание на собственный удачный опыт, – и поток этот не иссяк до сих пор. Единственным поступком Кэтрин, по поводу которого советов не было, стал ее развод. Когда она сообщила Блоссом новость, по ту сторону телефонного провода воцарилось удовлетворенное молчание, а потом раздались радостные возгласы утешения: гипотеза, которую Блоссом высказала с месяц назад, подтвердилась. Конечно, они – большие подруги, но приехала Кэтрин сюда главным образом из-за Джоша: его брайтонские друзья были робкими книжными тихонями, и мать не сомневалась, что общество кузенов пойдет ему на пользу. Третий уик-энд в доме дядюшки Стивена. Кэтрин очень надеялась, что сын не станет брать в руки гадюку. Кажется, они слегка ядовиты.

Она чувствовала, что в доме золовки вечно оказывается «в промежутках». Так было всякий раз – с самого ее развода и странного, такого настойчивого, приглашения Блоссом, первого из пяти, не «просто приезжай», а в конкретную дату, «и маленького с собой возьми», Кэтрин оказывалась в неопределенном положении. Была ли она гостем, которого Блоссом и Стивен очень ждали, считали отличной компанией и хотели видеть у себя дома? Или мотивы были куда более нечистоплотными и не озвучиваемыми даже ими самими? В какой-то момент Кэтрин почти решилась позвонить Лео и обсудить это с ним по телефону или в один из печальных моментов, когда она привозила ему сына или забирала его. Однако ей пришло в голову, что эти приглашения делаются для того, чтобы рассказать; просто вскользь упомянуть в разговоре с Лео: «Кстати, мы тут пригласили твою бывшую с маленьким. Знаешь, они такие славные». Удовольствие от причинения Лео боли, от того, чтобы выставить его неудачником, с легкостью перевешивало все неудобства, связанные с кратковременным обитанием Кэтрин и Джоша в их доме. В не столь отдаленном уже будущем приживалов наверняка выставит из Элском-хауса муж ее прежней золовки, и прежние племянники и племянницы, сжимая ружья и похохатывая, будут наблюдать, как прежние родственники ковыляют с чемоданами по посыпанной гравием дорожке.

Завтрак кончился, и детей отправили восвояси. Они пошли наверх, бросил Треско через плечо, одеваться, чтобы пойти на природу; няня-японка, неся уже довольно крупного младенца Тревор (девочку), с пыхтением последовала за ними по лестнице в детскую. Кэтрин стояла внизу деревянной лестницы, держась за украшенную мордами геральдических зверей балясину, поддерживающую перила. Кажется, она прожила здесь уже слишком долго – вот, задумалась: не сочтет ли Блоссом слово «балясина» просторечным? В течение дня запрещалось заходить в спальню – исключение составляла необходимость переодеться или, скажем, тайком глотнуть водки из припасенной бутылки; в любом случае сидеть там было негде, разве что на жестком плетеном стуле. Она могла бы почитать книгу, но уже дочитала. В доме совсем не оказалось книг, кроме обязательного детского чтения и корешков запретных фолиантов, обтянутых кожей, из библиотеки, купленной Стивеном вместе с домом. Что люди, подобные ей, читали в таких домах? Им там попросту не место. Стоя у лестницы, она придумывала предлог для вылазки в деревню. Паб еще не открылся.

– Мне надо написать несколько скучных писем, – сказала Блоссом, проследив, как девушка-горничная убирает со стола, и проследовав за ней в общую столовую, распекая на ходу. – Приятного мало. Пойдем в утреннюю столовую, посидишь со мной, поболтаем. Стивен весь день проторчит в кабинете, дирижируя инвестициями, как обычно.

Не дожидаясь ответа, Блоссом прошествовала за домработницей в старую кухню через обитую сукном дверь. Нужно было распорядиться об обеде, раздать поручения, кое-что сделать. Кэтрин попыталась припомнить, которая из комнат – утренняя столовая. Маленькая комната в желтых тонах в задней части дома, с уродливым фарфоровым мопсом.

С первого этажа донесся шум, и вниз по двойному пролету под витражным окном по эскизу Бёрн-Джонса прогрохотали дети. Двое средних, Тамара и Томас, шли первыми. Выглядели они престранно. Тамара – в белом кружевном бальном платье до пят, какие надевают к первому причастию в католических странах. В волосах ее красовались розовые ленты. Ее брат Томас тоже нарядился: голубые бархатные бриджи и пенно-белая сорочка в тон ослепительно-белым чулкам. Также на нем красовался неумело повязанный розовый галстук-бабочка. На Треско и Джоше, которые шли следом – один уверенно, второй пристыженно, – было надето то же самое, в чем они спускались к завтраку.

– Куда-то собираетесь? – спросила Кэтрин.

– Маме не говорите, – попросила Тамара. – Спасибо, тетя Кэтрин!

– Мы идем в Трущобы, – заявил Треско. – Дразнить нищелюбов.

– Ясно, – сказала Кэтрин. – Постарайтесь в них не стрелять. Тамара, ты вряд ли произведешь фурор, если будешь шастать по лесу в этом платье.

– Есть такая штука – прачечная! – отрезала та. – Бедняжка Томас. Он ненавидит свои «фаунтлеройчики». Терпеть не может.

– Меня заставили! – Лицо Томаса скривилось от ярости, когда он проходил мимо тетки своим обычным путем – через гостиную и стеклянную дверь.

Джош поравнялся с матерью, и она потрепала его по голове. В выражении лица ее сына смешались стыд, страх и таинственность. В следующий раз надо будет таки изобрести благовидный предлог, чтобы отказаться от приглашения.

– Как приятно наблюдать, что они поладили, – сказала Блоссом, вернувшись из покоев прислуги. – Никогда не знаешь, как будут вести себя дети и найдут ли общий язык друг с другом. Своих я всегда учу: не годится быть чересчур разборчивым в еде: дескать, это я люблю, а это нет. Точно так же нехорошо говорить, что с этими людьми тебе нравится, а с теми – нет.

– Ну, не знаю... – Кэтрин поплелась за Блоссом в утреннюю комнату. – По-моему, вполне можно любить одних, а других – не особенно?

– Взрослым можно, – уточнила Блоссом. – Доброе утро, миссис Бейтс. Как поживаете? Если ты взрослый, имеешь полное право любить или не любить людей, еду и все остальное. Признаюсь тебе кое в чем: я терпеть не могу сушеный кокос. Просто ненавижу. Но не помню, чтобы, когда я была ребенком, мне позволялось говорить, что я не стану есть то или это. С людьми то же самое. Научись ладить со всеми – и мир будет куда более приятным местом. Вот мой девиз.

– Из Лео клещами не вытянешь, что он любит, что нет, чего не станет есть, с кем на работе ладит, а кого с трудом выносит.

– Ну, вот видишь, – совершенно нелогично заметила золовка.

Она частенько напыщенно-туманно вспоминала о своем прошлом. Казалось, Блоссом изобрела воображаемый мир с поместьем, пони и дедушками-бабушками, обладавшими викторианскими принципами. Она словно забывала, что Кэтрин была замужем за ее братом и прекрасно знает, что представляет собой реальность: врач в провинциальном Шеффилде и его вечно жалеющая себя мягкосердечная супруга с привычкой всплескивать руками во время разговора.

– Мы так любим Джоша, он такой славный мальчик. И такой честный. Как у него дела в школе?

Она плюхнулась за письменный стол. Каких только безделушек на нем не было: набор миниатюрных свернутых флагов, миниатюрная же мраморная статуэтка Будды, несколько японских фарфоровых блюд – корпоративные подарки, которые поселились здесь. Те, что получше, содержались в кабинете Стивена. Кэтрин отодвинула кресло, чтобы солнце не светило в лицо. Блоссом уселась так, что сцена стала походить на собеседование.

– Ему нравится, – сказала Кэтрин. – Кажется, у него все в порядке. Чудесная атмосфера – прямо ощущаешь дружелюбие. Настоящее чувство поддержки во всем, того, что с тобой считаются.

– Это же Брайтон, – заметила Блоссом. – Могу представить. Звучит потрясающе. Знаю такие школы – сначала заботятся, как ты себя чувствуешь, следят, чтобы не было отстающих... Право, не знаю...

– Да, мы учились не в таких...

– И Треско не в такой. Честно говоря, школа у него замечательная. Там даже можно учить мандаринский диалект! Ты когда-нибудь думала, чем займется Джош, когда вырастет? Конечно, мои дети бывают сущими поросятами, но они постоянно соревнуются: кто лучше знает японский, кто быстрее бегает, кто выживет день в лесу без еды и воды. У Джоша в школе есть день спорта?

– Вроде есть. Называется «праздник лета». Соревнования... Ну, в прошлом году точно были. Но устроены так, чтобы все могли так или иначе победить. Был даже приз за самую счастливую улыбку года.

Блоссом опустила голову. И издала звук – нечто среднее между кашлем и подавленным презрительным фырканьем. На какое-то время она сосредоточилась на бумагах, которыми был завален стол, – в основном письмами. Она разворошила стопку, сложила ее обратно, вынула одно из них и снова сложила. Посмотрела на Кэтрин и улыбнулась храброй и тусклой улыбкой: мол, опять одно и то же.

– Ну да, надо было сделать это еще вчера. Но у меня не шел из головы этот огород; так ничего и не надумала.

– Огород? – переспросила Кэтрин.

Вокруг неприглядного заднего двора было соток двадцать, некогда засаженных овощами. Но это дело забросили еще задолго до того, как Стивен купил этот дом. Генерал-майор и его сестра-близнец Лаладж, две белые мышки, отпрыски выродившейся дворянской фамилии, сохранили огород, который в лучшие свои годы, пришедшиеся на эпоху Эдуарда, обеспечивал семью из семерых человек плюс небольшую армию слуг, вилланов и наемных батраков спаржей, бобовыми, картофелем как восковых салатных, так и рассыпчатых, пригодных для пюре, сортов. Помидоры, репа, пушистые хвостики морковной ботвы, огурцов и салата латук. Некогда к осыпающейся длинной стене крепились ветви, усыпанные нежными ягодами белой, черной и красной смородины; стена же служила подпоркой абрикосовому дереву. Были здесь и добрые соток двадцать витамина С – яблонь, груш и слив и оранжерей с виноградом. К тому времени, когда генерал-майор (как он, с блестящими любопытными глазками и манерными, почти женственными, усиками вообще мог кем-то командовать?) и его сестрица-мышка окончательно сдались, от бывшего великолепия мало что осталось. Очертания садика сохранились, но все, что смогли сделать генерал-майор и Лаладж, – очистить пару грядок и посадить несколько печальных корнеплодов, кустиков томата и салат латук. Остальное представляло собой многочисленные усики и побеги. Буйно цветущая нестриженная и не защищенная растительность заплела и обвила все, до чего только могла дотянуться; лозы распирала стены оранжереи; некоторые стекла были выбиты. Стивен велел предшественнику Нормана (за семь садовников до) навести порядок, но тот половину осени лишь усердно выгребал все подряд.

Уцелело абрикосовое дерево, посаженное на шпалеры вдоль стены; его ветви распростерлись над опустевшей территорией. Клумбы у парадного подъезда являли собою предмет куда более насущных забот Нормана и его семерых предшественников: они поглощали практически все их рабочее время. «В самом деле, – приучилась говорить Блоссом, – нам бы не одного садовника, а трех-четырех. Иначе вообще ничего сделано не будет. И этот огород... Мне бы страшно хотелось пустить его в дело. Но как, ума не приложу».

– Ну, использовать по назначению и посадить овощи, – предположила Кэтрин. – Я всегда любовалась ухоженными участками. А еще можете посадить там экзотические растения. Оливковую рошу, например. Будете делать английское оливковое масло.

– Дети превратили его в жутенькое кладбище домашних животных. Я нашла целый ряд крестов возле могилы Моффета – оказалось, это Томасовы песчанки и какие-то дохлые птицы, найденные в лесу и посмертно крещенные ради похоронной церемонии. Страшно подумать, что случилось с этими песчанками. Оливы здесь расти не станут. Точнее, деревья-то да, а плоды не вызреют. Может, розарий?

– Столько возни! – сказала Кэтрин.

Когда они только переехали в дом в Брайтоне, ее посетила блестящая мысль посадить желтые розы вдоль одной из стен. Подрезка, формирование кроны, полчища хищных вредителей, которых требовалось отгонять из баллончиков и пузырьков, и подкормка отнимали уйму сил. Теперь там рос жасмин – и никто не умер.

– Может, ты и права... Послушай, хотя мои дети и растут маленькими дикарями, но у них есть уверенность в себе. А за Джоша я волнуюсь.

– За Джоша? – удивилась Кэтрин.

– Он очень милый и славный, но он... как бы сказать... – другой. Скромный. Не лезет вперед, а плывет по течению. Ему так идут на пользу общество этих бандитов и беготня по лесу – не все же сидеть в углу с книжкой. Я думаю...

Блоссом отложила ручку и посмотрела на Кэтрин тщательно отрететированным честным, открытым взглядом. Той уже доводилось испытывать на себе действие этого взгляда: именно так Блоссом смотрела, когда спрашивала, все ли у них с ее братом в порядке; хочет ли она приехать и пожить у них в загородном доме; знает ли Джош (все это время с Кэтрин не сводили глаз и давили в зародыше любую попытку укрыться), кто мог пролить чернила на турецкий ковер в гостиной? Этот взгляд жил собственной жизнью. Кэтрин старалась смотреть на фарфорового, в натуральную величину, мопса, сидевшего у камина и нахально, испытующе обзирававшего мир.

– Вернее, мы со Стивеном думаем, что могли бы сделать для Джоша еще кое-что.

– Вы и так много делаете для Джоша, – ответила Кэтрин. – И для меня тоже.

– Дай объяснить... – сказала Блоссом, закрывая колпачком свою ручку «Монблан».

Два года назад Стивен подарил ей эту ручку на Рождество – купил в универмаге «Хэрсродс» за четырехзначную сумму. На кончике красовался бриллиант. Скоро она превратится в «ту самую ручку, которой она написала свои очерки, наследство безымянной двоюродной бабки-аристократки; именно таким пером хозяйки Элском-хауса ежедневно писали благодарственные письма и поручения в утренней столовой перед обедом». Теперь Блоссом отложила ее. Устроила руки на коленях. И принялась объяснять.

4

– Мы не будем стрелять в нищобродов, – сказал Треско. – Мы обещали тете Кэтрин – твоей мамочке, Джош.

Они прошли гуськом по лужайке перед домом: Треско впереди, за ним Тамара, приподнимая подол бального платья. На ней были «мартенсы», но ступала она изящно, точно

под звуки воображаемого менуэта. Третьим – безутешный в своих «фаунтлеройчиках» Томас, затем Джош. Никто не уговаривал его переодеться; его не заставили, как Томаса, облачиться в белоснежную рубашку и бархатные штаны. Но он чувал, что за этим кроется не доброта, а что-то зловещее. Они направлялись к лесу, где всегда и происходило самое худшее. Однажды Тамара пригвоздила полевую мышь к стволу промышленным степлером, да так и оставила ее свисать с дерева: это, сказала она, в назидание нищebroдам, если они вздумают лезть на нашу территорию. Прошлым летом дед, отец Стивена, подарил им рогатки; они взяли их в лес и привязали Джоша к дереву. И сообщили, что собираются играть в «ковбоев и индейцев». Джош ни разу не слышал, чтобы в эту игру играли где-нибудь вне книжек, и понял, что случится что-то ужасное. Полчаса они стреляли в лицо Джоша желудями, в тишине, прерываемой лишь компетентными инструкциями Треско. Казалось, этому не будет конца. Потом, точно по условленному сигналу, Тамара отвязала кузена, грубо стерла с его лица грязь, листья и слезы и сообщила, что он блестяще прошел посвящение. Но на Джоша это впечатления не произвело. Они придумывали все новые и новые церемонии посвящения и охотно рассказывали о них кому угодно, кроме самого бедного кузена. Иногда его принуждали сесть на корточки перед ямой и опорожниться туда, чтобы что-то там доказать. Он не знал, зачем Тамара и Томас нарядились как на праздник, чтобы идти в лес, и что там должно произойти.

Треско заметил, что никого поблизости нет. Лес так недавно перестал принадлежать деревне – то есть «нищebroдам», повторил про себя Джош, – что сохранил старое имя: «буковая роща Бастейбла», почти «Бакстейбла», как у детишек из «Искателей соковок» Эдит Несбит. Но об этом сходстве он умолчал. И они начали «хорошо проводить время». Побежали за Треско к маленькой ложине и тыкали палками в нору, в которой, по их догадкам, мог расти барсучат барсук. Ходили к грязной колее, где все еще была лужа глубиной сантиметров пятнадцать, и по очереди прыгали туда с возвышения; платье Тамары развевалось на ветру, а его подол довольно скоро забрызгался. Искали гадюк, пробивая подлесок, точно тараном, головой Томаса. Мочились у старого дуба: Тамара – едва не делая «мостик» и все равно попадая больше себе на юбки, чем на землю. Подначивали друг друга съесть поганку, оставшуюся еще с прошлой зимы, и швыряли камни в старую хижину с осыпающейся крышей. Умудрились расколотить стекло в одном из уцелевших окон.

Это и значит «хорошо проводить время», убеждал себя Джош. Они не видели диких зверей, его не заставили ничего есть и никуда не привязали. На лицах Треско и Тамары, точно на личиках юных пьяниц, успевших принять на грудь, застыло ангельское спокойствие. День мог считаться хорошим даже для Джоша. Они не ходили к Яме на дальнем краю леса, как пару дней назад, когда Тамара и Треско облегчились у ее кромки, присев на корточки. На дне лежало что-то темное и непонятное: мусор, экскременты и столькодохлых животных, сколько они смогли найти. Трупы сбрасывались именно туда, хотя церемония похорон – торжественный ритуал, «как у взрослых», – проходила с пустыми коробками вместо гробов в огороде, с одобрения старших, наблюдающих за детьми из окон. Ямы Джош боялся больше всего на свете, но сегодня, в конце концов, был такой чудесный день, не похожий на недавние, не особенно хорошие: они даже близко к ней не подбирались.

Жилой массив вплотную прилегал к кромке леса, за выстроенной дядей Стивеном стеной располагалось унылое пространство асфальта и пожухлой травы. Это и были Трущобы. Только недавно он понял, что новенькие дома звались Трущобами потому, что в них жили Нищebroды. А то, что вокруг, называлось Зоной отдыха. Знаете, «Галерея отдыха и развлечений». Надпись на двери мрачных приморских заведений, внутри которых царят невыносимый треск и адский звон, где старики с остекленевшими глазами суют монетки в мигающие автоматы, нажимают на кнопки и дергают за рычаги; это что угодно, но не отдых. Долг, убежище, отсыревшие ковры и жухлая трава. Ему самому хотелось оставаться на этой стороне стены, в лесу, купленном дядюшкой Стивеном, который лишил его имени.

Что-то с силой шлепнуло его по голове. Холодный и влажный кусок земли с травой.

– Идиот, – сказала Тамара. Ее лицо залилось краской от возбуждения, глаза горели. – Неописуемый кретин! Стоишь тут и пялишься в пространство. Стишок, небось, сочинишь про журчание ручейка и лесных сильфид.

– В этом гребаном лесу их до фи́га, сильфид этих. – Томас с гадливым, еле сдерживаемым остервенением одергивал свой прикид.

– Было, пока Треско не перефигачил их из ружья, – сказала Тамара и поскакала прочь, поднимая юбки и яростно подпрыгивая. – Ой, я потянула лодыжку. Нет-нет, у меня все хорошо. Сегодня не тот день, чтобы тянуть лодыжку.

– Во тупая! – воскликнул Треско. – Даже не знает, кто такие сильфиды. Богом клянусь, эта дура считает, что это нечто вроде сорок или соек. Это, блин, мифологические животные! – заорал он ей вслед. – А то еще попросишь у нашей миссис Задницы «пирог с сильфидами», с тебя станется. Ладно, пошли дело делать.

Выражение лица Томаса стало злым и напряженным. Он побежал за сестрой. Белые чулки с него сползали; кипенно-белая сорочка и светло-голубой бархатный жакет были заляпаны грязью после того, как двадцать минут назад Тамара толкнула его в канаву.

– Начали! – тихо, со значением, точно подначивая себя, объявил Треско. – Начали. Начали. Сперва они, а потом бац – сюрприз. Да?

Джош промолчал, но Треско, кажется, заметил, что кузен не в курсе происходящего.

– Сегодня – игры и развлечения. Эта тебе понравится, Джош. Она называется «Поймай нищebroда». Смотри. Будет весело.

Вокруг никого не было, лишь метрах в полутора от них меж деревьев мелькали заляпанные бело-синие одежды Тамары и Томаса; но тут Треско бросился прятаться за ствол дуба, точно заправский морской пехотинец, а потом, пригибаясь, побежал к следующему. Достав из кармана вязаную шапочку, он напялил ее на копну своих светлых волос. Казалось, он прячется от снайпера. Так они с Джошем передвигались от дерева до дерева. Тамара и Томас уже добрались до Стены. Там, на площадке, играют дети? Похоже на то. Нищebroды. Тамара и Томас замерли, посмотрели друг на друга, и Тамара мило улыбнулась Томасу, приподняв юбки обеими руками. Томас скривился, но потом, сделав над собой усилие, выдал ответную улыбку – правда, на пару секунд. Как уговорились. Тамара начала. Изячно подпрыгнула, еще раз, потом крутнулась, потом поклонилась. Томас что-то буркнул – должно быть: «Может, ну его на фиг?» Затем, сдавшись, тоже подпрыгнул, и еще раз, и крутнулся, и поклонился.

Треско и Джош добрались до кромки леса. Дети из Трущоб их не видели, лишь Томаса и Тамару, церемонно танцевавших в бальном платье и «фаунтлеройчиках». Тут до Джоша дошло, что эта часть леса совсем близко к Яме. Томас и Тамара синхронно поклонились, подхватили друг друга под локоток и закружились; Тамара подняла правую руку над головой и повертела, точно размахивая великолепным бубном, украшенным множеством ленточек. Дети, сидевшие на качелях и на горке, перестали играть – если вообще играли. Они заметили, как детишки из большого дома страдают фигней. Кто бы не взбесился от такого зрелища: богатые детишки, разодетые одна как на свадьбу, второй вообще в оборочках и коротких штанишках, дрыгаются как дебилы. Тамара поднимала лодыжки, изячно взмахивая ножкой, а Томас задирали колени чуть ли не до кипенно-белой манишки своей рубашки в оборочках. Нищebroды их заметили. И наблюдали за ними.

5

Рука Блоссом с перстнем, украшенным рубином размером с зернышко гранатового плода, потянулась через стол, крутя подставку для визиток, точно жила собственной жизнью. Блоссом посмотрела на бывшую золовку открытым, искренним и счастливым взглядом.

– Что скажешь, – спросила она, – если мы таки возьмем Джоша под, гм, более постоянный присмотр? Ты что-нибудь знаешь об Апфорде? Школе, где учится Треско? – Должно быть, Кэтрин как-то выдала себя: отстранилась, или взгляд стал затуманенным – потому что Блоссом тут же с легким упреком пояснила: – Я думаю исключительно о благополучии Джоша.

– А как насчет каникул? – беспечно тоном поинтересовалась Кэтрин.

– Разумеется, платить за учебу будем мы, – заверила Блоссом.

– Вы так добры, правда-правда. Я это понимаю. Мне нужно время, чтобы подумать.

– Не затягивай с этим, – посоветовала Блоссом и вернулась к столу. – Столько времени впустую тратишь на эти письма, три четверти, – просто «спасибо», но деваться некуда.

Минут пять Блоссом писала не отвлекаясь. Кэтрин почувствовала, как горят ее щеки. Блоссом думала о том, как будет лучше ее сыну. А она сама – только о своих собственных интересах. Скоро Блоссом подняла голову и, точно удивляясь, что она еще тут, сказала:

– Чудная какая погода – а я, эгоистка такая, держу тебя взаперти.

– Пойду почитаю... – безнадежно вздохнула Кэтрин, думая о водке.

6

Нищевродов на площадке оказалось семеро. У них тоже были каникулы. Три девочки и четверо мальчишек, один совсем маленький. Они были одеты... ну, во что обычно одеваются нищевроды. Нет, не в спортивные костюмы – в джинсы и футболки с какими-то надписями. На одном была тренировочная куртка, красная с полосками, словно он собирался делать зарядку. На другом – кремовые хлопчатобумажные брюки и голубая рубашка поло. То есть примерно то же самое, что и на Джоше. В этом и заключалось самое смешное – дети из деревни, одетые так же, как Джош, считали его «богатеньким» и хотели одеваться так же, как он.

Ребята устроились на карусели метрах в полутора от незваных гостей. Один покачивался на качелях. Все они увлеченно болтали. Кто-то лающе засмеялся. Тамара и Томас прыгали туда-сюда, но их не замечали. Нищевродов не привлекали ни бальное платье, ни короткие бархатные штаны, ни пасторальная сценка. А может, они и заметили своих богатеньких соседей, но не придали их визиту значения. Вот это уже было недопустимым.

– Что за дела?! – возмутился Треско, сидя на корточках за дубом. – Вы что, не можете поддать жару? Давайте, живей, тра-ля-ля.

– И так, блин, стараюсь! – ответила Тамара уголком рта.

Наконец нищевроды устремили взгляды на Тамару и Томаса, прыгающих и нарезающих в танце круги друг вокруг друга, и, замерев, стали посматривать на то, что творится в кромке леса. Но вскоре, видимо, решили, что шикарные богатенькие детки не стоят их внимания. А может, просто не оценили зрелища за Стеной – настолько оно было далеким от площадки, джинсов, тренировочных брюк и двухквартирных домов из желтого кирпича.

– Не сработало, – проворчал Треско. – Надо было взять ружье.

– Ничего себе! – Тамара совсем выбилась из сил и запыхалась.

– У меня есть идея! – заявил Треско. – Они ведь не видели Джоша, так?

– Я не хочу, – сказал тот. – Что я могу заставить их сделать? Я же не надену бархатные штаны или что там?

Треско схватил свою ветку – почти метровую дубину – и сильно толкнул Джоша. Он попятился, но тут же выпрямился, чтобы не свалиться в грязь.

– Давай! – сказал Треско. – Помани им или сделай что-нибудь в этом духе. Никто же не ожидает от тебя чего-то *весьма захватывающего*.

Тамара и Томас расхохотались. Джош почувствовал, что вот-вот расплачется: он и забыл, что после издевательств над ним они начинают говорить гадости про маму.

– Ох, черт! – выругалась Тамара. – Если ты сейчас же не подойдешь, клянусь, я тебя притащу силком.

Это не сработает, Джош знал наверняка; все, что он мог, – пойти к Стене и встать там – и на него обратят не больше внимания, чем на его двоюродных братьев и сестру. Вот и все, а потом кузенам наскучит и они найдут себе другое развлечение. Он выпрямился и отправился к Стене, туда, где только что танцевали Тамара и Томас. Кузина, нахмурившись, крепко ухватила его и подтолкнула. Подняв руку, указала на него, ухмыляясь, точно безумная, в заляпанном грязью бальном платье. Томас рядом с ними не прекращал подпрыгивать.

– Знаете, что делает Джош? – спросил Треско. Он говорил наполовину с Тамарой и Томасом, наполовину для сведения самого Джоша. Презрительный тон его речей разносился через Стену, дабы нищелюды слышали его. – Джош трогает. Он вечно все трогает. Вы видели? Когда он заходит в комнату, он не останавливается и не садится, как добрый христианин, а ходит, берет то, касается этого, вертит каждую собачку из Стаффордшира и каждое фото в рамочке на пианино. Думаете, он так делает и дома? Или только в гостях? Думаете, у них в Брайтоне все такие? Предки терпеть этого не могут. Кусают губы. И с трудом удерживаются от замечания. Однажды я видел, как он наклонился и трогал кисточки турецкого ковра в гостиной. Держу пари, они решили, что он ведет себя по-брайтонски.

– Стой здесь! – велела Тамара Джошу. – Вот так.

Крепко взяв Томаса за руку, она отступила на пару шагов. Теперь нищелюды наблюдали. Они увидели Джоша и повскакали с мест. Кто-то из них что-то прокричал, и самые рослые в бешенстве понеслись в сторону леса во главе разъяренного войска. Тамару в бальном платье они еще стерпели и приняли, как не возражали и против Томаса в бархатных бриджах, однако Джош, одетый точь-в-точь так же, как и они сами, но стоявший за той, частной и купленной, стороной Стены, – это было чересчур. Как же жутко они завопили!

– Бегите! – скомандовал Треско. – Да бегите же, мать вашу!

Они припустили бегом; Джош кинулся за Тамарой, подхватившей подол. Она неслась напрямик к Яме. Томас уже давно их обогнал; Треско же не сдвинулся с места. Их преследователи успели перебраться через каменную стену, а их вопли раздавались уже на участке. Где-то за их спинами, за деревьями, раздался звук, точно кто-то споткнулся; в этом явно был замешан Треско. Похоже, он чем-то вооружился, потому что среди яростных воплей раздалось предостерегающее окрики. Вилами? Ружьем? Джош споткнулся, но Тамара подхватила его. Он едва не свалился в Яму. Вот и нищелюды подоспели, а за ними – Треско. Лицо его было покрыто маской грязи, а в руках он сжимал ужасное оружие: шест, а на его конце – поблескивающее металлом лезвие кухонного ножа. Самый маленький из преследователей обернулся на бегу и умоляюще взмахнул руками; его подхватили – сестра, наверное, Она споткнулась, поскользнулась, и двое или трое свалились в грязь, дерьмо и отбросы Ямы. Словно ничего и не случилось, Треско замедлил шаг, забросил самопальное оружие под мышку, развернулся и пошел прочь. В то же самое время Джош почувствовал, как Тамара схватила его сзади. У нее имелись на него планы. Томас принялся связывать ему запястья. Джош сдался. Утренние развлечения подошли к концу. Они направились к дому. Тамара небрежно заметила, что за их спинами, кажется, кого-то рвет – должно быть, вид Джоша доконал нищелюдов.

7

– Невероятно! – раздался голос Блоссом из большой залы.

Она пыталась найти Кэтрин, и та отозвалась из столовой. Выяснилось, что по утрам туда никто не заходит и что оттуда открывается приятный вид на лес, отделяющий усадьбу от деревни.

– Ты не поверишь, – сказала Блоссом, входя в комнату со стопкой бумаг в одной руке и очками в другой. – Я тут искала своего брата. Он в Шеффилде. Упомянула о вас с бедным маленьким Джошем. Лео и понятия не имел, что вы гостите у нас... Так вот, я связалась с ним, и он так встревожил меня новостями, что впору садиться ехать в Шеффилд немедленно. Могу и Джоша прихватить.

– Что-то с матерью?

– А когда было иначе? – отрезала Блоссом. – Нет, она не умирает, то есть не прямо вот на грани. Боже правый, что это удумали мои дети?

На лужайке перед домом их ждало прямо-таки апокалиптическое зрелище. Лица, измазанные землей и грязью; одежда, некогда нарядная, сшитая для пышных празднеств, была порвана и забрызгана – и это в лучшем случае! А выражали эти лица абсолютную радость, салютуя прутьями, верно призванными изображать копья. Но приветствие было направлено не им, но кому-то в полусотне метров от них: должно быть, Стивен увидел их из окна своего кабинета и окликнул. Лишь тот, кто плелся позади Томаса, не разделял всеобщего ликования: плечи Джоша были опущены, вид понурый. Кэтрин с ужасом увидела, что остальные его, по сути, тащат: запястья связаны, и мальчика волокут на веревке или просто толстой бечевке.

– Как мило! – воскликнула Блоссом. – Они играют в пленников, и Джош проиграл. Он король пиратов или кто-нибудь в этом роде. Его взяли в плен войска Империи или ужасные дикари, одно из двух. А потом будет его очередь править и завоевывать.

– Бедняга Джош! – с деланой легкостью произнесла Кэтрин, но что-то в ее тоне заставило Блоссом повернуться и быстро изобразить на лице улыбку радостного изумления. Бедняга Джош, наверняка думала она. Немного бы умерить все это: потакания привычкам Джоша, тому, как он избегает диких забав, которые, без сомнения, должны нравиться любому ребенку.

– Ума не приложу, – сухо спросила Блоссом, – как и чем мне теперь отчищать грязь и кровь со светло-синих бриджей? Так бы и убила Томаса – нашел в чем по лесу мотаться. Это ведь бриджи для свадьбы Энтвудов. Они оказали нам любезность, пригласив Томаса пажом.

Через лужайку, кавалькадой стыда, позора и смерти, шли дети: грязные, запыхавшиеся и гордые. Ухмыляясь во весь рот, точно плотоядные, только что угостившиеся мясом и кровью. Помахали человеку на втором этаже, отцу троих из них. Он ответил ликующим воплем, разорвавшим позднее утро и огласившим лужайки, леса и сады, купленные на деньги, им заработанные, – воспевая триумфальное возвращение своих отпрысков из лесной чащи.

Мама и Лео

Это случилось в 1969 или 1970 году. Из-за какой-то сумки для спортивной обуви и десяти шиллингов. Так отчего же тогда это отдавалось в его голове много лет спустя, отвлекая клетки мозга от, например, того, как нарисовать короб в разных плоскостях, запомнить обозначение химического элемента бериллия или образовать пассивный залог в немецком языке; отчего из-за пустячной стычки на школьном дворе многие недели превратились для него в единственный урок – урок выживания? Определенно это случилось после школы, потому что тогда...

здесь, нет, вот здесь

мне давай!

хватай и беги, ну

Стюарт Стюарт Стюарт

Хватай и передавай Стюарту, тому пацану с Крукса

Держи, держи

Мальчик стоял и смотрел на то, что держал в руках. Это была сумка для спортивной формы – такая же, как у всех остальных, черная, пластиковая, с нарисованной на ней кроссовкой. В гневе пострадавший – им оказался Гэвин, из класса миссис Такер, – с силой пихнул Лео, сжимая мешок в руках. Почти ударил. Лео вспотел, хотя было холодно; даже в разгар дня изо рта у ребят шел пар. Окружающие распустили шарфы и побросали на землю собственные сумки со спортивной формой.

– Это ты! – закричал Гэвин на Лео и снова его толкнул. – Это ты сделал. Чертов карлик, это все ты!

– Отвали... – процедил Лео.

У остальных вид сделался озадаченный, озабоченный и обеспокоенный, точно у онкологов-практикантов, собравшихся в кружок. Сумка порвалась у ручек: через надорванный гладкий черный пластик зияло картонное нутро.

– Это ты порвал! – орал Гэвин. – Мерзкий гном! Ты заплатишь за это!

– Иди ты, урод прыщавый! – отмахнулся Лео. Но знал, что это правда: он ощутил, как надорвалась ручка, дергая за сумку, понятия не имея, чья она. Гэвина – который вечно ходил в несвежей рубашке и с кислой рожей, сидел впереди него на французском и никогда не знал нужного ответа. Мистера Прыщи года – его даже антибиотиками лечили. Вот чью сумку он порвал.

– Это не я, – начал Лео. – Она уже была порвана!

– Да ты это, ты, – сказал Стюарт. – Я видел, Лео. Ты порвал.

– Ее все хватали, – возразил Лео. И тут же вспомнил, из-за чего, собственно, все затевалось: Гэвин украл хрестоматию «Новая поэзия», принадлежащую Энди, и это все видели. Потому, что своей у него не было; ни на этой неделе, ни на прошлой, ни на позапрошлой. Потерял – предположил мистер Батли, но Гэвин сказал, что забыл. И на этой неделе история повторилась, а потом, в конце урока, во время которого с ним поделился учебником Пол, он, улучив минуту, думая, что никто не видит, схватил книгу Энди и сунул в ранец. Вот почему его преследовали и вырывали его сумку друг у друга из рук. Но, кажется, все уже об этом забыли. Им не было дела до А. Альвареса, собравшего в своей хрестоматии проблемы и горести людские.

– Мне плевать, – сказал Лео. – Не будь таким жалким. – Развернулся, вышел из школьных ворот и пошел по дороге. Действительно, Гэвин был жалким.

Но на следующий же день, стоило ему войти в класс, Гэвин уже поджидал его и сунул ему в нос сумку.

– Ты заплатишь за починку! – заорал он.

В классе было семь-восемь человек. И она – конечно, Она – сидела на парте с подружками и притворялась, что не видит, что он вошел. За полчаса до переключки по журналу так всегда и было.

Гэвин наседал на него, тыкал своей сумкой с недовольным, красным от злости, истекающим гноем лицом и сжимал кулаки.

– Это ты порвал. Ты мне должен десять шиллингов за починку!

– Не буду я платить за то, чего не делал! – сказал Лео. – Не будь нюней! А что ты, кстати, сделал с учебником Энди, который вчера украл?

– Сам ты нюня! – огрызнулся Гэвин и вернулся на свое место.

Но следующие дни Лео жил будто в двух мирах. В первом и главном никому не было дела до порванной сумки; они о ней не знали либо забыли. Никто даже не замечал, как Гэвин, шипя, кидается на него. Дома казалось, что тот, другой мир гнева заканчивался у школьных ворот. В том, другом мире они с Гэвином были связаны подлым и справедливым требованием, неотступным и не подлежащим обжалованию; и тем, как этот последний настаивал на своей правоте. «Где мои деньги, карлик?!» – вопрошал он. Вечером мама забеспокоилась: «Ты что-

то неразговорчив, Лео, все ли в порядке?» Двое младших, Хью и Лавиния, перестали беспрерывно болтать друг с другом и уставились на старшего брата: им тоже стало интересно.

Спустя неделю Гэвин заговорил по-другому. В классе он был отстающим. Так что, наверное, думал не один день. Однажды, подойдя к Лео, он заявил:

– Ты должен мне десять шиллингов. Если ты не отдашь мне их к концу недели, я приду к твоим родителям и попрошу у них. Где ты живешь, я знаю.

– Они пошлют тебя подальше, – храбро сказал Лео.

Со стороны казалось, что они с Гэвином дружески обсуждают какое-то срочное дело в углу школьной площадки. А под ногами у них шуршал гравий.

– Они не посмеют, – возразил Гэвин. – Они такие же карлики, как и ты.

– Ничего ты не получишь!

Лео повернулся и пошел прочь. Но каждый день, утром и вечером, его преследовал Гэвин: жуткий голос и жуткое, красное от налившихся кровью прыщей, лицо; иногда по нему в самом деле текли кровь и желтый гной; иногда, оставшись один, Лео думал, что такой способен на все.

В тот четверг все сидели за ужином, когда в дверь позвонили. Лео точно знал, кто это. Младшие замерли с ложками супа. Папа болтал как ни в чем не бывало. Мама сказала: «О боже» и отложила ложку. «Если это пациент...» – продолжала она по пути в коридор: отчаявшиеся больные взяли моду искать адрес понравившегося врача в телефонной книге. Она открыла дверь, и Лео услышал знакомый голос. В первый раз он понял, сколько в нем показной удачи. История, которую этот голос рассказывал, была так хорошо известна Лео, что он с трудом осознавал: слышит ли он голос или припоминает его. Разумеется, остальные вели себя как ни в чем не бывало: мол, рано или поздно мы и так все узнаём; маленькая Лавиния тыкала в Хью уголок скатерти, папа спрашивал Блоссом, сможет ли она в субботу отнести в библиотеку книги бабушки Спинстер. Тут в комнату заглянула мама.

– Деньги, – сказала она папе.

– Сколько?

– Десять шиллингов.

– Возьми в кошельке. Там была банкнота. А, или у меня была монетка. Ты видел десять шиллингов, Хью? Будешь хорошо себя вести – и бабушка подарит тебе на Рождество новенькую блестящую монетку.

– Забыла отдать кое-кому долг, – сообщила мама, вернувшись. – Ты доела, Блоссом?

Лео решил, что сейчас начнутся расспросы, но после ужина мама не сказала ни слова. Да и удрученной она не казалась. Десять шиллингов были отданы, и в школе Гэвин определенно его избегал. Теперь его очередь ходить в замешательстве, и он смотрел с вызовом, но не заговаривал с Лео вовсе. Только спустя несколько дней мама упомянула о случившемся. Не то чтобы она специально откладывала разговор. Просто вдруг пришлось к слову.

– А что это было недавно вечером? – спросила она. – Тот жуткий прыщавый мальчик?

– Я порвал его сумку. Он решил, что я должен ему за починку.

– Бедный мальчик, – просто сказала мама. – Ему не очень везло в жизни, сразу видно. Думаешь... Вот черт! – Она наклонилась, отыскала за диваном уроненный наперсток, достала иглу и нитку и поднесла к свету, оценивающе разглядывая. – Такие люди. Мой девиз: «Плати, чтобы отстали». Десять шиллингов, и вопрос закрыт. Знаю, это ужасно.

– У меня не было десяти шиллингов.

– Ну и ладно, дело-то сделано, – сказала мама. – Не думаю, что этот мальчик когда-нибудь напишет великую картину, спасет кому-нибудь жизнь, построит мост или напишет книгу. Те, кто на это способен, – не такие. Думаешь, люди, которые... которые написали книгу Екклесиаста, тоже ныли и были такими же прыщавыми?

Должно быть, у Лео сделалось странное пугающее выражение лица. Прежде он ни разу не слышал, чтобы мама ссылалась на книгу Екклесиаста. Откуда это у нее?

– О, ну ты меня понял, – смущенно засмеялась мама, как будто действительно заговорила о чем-то, что могло смутить. – Я за то, чтобы заплатить подобным людям, лишь бы они отвязались. Можешь вдеть красную хлопковую нитку вон в ту иголку, Лео?

Так году в 1969 или около того Лео узнал, что некоторым людям нужно заплатить, чтобы они отстали. Как узнал и то, что его мама в это верит. Прошло много лет, прежде чем он задумался, что же больше повлияло на его жизнь: мысль, что это работает, или же то, что так считала его мама?

Глава четвертая

1

Не успев появиться в доме, Блоссом рокочущим, как теперь за ней водилось, голосом проговорила:

– А что, тот парень, Том Дик, вернулся в Шеффилд?

За ее спиной двое мальчишек, выбравшись из машины, тащили тяжелые чемоданы. Лео быстро поцеловал сестру в щеку и наклонился к сыну с распростертыми объятиями. Правда, сейчас особенно сильно нагибаться не приходилось, а ради Треско и вовсе не было нужды – тот уже вымахал ростом с дядю. На Блоссом были белая блузка и блестящий бархатный платок, обернутый вокруг шеи, – Георгина фон Этцдорф, догадался Лео. Она поправилась, что ли? Или все дело в новой прическе: спадающих на плечи волосах? Менее пышная, ближе к лицу – обычно Блоссом носила венчик, взбитый с помощью пенки «Элметт». Джош приехал в голубой рубашке с закатанными до локтя рукавами, легких брюках-чинос и розовых матерчатых эспадрильях. Ничего из этих вещей Лео прежде не видел у сына. Треско был одет так же, только туфли другого цвета.

– Том Дик... – повторила Блоссом. – Кажется, я заметила его на улице, когда мы проезжали через Рампур. Это точно он.

– Понятия не имею, – невозмутимо ответил Лео. Высвободился из объятий Джоша, который прямо-таки повис на нем; потрепал сына по макушке и похлопал по плечу. – Я его сто лет не встречал. Может, ты решила, что это он, из-за роста?

– Честно, я очень удивилась, когда его увидела, но, наверное... Оставь их тут, милый, когда дедушка скажет, куда нам, мы их и унесем... Думала, он теперь в Париже или в Нью-Йорке.

– Понятия не имею, – снова сказал Лео.

Но Блоссом это не смутило: она привыкла. Да оно того и не стоило. Там, где Лео сперва паялился в пространство, а потом ронял лицо на руки, она предпочитала действовать. Она начала оглядываться, точно чего-то не хватало.

– А где дедушка? Почему к нам не вышел? – спросил Треско.

– В больнице, донимает твою бабушку, – улыбнулся Лео. – Чаю хотите?

– Умираю как хочу! – воскликнула Блоссом. – Слушайте, мальчишки, давайте отнесем сумки в комнату, где на стенах картинки с пони. Рядом с ванной. Ну или в твою комнату, Лео.

– Только не ко мне, – возразил тот. – Понятия не имею, где папа намерен всех размещать.

Его сердце учащенно забилось при мысли, что его сын и племянник могут войти в комнату и увидеть то, что лежит на прикроватном столике: пухлый конверт с письмом внутри. И думалось ему: может, взять и рассказать Блоссом о том, что сегодня утром, проснувшись, он обнаружил на коврике у двери любовное письмо. Его подсунули под дверь примерно в то время, когда они с отцом отправлялись спать, и в шесть сорок пять утра Лео обнаружил, что спать ему совсем не хочется. Он уже и забыл, когда в последний раз получал такие письма. И получал ли вообще.

2

Когда он, едва проснувшись, спустился на первый этаж, конверт лежал на коврике у двери. Открывая его, ничего хорошего Лео не ждал. Вероятных источников угрозы хватало:

в полночь полным набором несчастий могли оделить его и начальник, и бывшая жена, и школа сына. Лео быстро, по обыкновению, вскрыл конверт, сделав глубокий вдох, и начал читать. Сердце его учащенно забилося, и он, одетый в халат, ощутил, что потеет. Какое-то мгновение он не понимал, что читает. Почерк аккуратный, решительный и красивый: ясно, что писал человек образованный. Скоро Лео увидел признание в любви и решил, что вскрыл послание, адресованное кому-то еще. Спустя десять минут он понял, что именно читает. Сунул письмо в карман халата. Наверху неохотно поднимался с постели пожилой человек: оттуда донеслись похрапывания, звук выпускаемых газов, ерзание и, наконец, зевок. Потом все стихло, и Лео успокоился.

Ему и раньше доводилось получать любовные письма. От девушек – он припомнил, что они порой присылали записочки, когда все было кончено. Пару раз от Кэтрин – но, скорее, потому, что она ощущала: раз уж я выхожу замуж за этого человека, лучше бы постараться, чтобы все как у людей. Наверное, эти письма до сих пор где-то здесь и лежат. А вот послание от совсем чужой женщины было Лео в новинку. Время от времени он брал длинное письмо, садился в укромном углу и перечитывал его. И был убежден, что в один прекрасный день станет гордиться и этой эпистолой, и своим ответом: искренним, снисходительным и почтительным.

Сейчас же он испытывал в основном замешательство, и ему казалось, что из всех признаний, произнесенных или написанных, лишь это письмо мгновенно вызвало в нем быстрый отклик, единственно подлинный; не надо было притворяться, чтобы сделать кому-то приятно. Раньше женщины говорили, что любят, – и он отвечал: «Я тоже». Лео знал, как сделать, чтобы это звучало достоверно: надо широко раскрыть глаза и открыть рот; он мог даже сделать так, чтобы сердце наполнилось любовью – неотличимой от настоящей. Иногда он уверял, что будет помнить их вечно (хотя и представить себе такого не мог), а пару раз даже заплакал. Изобразить плач легче, чем смех.

Но теперь, будучи разведенным неудачником, отцом мальчика, среди белого дня в доме своих родителей Лео сидел и смотрел на слова, которые написала соседская девушка, и ему казалось, что ни одно признание в любви не вызывало у него чувства вполнину столь же подлинного, как ужасное смущение, которое овладело им сейчас. Он едва разбирал предложения. Аиша поняла, что любит его, как только увидела часы, которые он носит, – с ремешком слишком широким для его милых тонких запястий. Неужели у него тонкие запястья? И... милые? Он закрыл глаза. А когда снова открыл, прочел обещание: в один прекрасный день она выглянет в окно и увидит его в саду; только этот сад будет его садом, и этот дом будет его домом, в котором они будут жить вместе. Правильно ли он ее понял? Она такая юная, такая юная; она доверилась ему, и его отказ будет очень, очень мягким. Он даже не станет цитировать ее слова о красоте мужского лица, топором прорубившей ледяное сердце.

– Что это? – однажды спросил отец, неожиданно появившись в комнате. – Что у тебя там?

– Ничего, – ответил Лео.

Отец со вздохом обернулся и ушел. Может, они с матерью так и поженились: кто-то ни с того ни с сего признался в любви.

А любовь... Что такое любовь? Лео выглянул из окна дома, в котором жил с младенчества, и понял: любовь между взрослыми – это когда один признается, а другой принимает, терпит или отказывает, честно и бережно. Это настоящее испытание характера – то, как ты отвергаешь предложенные тебе чувства. Поддаешь руку, улыбаешься, качаешь головой и целуешь в щеку. Она так молода, эта девочка, а он уже успел узнать жизнь.

Лео почувствовал, что довериться сможет только сестре Лавинии. Она понимает, что такое любовь и как ее защитить. Остальным лучше не знать, как он отверг чувства девушки, живущей по соседству с его родителями.

3

В декабре почтальон всегда приходил позже обычного – поздравления и все такое; иногда он появлялся в половине одиннадцатого и даже в одиннадцать. Лео, в ту пору восемнадцатилетний, дожидался его перед тем, как уйти в школу. Он сомневался, что школа сейчас так уж важна для него. Почтальон должен был принести уведомление о том, что он принят в Херфорд-колледж, Оксфорд, – или вежливый отказ в зачислении. И мнение миссис Аллен об «Антонии и Клеопатре» – не слишком веский повод пропустить это известие.

Все случилось во вторник. Он сидел на корточках у двери, ожидая почтальона. Плотный белый конверт с красным крестом. Лео вскрыл его.

– Ну? – спросила мама. Она тоже ждала.

Написано там было именно то, что и требовалось, и после получаса радости и звонка на работу папе Лео даже подумал, а не позвонить ли Тому Дику. Но вполне могло оказаться, что Тому праздновать нечего, поэтому он предпочел отложить расспросы на потом.

В этот день он не встретился с Томом Диком – не заметить его было бы невозможно. На другой день, когда они сидели на уроке французского, Лео, увидев, как Том бочком вошел в класс, решил опустить глаза и вести себя как можно вежливее. Но миссис Гриффитс сразу же сказала: «Слышала, кое-кого можно поздравить: Тома и Лео», и Том Дик сказал: «*Vous auriez pu m'abattu avec une plume*» – шуточно переделав на французский манер английское «Вы можете сбить меня с ног перышком». «Сразили наповал», то бишь. Он улыбнулся застенчивой ухмылкой, игнорируя взгляд Лео.

После школы Лео догнал его:

– Когда ты узнал?

– Вчера. А ты?

– И я. Что ты получил?

– Две оценки «отлично». А, еще проект отметили.

– Ух ты, поздравляю!

– Ну, и я тебя тоже.

Что можно было сказать о Томе Дике? Этого он не знал и тогда, когда в начале шестого класса услышал слова учителя: «А еще на Оксбридж нацелился Томас Дик. Ты знаком с Томасом?» Конечно, он был знаком с Томом Диком. Ростом тот вымахал почти до метра девяносто. Казался вполне славным. Они состояли в самой успевающей группе по французскому; но вообще-то Лео выбрал немецкий и историю. Они не дружили, да и как бы смогли? Звучит нелепо, но Том производил впечатление усердного, прилежного ученика. Записывал карандашиком в блокнотик идиомы. Той весной лучшие из французской группы отправились в Реймс; они практиковались в языке в гостях у виноделов за бокалом шампанского, а также, пользуясь репликами из списка, выданного месье Придо, общались в кондитерских с торговцами или простыми жителями красивого города. Продавцы таранились на них, честно признаваясь, что понятия не имеют, отчего пирожные с заварным кремом зовутся *religieuse*¹⁸. Вечером в четверг Лео с двумя девочками, еще менее серьезными, чем он сам, отправился в бар пить кальвадос; Том же Дик купил газеты и рецензировал их. Лео легко мог завязать жаркий спор и обосновать, почему у Паньоля или Мориака¹⁹ написано так или этак. Том же Дик умел лишь правильно строить предложения, заучивая и произнося эффектные, но, откровенно говоря, уродливые

¹⁸ Религиозный (фр.).

¹⁹ Паньоль, Марсель (1895–1974) – французский прозаик, драматург, сценарист и продюсер, лауреат премии «Сезар»; Мориак, Франсуа (1885–1970) – французский писатель, лауреат Нобелевской премии.

конструкции в сослагательном наклонении *passé simple*²⁰: однажды он выдал «Que je l'eusse su»²¹, отчего даже миссис Гриффитс умолкла и закатила глаза, после чего сказала: «Очень хорошо, но, если вы попробуете произнести это вслух, французы испугаются». Точно так же он отнесся к «Клубку змей»²²: выписывал идиомы, основные мысли, составлял список главных героев и важных тем и, конечно, примеров сослагательного наклонения в *passé simple*.

Подготовительные занятия проводились на открытом воздухе, на школьном дворе. Христианский союз выселили из самой маленькой классной комнаты, где его члены обычно собирались в среду во время обеда и говорили о Боге; теперь там заседали Том Дик и Лео с мистером Хьюиттом, классным руководителем. Мальчики и девочки из его класса поступали в Оксбридж – в среднем по одному раз в два года. У их школы есть связи с Херфорд-колледжем, так что имело смысл подаваться именно туда. В остальное время мистер Хьюитт давал им задания из вступительных экзаменов в Оксфорд прошлых лет и говорил, чего могут ожидать экзаменаторы. Нельзя оплакивать участь героини, одновременно восхищаясь «наездом» камеры; общество, как и рыба, гниет с головы; «он умен, но епископом ему не быть», как сказал Георг III о писателе Сиднее Смите. Обсудить, вопросов больше нет.

Был ли Том Дик ему другом? Если и да, то точно не в том смысле, что Пит. Впоследствии Лео припоминал, что все эти два года они с Питом любили литературу по-настоящему. Пит был помешан на Дэвиде Герберте Лоуренсе: он мог цитировать его километрами, а когда его память оскудевала, они с Лео сочиняли «под Лоуренса». В первый день весны, одурев от дуящего в лицо ветра и бешено слепящего солнца, они с Питом могли стоять посреди улицы и орать: «Пробудись во плоти, рожденный плотью! Разними меня, вынь мою кровь, плоть и кровь, да на землю сырую, Судьба!..»

И тому подобное. Часами.

Пит был его другом. Описать обстановку в его спальне он мог с закрытыми глазами – столько времени они провели там вдвоем. Лео обратил его в поклонники замка Блэдингс, но Дживса он так и не оценил: зато про замок сказал, что тот тронут печатью Бесконечности, *Жизнью*, а за его окнами ждет дикая императрица Блэдингс, чтобы все уничтожить. Вудхаус об этом понятия не имел, но «так было». Эту унаследованную от Лоуренса фразу Пит вставлял всюду. *Так было*, конец дискуссии. Лео обожал ум Пита; у того обо всем имелись оригинальные суждения. Однажды они ездили в центр Шеффилда, чтобы посмотреть на электрическую подстанцию. Над ними возвышался утес из черного бетона, связанный с внешним миром только спиралью из матового стекла на боку. Прекрасная грубость, сказал Пит. Кажется, человек появляется в этом мире для того лишь, чтобы проковырять дырку в его существовании. И при взгляде на махину это становилось понятно. Они стояли в непромокаемых куртках, и маленькие круглые стекла очков Пита, выдававшихся бесплатно Министерством здравоохранения, запотевали от дождя; вокруг, мимо подстанции и старой картонной фабрики, проезжали машины. Те, кто в них сидел, подозревали, что эти двое занимаются чем угодно, кроме того, чем они занимались на самом деле: любовались красотой и – спустя двадцать минут – декламировали Лоуренса у высокой бетонной стены через дорогу.

– Почему бы тебе не податься в Оксбридж? – спросил однажды Лео в пабе, куда они пробрались в надежде, что никто не заметит их возраста.

Пит был неряшлив, хмур, задирист и коротко стриг виски и затылок. Баки, копну волос и вообще любую проходящую моду он презирал, отчего выглядел старше, даже мог бы поискать работу. Однако, чтобы купить выпивку, и этого было недостаточно.

– Я бы с радостью, – сказал Пит. – Но такое не для меня.

²⁰ Прошедшее простое время (фр. грамматическая конструкция).

²¹ Букв., «конкретно этот субъект, которого я знал». (Фр.)

²² Роман Ф. Мориака.

- С чего ты взял? – возразил Лео. – Ты просто не пробовал.
- Там нет холмов. Я не смогу учиться там, где нет холмов. В Оксфорде их нет. В Кембридже тем более. Я вот в Лидс хочу. Там меня вполне устроит.
- Ты же сам говорил, что ты хочешь себя испытать.
- Я уже испытывал. Нет необходимости делать это еще раз, пока я не испытаю провал и не пойму, что это был провал. Там целый мир. Просто женщины и мужчины, они сочиняют разные испытания и проверяют, сможешь ли ты их пройти. Ты и Том Дик.
- Том Дик ничего парень, – храбро сказал Лео.
- Когда кто-то такого роста начинает говорить по-французски, это звучит странно, – заметил Пит. – Немецкий – да, немецкий – язык для высоких. Но не французский.
- А испанский?
- Для карликов. Определенно. Никто не должен говорить по-испански, если он выше чем метр пятьдесят.

Хотелось бы мне обсуждать работы для поступления в Оксбридж наедине с тобой, думал о Пите Лео. Жаль, что это не ты. Место Пита занимал Том Дик, и это было мучительно. И вот пришли письма, и они освободились друг от друга. Или же стали прикованы друг к другу еще сильнее. Трудно сказать.

То лето выдалось особенно жарким. По сей день, четырнадцать лет спустя, его вспоминают не без удовольствия; и будут помнить всегда. Уровень воды в водохранилище Ледибауэр неуклонно падал, и вскоре запретили мыть машины и поливать сады из шланга. Люди в пыльных авто съезжались к обмелевшему водоему посмотреть на то, что осталось на дне от поселения, затопленного при строительстве. Деревня Деруэнт: каменные стены; очертания мертвых домов, глубоко засевших в подсыхающем иле, обильном и потрескавшемся. Лео лежал в саду, пытаясь читать рекомендованную колледжем книгу Джона Рёскина «Былое». Он-то думал, что знает о викторианской литературе, изучаемой в первом семестре, все: Диккенс, Теккерей, сестры Бронте и Теннисон. Но он и понятия не имел, что в Викторианскую эпоху могли так писать. Он представлял себе процесс так: двенадцать мужчин и женщин почтительно сидят в зале за партами и прилежно пишут. По соседству проживает старуха в черном по имени Виктория и два ее премьер-министра, Гладстон и Дизраэли. Все они давно умерли, и вряд ли народились новые. Но Лео держал в руках книгу под названием «Былое», а еще один жутковатый том, «Перекроенный портной» Карлейля, дожидался своей участи. Он валялся в саду на пляжном полотенце, прислушиваясь к приступам ликования внутри дома: Лавиния и Хью смотрели Олимпийские игры в Монреале за задернутыми от жары занавесками. У телевизора они любили сосать лимонные леденцы. Вчера брат и сестра как замороженные часами смотрели тяжелую атлетику. Если завтра удастся спровадить их на улицу – например, в открытый бассейн Хейзерстейдж, – можно будет пригласить Мелани Бонд.

Кто-нибудь все время приходил в гости. Когда зазвенел дверной звонок, Лео почти увидел, как Хью неохотно сползает с дивана и идет открывать. Скорее всего, Питу, или Мелани, или Сью, или Кэрол, а может, даже Нику Кертису или Саймону Кромвеллу. Иногда, когда предки возвращались с работы, в саду их ждала целая вечеринка, с Питом, вещающим с альпийской горки, к вящему ужасу Тиллотсонов. Но в том, кто сейчас закрыл за собой дверь кухни, было не меньше ста восьмидесяти сантиметров роста.

- Решил вот зайти, – сказал Том Дик, присаживаясь на кирпичную ограду клумбы. – Просто шел мимо.
- А ты где живешь? – спросил Лео.
- Недалеко. Что это смотрят твои брат и сестра? Бег на средние дистанции?
- Ужасно рад, что после школы мне не придется делать это.
- Бегать на средние дистанции?
- Нет, вообще заниматься спортом.

- А, спортом? – переспросил Том Дик. – Тебе приходится это читать?
- Хочешь чего-нибудь попить? – предложил Лео.
- Да, лимонаду, если можно.

Лео вошел в дом, чтобы приготовить лимонад, и из окна кухни увидел, как Том Дик, думая, что его не замечают, с любопытством воззрится на цветы. Методично оборвал листья с одной гортензии, другой, третьей. Разорвав каждый лист на две, три, четыре полоски, критически, как показалось Лео, исследовал место разрыва. Все это время он притоптывал на месте. В такую жару Том Дик носил шерстяную клетчатую рубашу, джинсы и, похоже, старые школьные туфли. Лео уже недель шесть не надевал ничего, кроме шорт; торс и ноги его приобрели необычайно глубокий загар. Он наблюдал, как Том Дик с бледным лицом, щурясь на солнце, разглядывает листья.

- Как ты доберешься до Оксфорда? – спросил тот.
- Мама с папой отвезут, – ответил Лео, удивленный вопросом.
- А меня – мои. Я сдал на права несколько недель назад.
- Поздравляю.
- Но все равно меня повезут родители, – сказал Том Дик. – Не оставлять же машину в Оксфорде.

– Я через месяц сдаю, – пояснил Лео.

– Как хорошо уметь водить! – воскликнул Том Дик. – Я вчера доехал до Бейкуэлла с открытыми окнами.

Вдруг он ни с того ни с сего замолчал и в замешательстве всплеснул руками. В первый раз ему пришлось заговорить с Лео самому, и вдруг, произнеся три предложения, он осекся, точно что-то вспомнил. Пару минут он скомканно бормотал, что рад был встрече, что они увидятся в Оксфорде и что ему пора бежать. Одним глотком расправился с лимонадом, неловко pokrutil бокал, поставил на землю. Вероятно, его мать посоветовала: «Сходи навести мальчика, с которым ты поступил».

– Что это вообще?! – заорал Хью, мальчик-вундеркинд.

Кто-то перепрыгнул через барьер или метнул копье, что-то в этом духе; Лавиния, вне себя от возбуждения, хлопала в ладоши. Почти сразу же до Лео дошло: Том Дик солгал – он сказал, что в Оксфорд его повезут мать с отцом; на самом же деле он жил с одной матерью. Родители Тома давно развелись. Отец жил в Шотландии. Впору припомнить цитату: «*J'habite avec ma mère, à Fulwood, mais mon père habite Édimbourg d'habitude*»²³. Молодец, знал, что у французов для Эдинбурга есть специальное название. Вот Лео не догадался бы.

Его действительно привезли в Оксфорд предки. Коричневый «сааб» был вполне приличный. Машина уважаемого врача, не новая, но вполне на ходу. И никому бы не пришло в голову над ней насмеяться. Предки тоже постарались: не разрядились в пух и прах, как у некоторых, но и того, в чем возятся в саду, тоже не напялили. (Они-то соображали, что к чему, да и Лео заранее побеспокоился, чтобы отец надел твидовый пиджак, и никаких компромиссов. Они знали, что такое университет и что Лео небезразлично, кто его привезет.) Ему досталась комната в главном корпусе колледжа, и не на первом этаже, как Чарльзу Райдеру из «Возвращения в Брайдсхед». Его фамилия значилась на дощечке на первом этаже и еще раз – на дощечке у входной двери. Второкурсник, которому велели показать им комнату, с улыбкой разговорился с Хилари, знавшим все заранее.

– Как тут... красиво! – сказала мама, выглянув в окно.

– Конечно, это ведь самое важное! – съехидничал папа. – Что ты учишься в красивом, по мнению мамочки, месте. Кембридж бы показался ей еще красивее.

– Не мог бы твой отец... – начала мама. Но чего именно, не прояснила.

²³ Я живу с матерью в Фулвуде, а отец теперь живет в Эдинбурге.

Разумеется, Хилари не упустил возможности уколоть ее, но все же и он был доволен. Как следует, в полную силу поспорятся они уже на пути домой. Лео до самого Рождества не узнает, что папа всерьез пригрозил уйти от мамы на парковке станции техобслуживания где-то в глуши.

– А вон то не... как бишь его зовут? Высокий такой мальчик? С тобой в школе учился? – Хилари оглядел четырехугольник двора. – Что он тут делает? Видок у него, конечно, еще тот. Серьезный такой. Как думаешь, ему придется нагибаться, чтобы пройти в средневековые дверные проемы? Хотел бы я на это посмотреть.

– Он поступил, – сказал Лео. И подошел к окну.

Рядом с Томом он увидел маленькую суетливую женщину, одетую в блузку цвета корочки пирога и аквамаринного оттенка костюм. Том Дик был одет так же, как когда пришел в гости: в клетчатую рубашку, джинсы, только туфли сменил на парусиновые. А его мать, похоже, принарядилась. Росту в ней было от силы метра полтора. Вдвоем они бросались в глаза; каждый из них держал в руках по фанерному ящику. Мать слегка прихрамывала.

– О, как мило! – сказала мама Лео. – Как славно встретить в первый же день знакомое лицо. Кажется, он хороший мальчик. Так ведь?

– Не припоминаю, чтобы говорили, что кто-то еще поступил, – проворчал Хилари. – Ну, что? Ты знаешь, куда идти? Тебе же не надо, чтобы мы распаковывали вещи и расставляли твои книжки в алфавитном порядке? Не думаю. Сел, перестань смотреть в окно. Пусть Лео занимается своими делами. Будешь хорошо себя вести – угощу тебя чаем в оксфордской чайной.

Когда они уехали, Лео был готов себя поздравить: он едва не поспорился с отцом, но повзрослому смог этого избежать. Так и надо поступать. Лео задумался – не тогда, позднее, когда все уже пошло не так, – что практически всю свою жизнь он прожил с отцом и матерью. Можно было сосчитать дни, в которые он не видел ни того ни другую, и их едва ли набралось бы пять десятков. Оказалось, что в тот день, когда его оставили посреди художественного беспорядка из бурых фанерных ящиков с пристроенным сверху горшком с монстерой, точно на картине де Кирико, случилась престранная вещь: он внезапно увидел своих родителей совершенными незнакомцами. Отец, добродушно шутя, галантно взял мать за руку, когда они уходили. Они отправились во внешний мир, доставив Лео сюда и закрыв за собой дверь. Какое-то время он слышал стук маминих каблучков, когда она поспешно спускалась по деревянным ступенькам. До него даже донеслось нечто похожее на смелый обмен парой слов и смешок. В этот момент он был взволнован и обрадован тем, что родители ушли. В библиотеке есть экземпляры любой книги, когда-либо изданной в мире. В этом колледже будут учиться люди, которые прочли и поняли каждое произведение английской литературы, и скоро он с ними познакомится. Внизу его ждал вечер первокурсника – и вместе с ним новый, неизведанный мир новых женщин.

Рядом с ним на вечере оказался мальчик, и он решил начать знакомства с него. Лео порадовался. Кажется, джинсы с рубашкой были именно тем, что надо. Парочка незадачливых ребят так и пришли в костюмах, которые надевали на собеседование. Мальчишка, что вошел примерно в одно время с ним и взял бокал хереса, тоже был в джинсах.

– Привет! Я Лео. Ты тут будешь учиться?

– Я буду тут учиться?.. – Тот делано дернулся оттого, что к нему обратились с вопросом. Двигался он, как струя воды под порывом ветра.

Лео улыбнулся.

– Ну да, тут, – ответил мальчик. – Это нормально? Мы так со всеми знакомимся?

Лео не понял, что имел в виду его собеседник.

– Ты какой курс выбрал?

– ФПЭ²⁴, – ответил мальчик. И улыбнулся широко и открыто – но, кажется, улыбался он не совсем Лео.

– Я Лео, – решил он понастаивать еще чуть-чуть.

– Было очень приятно познакомиться с тобой, Лео, – сказал мальчик, – уверен, что мы еще встретимся и так же интересно побеседуем.

И ушел. Лео поймал взгляды двух девчонок, которые наблюдали эту сцену. Их лица показались ему знакомыми. Они хихикали, прикрывая рот ладошкой.

– Да-а, тяжело, – сказала одна из них, с растрепанными черными волосами, в зеленых широких брюках. – Он и нам показался нормальным.

– Наверное, один из гениев, – предположила другая. Прямые длинные рыжие волосы, круглые очки в тонкой золотистой оправе и жилет из плетеного шнура был совершенно из другой эпохи. – Я Клэр, а это Три. Мы видели тебя на собеседовании. Ты нервничал.

– Я и сейчас нервничаю, – признался он. – И весьма.

– Почему?

– В этой комнате больше умных людей, чем я видел за всю свою жизнь, – сказал он, потому что надо было что-то сказать.

– Ну, ты нашел нас, и это уже кое-что, – утешила его Три.

«Три»? А, понятно, Тереза.

– Знаю, – согласился Лео.

Все шло вполне нормально.

Тут появился парень. Брюнет, небритый, с курчавой копной, закрывавшей уши.

– О, это вы, – сказал он девочкам.

– О, опять ты!.. – простонала Клэр. – Он на моем курсе. Мы встретились у доски объявлений: мы читали, он тоже. А потом он пошел за мной, очаровал мою маму и вынудил меня сделать ему чашку «Нескафе». Эдди, тут знакомятся с новыми людьми, а не тусуются с уже знакомыми.

– Значит, я познакомлюсь вот с ним, – сказал Эдди. – Я Эдди, а ты кто такой?

Голос у Эдди был хриплый, высокомерный и самоуверенный, но, кажется, девчонок это не смущало. Такого точно ожидаешь повстречать в свой первый день в Оксфорде. Лео представился.

– Меня достало встречать тех же, кого я знал по школе, – пожаловался Эдди. – Я-то думал, в Хертфорде от них отдохну. А док, да и только.

– А я тут никого из своей школы не вижу, – спокойно сказала Три. – Я единственная поступила в Оксбридж, насколько все знают или припоминают.

– А я училась в Бедейлесе²⁵, – сообщила Клэр. – Так что вообще не ясно, как я умудрилась научиться читать и писать.

Так прошел вечер. Сколько-нибудь оживленные разговоры ему удавалось завязать только с людьми, которые казались ему скучными и расспрашивали его об оценках и экзаменах. А кое-кто оценивал его самого, и беседа получалась неприятной и тягостной. Никто не спрашивал, чем зарабатывает его отец; один раз он сам заговорил об этом – он сын врача, так что нечего смотреть на него свысока.

Но одного вопроса Лео не ждал вовсе – девчонка с полуоткрытым ртом и приподнятой бровью первая спросила его:

– А чем ты занимался в академическом отпуске?

---

²⁴ Философия, политические и экономические науки – один из ведущих курсов в Оксфордском университете.

²⁵ *Бедейлес* – престижная частная школа в графстве Гемпшир, известная своими прогрессивными и либеральными взглядами на образование.

Он не был в академическом отпуске, о чем ей и сообщил, улыбнувшись и пожав плечами. Та девчонка как-то странно, раздражающе пахла. Она коротко и презрительно хмыкнула:

– Ну надо же, как не терпелось учиться!

– А что... – начал было он.

Но она уже отвернулась, визгливо приветствуя кого-то из своей школы. Потом, совсем рядом с ним, кто-то стал отвечать на те же вопросы за его спиной и, кажется, над головой.

– Я преподавал английский в Индии. Это было потрясающе. Чтобы добраться до деревни, требовался целый день. Думаю, они не видели...

Лео обернулся и увидел Тома Дика, рассказывавшего, как он провел академический отпуск в Индии. Тем же, что и два месяца назад, голосом, но гласные он стал произносить иначе, да и громкость изменилась. Он уверенно говорил со стайкой девушек и парнем, умным на вид, энергично кивавшим мрачноватым брюнетом.

Лето, которое Том провел со своей мамой, внезапно превратилось в лето в Индии.

– Удивительно! – сказала рослая, почти с Тома Дика, манерная девица с начесом. – Я была в Индии в прошлом году с мамой и папой. В Раджастане. Мне очень понравилось. Но бедность... Тебя она не расстраивала?

– Потому-то я и поехал, – сказал он. – Поначалу страшно. Но привыкаешь.

– Где именно ты был? – спросил какой-то мальчик.

Но, кажется, Том Дик заметил, что Лео находится в полуметре от него, и стал осторожнее. Возвышаясь над толпой, он бодро – тра-ля-ля – врал собравшимся, восхищенно внимавшим его болтовне, задрав голову: он был сантиметров на тридцать выше большинства из них. Неужели так и надо? Чуть позже, обернувшись, они очутились лицом к лицу. Лео спросил у Тома Дика, как он, все ли с ним в порядке, сказал, что рад его видеть, – ответом ему дважды было смущенное, потрясенное ворчанье. Они смахивали на шпионов на задании, встретившихся в переполненном зале.

На следующее утро Лео рано поднялся и пошел на улицу. Начинался чудесный день. Он отправился в привратническую и стал читать объявления, то есть неформальную их часть: те, что касались насущных дел, размещались под стеклом. Существовало подобие газеты под названием «Ежедневный листок»: желтая бумага, убористая печать, информация о кинопоказах в кинотеатрах вроде «Предпоследний сеанс» и «Мулен Руж», а еще объявления о знакомстве – их Лео просмотрел с интересом. Его собственная почта будет приходить в ящик; он взглянул на стенд объявлений, на строки, начиная со «Ск», – но для него пока ничего не доставили. Выйдя с территории колледжа, он шел мимо Бода (он еще раз проговорил это название), мимо прекрасного круглого здания библиотеки и по узенькому проходу мимо церкви. Холодная синевя неба и камень желтизны и текстуры мягкой помадки. Чуть позже состоится встреча учащихся факультета английского языка – студентов, поправился он, – в кабинете одного из преподавателей. Интересно, надо брать с собой «Былое» или «Портного»?

Изящно-небрежная фигура проследовала ему навстречу, пошатываясь из стороны в сторону широкой мощеной улицы с оживленным движением. Лео узнал Эдди – парня, с которым вчера познакомился, – так его звали девочки. Лео широко ему улыбнулся, приветственно поднял руку и наконец сказал:

– Здорово!

Парень остановился и уставился на него:

– Я тебя знаю?

– Мы познакомились вчера вечером, – напомнил Лео. – В Хертфорде.

– О господи, вспомнил! Привет-привет. Тяжкая была ночка. Пойду сосну пару часиков.

Он поковылял мимо Лео в направлении колледжа. Лео лег в одиннадцать или чуть позже: тот вечер для него закончился в баре колледжа с двумя унылыми математиками по имени Майк и Тим, где он сидел в углу и слушал, как они растолковывают правила настольной игры

«Подземелья и драконы». Все было вполне неплохо; он и не думал, что кому-то из них троих вздумается шататься всю ночь и возвращаться домой в половину пятого.

Принцип у него был такой: никогда не стоит отказываться от того, что предлагают тебе от чистого сердца. Лео не стал бы ни отказываться от дружбы, ни подвергать ее сомнению. Ему бы и в голову не пришло ни спрашивать «Я тебя знаю?», ни презирать людей. Когда тебе что-то открыто предлагают в дар – дружбу, улыбку, приветствие, – нужно ответить улыбкой и принять доброту, которая делает дарителя уязвимым.

Не то чтобы он был склонен к формулированию моральных принципов. Просто такой день – первый день в Оксфорде. Но в десять ему предстояло занятие – или общий сбор. Впервые в жизни он очутится в мире, в котором знают все. До этого все пути, ведущие к знаниям, оказывались короткими – конец пути был виден в самом начале. То, что задавали в школе, приводило к двадцати книгам из школьной библиотеки, а они в свою очередь приводили к двумстам книгам из центральной; читать еще больше мало кто хотел, особенно если учесть, что шансы встретить столь же начитанного человека стремились к нулю. Теперь же он чувствовал, что перед ним открылись двери к залитым солнцем холмам, на которых, точно стада ягнят, резвятся и тучнеют умы. Двери Бодлианской библиотеки все еще заперты на засов. Слишком рано для чего-либо, кроме завтрака. Он желал пойти в библиотеку и начать читать книгу, о которой никогда не слышал. Ибо все эти книги были там.

4

– Куда пошел твой дядя? То есть папа? – спросила Блоссом.

Мальчики были на кухне. Треско в четвертый раз подошел к холодильнику, открыл его, заглянул и снова закрыл. Там не оказалось ничего, кроме той еды, которую принесла утром из супермаркета Блоссом, – именно еды, а не закусок, которые искал Треско. Джош посмотрел на тетю. То, как она задала вопрос, запутало его, и он не ответил. Тогда она снова спросила:

– Куда ушел папа, Джош?

– Не знаю, – ответил тот. – Сказал, у него дела, и ушел.

– Он не с дедом ушел?

– Нет, – раздался приглушенный голос Треско. – Дед уехал раньше. На машине. Я думаю, дядя Лео пошел пройтись, а потом сядет на автобус. У твоего папы нет машины?

– Не знаю, – раздраженно ответила Блоссом. – Мне надоело. Если я кому нужна, я в ванной.

Джош поднял глаза и проводил тетку взглядом. Половина первого. Его жизнь была спонтанной и беспорядочной; иной раз он не мог предсказать, где будет ночевать через неделю. Но привычка знакомых ему взрослых принимать ванну в одно и то же время, перед завтраком, во всяком случае утром, перед тем как одеться, оставалась неизменной. Из кладовой вернулся Треско и с завистью воззрился на оранжевый след, оставленный на пустом блюде перед Джошем, – от тоста с фасолью, который тот приготовил себе сам. Джош сделал вид, что отвернулся.

– Мамочка принимает ванну, понятно, – сказал Треско наконец.

Мамочка это услышала. Она поднималась; на лицо ей падали блики от синего, алого и пурпурного стекла лестничного окошка. В больницу можно было съездить и позже, а теперь Блоссом чувствовала, что заслужила немного заботы и уединения. «Мамочка принимает ванну», – услышала она слова Треско с кухни; забавно – у нее есть давняя, узнаваемая привычка. «Причуда», – поправила она себя и тут же прогнала это слово. Люди, подобные ей, не имеют причуд: это выпренное слово из среднего класса – среды, откуда она родом. Иногда Блоссом принимала ванну среди дня – она чувствовала, что это необходимо: нужно одиночество, закрытая дверь, нужно побыть со своими мыслями и горячей водой.

Она привезла с собой вербеновое мыло и огуречный шампунь и пожалела, что не прихватила приличных полотенец. Здешние были потертыми и грубыми – белые полотенца, которыми Хилари и Селия пользовались уже лет двадцать. Но Блоссом всегда считала, что сама ванная комната прекрасна; непривычной из-за башенки наверху формы; ванна стояла в круглой нише под длинным окном матового стекла. Здесь царил приятнейшая жара: утром сюда попадало солнце, а полотенцесушитель с подогревом – новомодная слабость Селии – работал целыми днями. Блоссом заперлась; поспешно стянула с себя бледно-голубое платье, белые сандалии, трусики и бюстгальтер. Голая, она открыла горячую воду и заткнула слив; она стояла перед зеркалом и смотрела на себя. Журчала вода, вибрировал старый паровой котел. Она была одна и в безопасности.

«Четверо детей», – проговорила она про себя, одними губами. На шее висела дорогая цепочка с кулоном, купленная ей Стивеном, когда она родила ему первенца; «Треско», – думала она в своей самодовольной наготе. Тот, что был сейчас внизу; буква «Т» в ложбинке между грудой, с крошечными бриллиантами на кончиках. А потом еще трое, каждый – такая же цепочка, такой же кулон, еще три буквы «Т», если они спросят. Ей это нравилось. Комната начала заполняться паром, зеркало – запотевать. Длинное, от пола до потолка. Ее отец всегда считал, что нужно знать, как выглядит твоё тело, и небольшие квадратные зеркальца в иных ванных комнатах вызывали у нее жалостливое недоумение. Вот она вытерла плечом запотевшее стекло и отступила на шаг.

Что это за бледное пятно, обретающее форму? Тело; она может смотреть на него как на...

Она и смотрела, высматривая сходство. Тело – не тот предмет, который можно изучать отстраненно, но и *ей* оно тоже не принадлежало. Когда она разглядывала свое тело, ей представлялось, что это вещь, несомненно красивая, которая стоит в доме на одном и том же месте много лет. И теперь она водила по нему руками: когда ее натруженные, огрубевшие ладони касались еще мягких боков, она ощущала то же самое, что, должно быть, чувствует ребенок, когда взрослый касается жесткой дланью зефирной нежности его щеки. В зеркале показывали тело в том его виде, какой бывает после сорока с лишком лет и четверых детей; неплохо сохранилось, но грудь поменяла форму – на ощупь пальцы ощущали зернистость, как у кожаных вещей. Она приподняла грудь; почувствовала отсутствие упругости, податливость кожи; подняла ногу и стала рассматривать самые старые участки своей внешней оболочки: поношенные, морщинистые коленные чашечки, грубую желтизну кожи на пятках. Сколько же лет ее утомленным суставам?

Однажды Стивен уйдет от нее. Не сегодня, не в этом году, но обязательно. Она уже не та, что прежде, и многожды видела выражение лица мужа в спальне вечерами – оно отражалось в зеркале, когда он тщетно пытался сделать вид, что читает книгу. Деньгам открыты все пути, и однажды Стивен покрасит волосы и позволит таскать себя по клубам. Остается надеяться, что это случится не раньше, чем Томас подрастет.

Ванна наполнилась; она закрыла кран.

И зеркало снова стало запотевать: по ее бело-розовому отражению потекли капли, точно пот по ее бокам. Ее формы и кожа хороши, она всегда это знала; они оставались поразительно красивыми до сих пор, если учесть, сколько ей лет. Она провела ладонями по нежным ягодицам и бедрам и обратно, гладила обеими руками бока до подмышек, точно рисуя причудливую вазу. Она обожала себя.

(Внизу, на кухне, мальчишки обсуждали это, и Треско сказал: а, мамочка принимает ванну. Джош, расслышав нечто в его голосе, воззрился на брата и с удивлением обнаружил, что тот скривился, точно обиженный малыш: «Мамочка опять принимает чертову ванну!»)

Они с телом были наедине; снаружи ее ждали жизнь и люди, считавшие себя вправе войти без стука и спросить, куда они дели свою лучшую одежду и почему не явился гребаный бездельник, Норман или как бишь его, хотя именно сегодня он должен был... Мысли вернулись во

внешний мир. Она закрыла его как кран. Ее миг уединения. *Забота о себе*. Она любила стоять и рассматривать тело, составлять списки того, что ему присуще, и того, что оно утратило, его шрамы и места на коже, где после того, как ее ущипнули, исходная гладкость возвращается медленно и неохотно. Снова сделала шаг к зеркалу, отерла испарину; открыла рот. Три зуба мудрости; коренной.

Но увидь кто, как она, раззявив рот, пялится в зеркало, – непременно решил бы, что она свихнулась, спятила, слетела с катушек.

Голос разума и действия зазвучал как деревянный молоток судьи. Она примет ванну, как и собиралась. Надо подумать, как сказать маме об этой глупой истории с разводом. Нельзя же целый день стоять голой и пялиться в зеркало. А еще есть вероятность, что, когда она выйдет из ванной, как раз вернется Лео и расскажет ей новости. Жаль, что это будет Лео; в таких вещах он совершенно безнадежен. Но теперь она расстегнула цепочку, собрала свои темные волосы в узел старой заколкой из чаши на сливном бачке и целеустремленно скользнула в горячую ванну. Котел зашипел. Она слышала голос своего мальчика с первого этажа: он звучал уверенно, точно звучал в лесу, ему принадлежавшем. По ее лицу стекали капли пота и сгущающегося пара, но скоро она ощутила на губах соль и поняла, что это слезы. «Возраст, – подумала она, – вот и плачу, пока никто не докучает».

5

Сразу после случившегося, когда кто-нибудь, правда, это случалось все реже, спрашивал Лео: «Нет, мне, наверное, не понять – отчего ты бросил Оксфорд?», он отвечал: «Не знаю, просто стало невозможно». У него появилась идея. Потому что он наговорил девушке «не того», и это сказало не только на ней, но на всех остальных в радиусе не одного километра. Как старая карта парижского метро: просто нажмешь кнопочку – и высвечивается весь маршрут до дальней станции, и всем его видно. Лео был заурядным, обыкновенным, ничем не примечательным и как раз тем, кто нужен толпе. Обвиняемым. После этого он никогда не говорил женщинам: «Я хочу тебе отлизать»; а ведь он говорил это с энтузиазмом, с нежной, напускной наивностью, и однажды в Шеффилде, в обитой деревом задней комнате бара, женщина схватила его за руку, державшую пинту «Гиннеса», и воскликнула: «Ничего лучше мне не говорили!»

В Херфорде ему досталась вполне приличная комната; под скатом крыши, но весьма уютная. На вторую ночь его пребывания она наполнилась музыкой от соседей. Он не знал, что это играет. Так продолжалось до двух ночи. В конце концов он таки заснул. Наверное, это в комнате под ним, решил он, но, когда на третью ночь с десяти часов повторилось то же самое, он решил сходить, потолковать по-дружески с соседом снизу, и спустился по лестнице в одних носках. Открывший дверь был ему незнаком. «Джеффри», – неохотно представился он, услышав, как зовут Лео, – и обнаружилось, что в его комнате нет никакой музыки. За комнатой Джеффри Чена – так гласила табличка – находился уголок отдыха: плакат с портретом южноамериканского революционера, две зеленые кружки и чайник на книжном шкафу с десятком книг. Джеффри Чен пожелал ему удачи. Сам он ни с кем ссориться не желал. А музыка доносились снизу, из комнаты, которую занимал некий Э. Робсон. Еще оттуда шел сладковатый запах: Лео догадался, что это марихуана.

В комнате оказалось всего пятеро: парень, который обернулся и обалдело воззрился на Лео, был Эдди – должно быть, именно он тут и жил. Узнал он и остальных: высокомерную девушку с полуоткрытым ртом и яичным запахом, Три, с факультета английского языка, и ее подругу Клэр. Три сидела с ним рядом на семинаре за день до этого и сказала, что понятия не имеет, чем они будут заниматься, – она славная, но все равно, увидев ее здесь, он изрядно удивился. Пятым же был Том Дик – он уставился на Лео, а тот отвернулся.

– Не мог бы ты сделать потише? – спросил Лео. – Я пытаюсь работать.

– Я думал, наверху другой живет, – сказал Эдди. – Какой-то китаеза. А ты кто тогда?

– Я живу двумя этажами выше, – сообщил Лео. – Очень уж громко.

– Папа сказал, что больше всего шансов поступить у меня, если я подамся на теологию, – сказала пахнувшая яйцами, не обращая внимания на Лео. – Я вовсе не такая умная, как моя сестра Луиза, так что я послушала папу, и это сработало. Он сказал: «Люси, поработай пару месяцев в „Харви Никс“, духи там попродавай, потом поступай в Оксфорд на теологию, а потом можешь, ну...»

– Что-то новенькое, – заявила Клэр Эдди. – Уже жалуются те, кто даже не живет на нашем этаже.

– Пяти минут не пробыл в колледже – а уже наградил нас скандальной репутацией! – выпалил Том Дик. На Лео он не смотрел. Когда он произносил эти слова, у него изменились даже голос и выговор. Лео никогда прежде не слышал такого раскатистого «р», и ему пришло в голову, что звучит оно неубедительно.

– Привет, Том, – сказал Лео. – Ну, как у тебя дела?

Теперь Том посмотрел на него по-настоящему, и на лице у него отразилась мстительная неприязнь:

– А, это ты. Как *у тебя* дела?

– Нет, нет, Люси, ты неправа, это делается не так, а вот...

– Сделай потише, Эдди, – велела Три. – Надо быть внимательнее к окружающим.

И улыбнулась Лео – единственная, кто вообще осознал факт его появления в комнате. Эдди, потянувшись, убавил звук здорового черного пластикового магнитофона с жесткой крышкой и отдельными колонками. «Capitan Beefheart»: Лео странно порадовался, что может узнать альбом: «Trout Mask Replica»²⁶: весь прошлый год им заслушивался Пит. Но не успел он закрыть за собой дверь, как все пятеро весело расхохотались.

– Я просто хотел сказать... – донесся до него новый манерный голос Тома Дика. – Просто хочу, чтобы вы окончательно и бесповоротно понимали...

Учиться – вот для чего сюда приехал Лео. Учеба происходила в другом мире, совершенно не пересекающемся с теми, более быстрыми, процессами, благодаря которым эти пятеро балдели под песни Капитана Бычье Сердце, точно знали друг друга всю жизнь. Он не был уверен, что успел с кем-нибудь подружиться, – ведь в комнате соседа, куда он пришел пожаловаться на шум, в ответ ему зевали и отводили взгляды.

На следующий день начались лекции, и после завтрака он очутился в толпе студентов, идущих на занятия. Утро выдалось дивным – вновь в солнечных бликах и на контрасте теплых и холодных красок: густая желтизна камня и глубокая синь октябрьского неба. А вот и Три: она искоса посмотрела на него и слегка улыбнулась.

– У нас же лекция по Джордж Элиот? Я ее почти не читала, ну, «Мидлмарч». И тот прочла, потому что наша миссис Килпатрик сказала, что это лучший в мире роман. А, еще «Сайлес Марнер», но это совсем старомодная чушь.

– Что собой представляет этот парень, Эдди? – спросил Лео.

– А, этот? Да придурок. Не знаю, отчего все считают его веселым и остроумным. Затащил нас к себе в комнату и поставил эту жуткую музыку, одну запись за другой. Ты знаком с этим Томасом? Я и не знала, что вы учились в одной школе.

Он хотел сказать, что «этот Томас Дик» – отъявленный лгун, что он не ездил ни в какую Индию, никто никогда не звал его Томасом и еще пять дней назад его голос звучал иначе.

– Да, я его знал. Мы вместе поступали. Он учился со мной в одной школе.

– Я решила, что ты учился в обычной школе, – сказала она.

---

²⁶ «Trout Mask Replica» («Копия маски форели») – экспериментальный альбом Дона ван Влиета, известного под псевдонимом Capitan Beefheart (Капитан Бычье Сердце).

Он искоса присмотрелся к ней. Глаза опущены, лицо спокойно; прижимает к груди книги. Волосы, показавшиеся ему неопрятными и спутанными, на самом деле были в милом беспорядке; чудесная растрепанность. Лишь в уголках рта таился намек на удивление.

– Ну, он сказал, что вообще тебя не знает. Забавный парень этот Томас. Люси думала, что кто-то из ее знакомых знает его родителей. Оказалось, нет. Так как у тебя с Элиот?

Тот же вопрос почти сразу же задал и преподаватель. Лео уважал Элиот не за масштабы, а за искренность, изумление узнавания, которых можно ожидать от подобных словесных объемов. После «Даниэля Деронды» он продолжал читать, осилив «Феликса Холта» и «Сцены клерикальной жизни», не из желания завершенности или во исполнение долга, но лишь желая найти ту же силу узнавания и понимания, какую нашел в тут же вызванном в памяти лице Гвендолен Хэрлит. Эта книга поразила его своей жестокостью, и с тех пор, глядя на мир, он хотел видеть лицо, исполненное гневом и непокоем, и спросить себя: «Красива ли она? Или нет в ней красоты?», в то же самое время постигая науку понимать книги, литературу и слова на странице. Началась лекция с того, что преподаватель велел перечислить, кто какие книги Джордж Элиот прочел, чтобы понять, что из них прочитали больше всего студентов. В просторной аудитории, лишенной естественных источников освещения, где мужчина средних лет потирал руки, Лео подумалось: вот оно, дело всей жизни, вдохновение и признание, – для того лишь, чтобы столетие спустя кого-то назвали хорошей девочкой или хорошим мальчиком. Он знал: несмотря ни на что, Джордж Элиот, как и он сам, и кто угодно, хотела бы иметь читателя, у которого было бы больше общего с Гвендолен Хэрлит, нежели с тем, что происходит сейчас, с «хорошими мальчиками или девочками». Вы читали «Мельницу на Флоссе»... «Мидлмарч»... «Сайлеса Марнера»... «Даниэля Деронду»... «Адама Бида»... «Сцены из клерикальной жизни»... «Феликса Холта». Какое же произведение было истинным, подлинным испытанием? Число рук неуклонно уменьшалось, и, когда преподаватель, потирая ладони, произнес: «Ромола», поднялось лишь две или три. Хорошие девочки и мальчик в переднем ряду. Но и это не было главным испытанием: надо уметь сформулировать, о чем там написано и какие мысли и чувства вызвала книга. Преподаватель, довольный и радостный, начал рассказывать о религиозном неконформизме.

– Пойду куплю зубную щетку, – сообщила Три, когда утренние лекции закончились. – Увидимся в общаге. Чищу зубы, понимаю – что-то не то, и утром поняла, что именно, получила открытку от сестры, Кэрол. Я по ошибке взяла ее щетку. Увезла не ту!

– Ну, теперь-то она твоя, – сказал Лео.

Они спускались по ступенькам факультета английского языка; одним Три радостно махала, на приветствия других безнадежно пожимала плечами.

– О, я этого делать не стану. Одно дело – чистить зубы щеткой, которую считаешь своей, совсем другое – когда знаешь, что она чужая. Не путай. Увидимся.

– В любом случае мне кое-что тоже надо, – сказал он. – Пройдусь с тобой.

– А, хорошо. Значит, ты ничего не читал.

– Чего именно?

– Ничего. Когда спросили, кто что читал из Элиот, ты не...

– Ах да, точно. Это было глупо. Как в школе. Кое-что из Джордж Элиот я читал.

– Ясно.

– Знаешь... – Но Лео осекся, подумав, во что ему обойдется откровенность. Лишь повторил: – Просто глупо.

– Не так глупо, как если бы все подумали, что ты вообще не читал Элиот, а этот семестр будет весь про викторианскую литературу. Мне очень понравился «Мидлмарч». И вообще я считаю, что Розамонда Винс права. Что плохого в том, чтобы хорошо зарабатывать?

– Я понимаю, о чем ты, – сказал Лео. – А вам что задавали для повышенных оценок?

– Знаю, к чему ты клонишь, Лео. – Вопрос явно позабавил Три. – Но все, что надо было прочесть, мне понравилось – это же просто задание, которое необходимо выполнить. Знаешь, что мы читали? «Похищение локона»²⁷. Почти никому не понравилось, они не поняли, про что там. А мне – да. И до сих пор люблю. Так хорошо написано, знаешь, и цитаты заучивались сами. Как песня. «Знай, в нижнем небе духам нет числа»²⁸.

– Ты любишь литературу, – констатировал Лео.

Они шли по узкому проходу, испещренному широкими полосами светотени, между каменных стен. Стояла тишина; небо позднего утра приобрело глубокую синь.

– Конечно, люблю! – сказала Три. – Всегда любила читать. Нет ничего лучше. «И пробок жаждал хор бутылок-дев».

– Чего жаждал?

– Пробок. Это пошловато. Ну, «Похищение локона» же, Поуп. Не читал?

– Нет, никогда, – ответил Лео. – Мы читали Джона Стейнбека. Как-то не очень. А здесь будет очень.

– Да, это уж точно, – подтвердила она. – Будет очень круто.

– Однажды, – небрежно бросил Лео, – я таки тебе отлижу.

Улица была незнакомой, но, произнеся последнее слово, Лео понял: она не просто незнакомая, а неправильная – и он очутился на ней без предостережений и пояснений. Девушка, услышав его слова, спокойно продолжала идти, неся книги и тетрадь под мышкой. Он пребывал в уверенности, что говорил то же самое при схожих обстоятельствах, и женщина, не показывая изумления, принимала его слова и молча соглашалась, а иногда не воспринимала их всерьез, но без особенной неприязни. Да и этой растрепанной девочке с чудными зубами и насмешливой, небрежной повадкой наверняка говорили что-нибудь в этом духе. И вовсе не было нужды говорить: «Вообще-то мне сюда. Пока» – и быстро, не оглядываясь, сворачивать в одну из боковых улочек.

На ходу он так и не понял, как у него вырвалось то, что вырвалось, ответ, который не был ответом; точно из-под ног исчезла последняя ступенька лестницы. Мир вокруг него задрожал, затрясся, и, подумав об этом, он зажмурился. Тот день он посвятил Браунингу: сидя не в кресле, а за письменным столом, читая один монолог за другим, попутно делая заметки. То, что окно выходило на стену, помогало сосредоточиться. Лишь иногда напор и витиеватая манера поэта попадали в другое пространство, где значение уменьшалось, сталкиваясь с пустотой, и Лео обнаруживал себя в мире, в котором сказал едва знакомой женщине, ошибочно подумав, что они флиртуют: «Однажды я таки тебе отлижу», а она быстренько отделалась от него.

А за ужином оказалось, что он сидит недалеко от Три, – она, как всегда, с Клэр, но еще и с Томом Диком, Эдди и Люси, от дыхания которой пахло яйцами и которая поступила на теологию, чтобы попасть в Оксфорд. Он не слышал ни слова из того, о чем они говорили, – разве что обрывок фразы, когда резкий голос Люси прорвался сквозь общий гул: «Но я не понимаю – что он вообще...» и чуть позже: «Как мерзко и жалко», вот и все. Сомнений не оставалось. Разговор начался с того, что они пристально слушали рассказ Три, которая явно не придавала инциденту значения, – но к тому времени, как унесли первое, все с восторгом слушали Тома Дика, а он выкладывал все, что знал. Вдобавок выходило, что Том учился не в одной школе с Лео, однако прекрасно его знает – так вот откуда? В оркестре вместе играли? Спортом занимались? Он наврал, что мать Лео служила у них экономкой? Кто знает – но у него получилось. Окружающие были захвачены его рассказом; с соседних столиков кто-то подсаживался, второкурсники или даже третьекурсники, и задавали, любопытствуя, вопросы, подперев головы локтями, поднимали палец всякий раз, услышав что-то принципиально важное. Только раз он

²⁷ Шуточная поэма Александра Поупа.

²⁸ Перевод В. Микушевича (*здесь и далее*).

услышал то, что говорит Том Дик, – последний определенно этого и добивался. Подали пудинг – Три отставила свою тарелку. Том Дик перестал приглушенно бормотать и быстро, отчетливо произнес: «Эти тихони – от них всякое можно услышать. И если ты не хочешь, я бы хотел попробовать...» Но раздался взрыв смеха, после чего Тому Дику и засмеявшимся мальчишкам сделали выговор. Люси пыталась приободрить Три, щедро изливая ей сочувствие, поглаживая плечи и ругая остальных. «Это не смешно, как вы можете, бедняжка Три, бедная моя...» Лео знал, что не стоило говорить ей того, что он сказал, но теперь он понимал еще и то, что он вежливо (и самонадеянно) намекнул Три на то, что она ему ровня. Она отказала ему, как отказывали до нее, но последствия отказа Три низводили ее в глазах окружения до девчонки из «простой» школы. Теперь она снова стала умной хорошенькой беспомощной девочкой с северным акцентом, той, кого следовало жалеть.

– Ты не будешь? – спросил мальчик, сидевший напротив Лео. Он не прикоснулся к своему пудингу, а все остальные уже поели. Остроглазый, проворный, копна черных волос, азиатское лицо. – Я бы съел. Не наелся ни капельки.

– Забирай. – И, путаясь в голених, ступнях, спотыкаясь о длинную скамью, Лео кое-как выбрался из-за стола и быстро пошел к выходу. Повезет – сочтут больным.

Теперь он превратился в первокурсника, в представлении которого флирт – это когда говорят девушке, что хотят лизнуть ее в промежность. Чуть позже «лизнуть» превратилось в «засунуть палец», а через два дня придумалось и «можно понюхать тебя там?», а она быстро отвечает: «Не стоит, я утром как следует подмылась». Это преследовало его на улице, на студенческих вечеринках, на лекции по Диккенсу, в очереди за сэндвичами – где угодно. Девушки возмущались, давали пощечину, жаловались в деканат или просто пожимали плечами и шли дальше – как женщинам приходится делать всю жизнь. Неизменным в этих историях оставалось то, что все началось с Лео. Это он сказал такое девушке, и в мгновение завязывающихся дружеских отношениях, в волнах теплого, довольного смеха именно он оставался на бобах, недоумевая и протестуя. Однажды, придя на ежедневный семинар, он узнал от деловитого и дружелюбного мистера Бентли, что с сего дня у него не будет партнера по занятиям, поскольку мистер Оллсоп – активный участник Христианского союза и Толкиеновского общества – решил, что станет заниматься с мисс Бриттен. Не то чтобы они с мистером Оллсопом успели особенно сблизиться, однако с ним можно было время от времени переброситься парой слов, скажем о том, как продвигается эссе по Мэтью Арнольду. Уж если и Тиму Оллсопу сказали, что Лео спрашивал девушек, можно ли лизнуть их *там*, об этом теперь уже точно знают все.

Время от времени Лео встречал Тома Дика, который в эти дни именовался Томасом. В столовой, во дворе, пару раз на лестнице, на пути к комнате Эдди на втором этаже по той же лестнице, которая вела к комнате Лео. Том выиграл, хотя Лео понятия не имел, что играет. Всякий раз он презрительно смотрел на Лео; когда они равнялись, глаза его делались дьявольски веселыми, он молча расправлял плечи, обнажал влажные зубы в улыбке, или подобии улыбки, или подавленном смешке. Опускать глаза было уделом его друзей; Тома Дика всегда окружала толпа, смеющаяся над его остротами, впечатляющаяся сложенными за спиной руками и цветистыми рассказами об Индии и жизни в странном полуразрушенном доме в Йоркшире.

У каждого курса был изгой. Все отводили глаза, понимая, что на месте Лео мог очутиться любой из них.

Но самое главное – оказываясь в одиночестве в своей комнате, пытаясь вплотную заняться тем, ради чего здесь находился, то есть книгами и литературой, Лео обнаруживал, что мыслями возвращается к фразе, сказанной им Три. Точно так же он прокручивал в уме цитату из «Даниэля Деронды», бесконечно мучаясь вопросом; неспособный поверить, что слова, которые изменили все, исчезли. Те слова, которые он сказал девушке, показали, кто он есть и в

кого может превратиться. Фразы – и та, и эта – никуда не делись. То есть «Красива ли она, или нет в ней красоты». И «Однажды я таки тебе отлужи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.